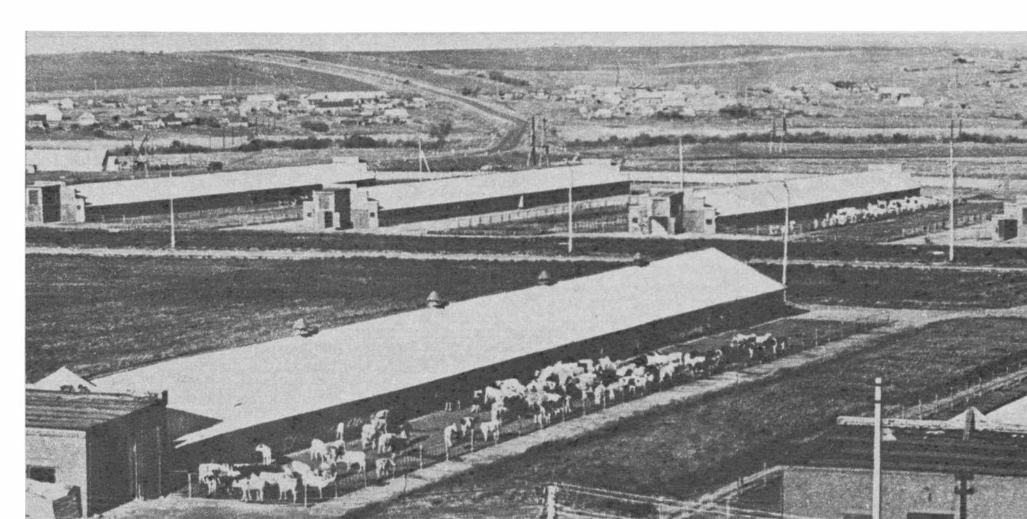
ОГОНЁК
№ 50 ДЕКАБРЬ 1971
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». МОСКВА

ПЕНЗЕНСКИЙ ЭКС

3



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 50 (2319)

11 ДЕКАБРЯ 1971

1
На ферме совхоза «Ардымский» идет кормление телят.

2
Птичница - оператор Пензенской птицефабрики Александра Лазутина обслуживает пятнадцать тысяч кур.

3
Передовые телятницы совхоза «Ардымский» Матрена Тихоновна Орлова, Антонина Макаровна Зубкова и Анастасия Сергеевна Лапина.

4
Так выглядят ардымские фермы.

5
— Давайте-ка еще поэкспериме н т и р у е м...— директор совхоза «Ардымский» Анатолий Дмитриевич Козлов и зоотехник-селекционер Светлана Васильевна Кашицина.

1

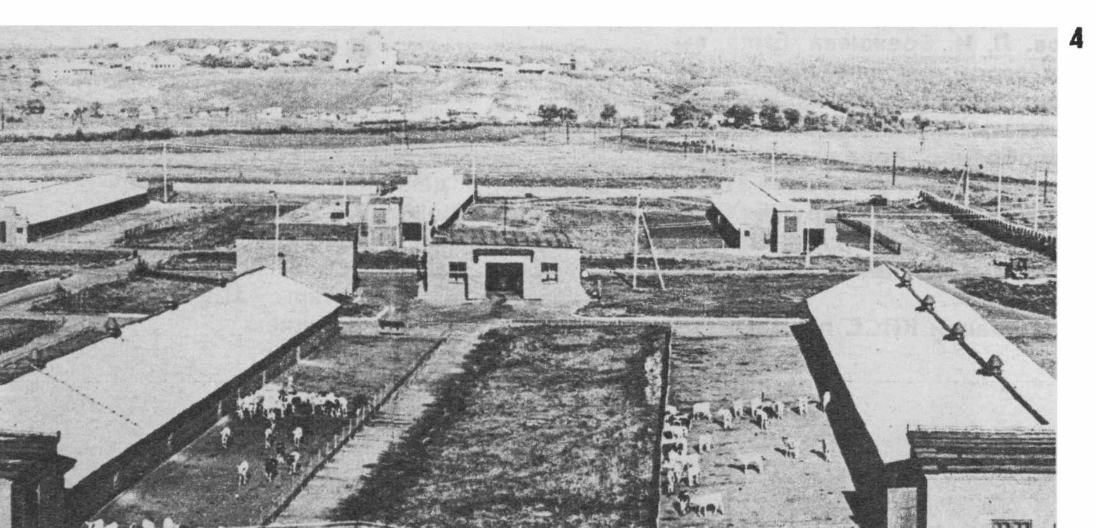
2

ПЕРИМЕНТ

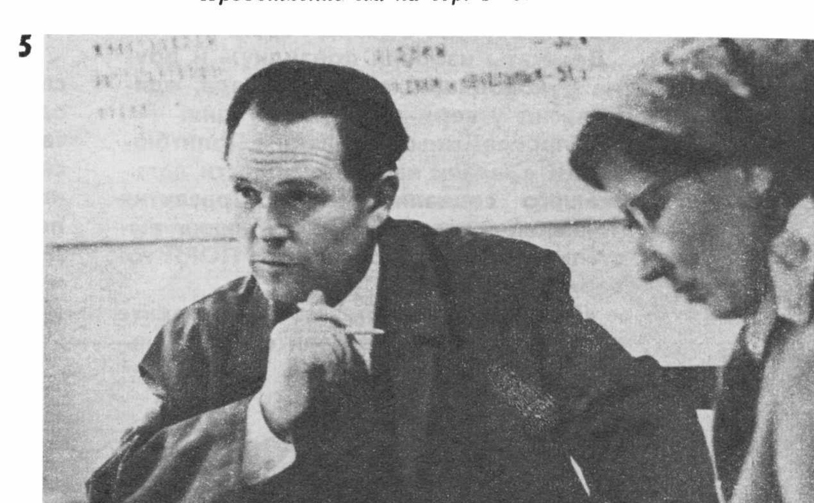
А. ЩЕРБАКОВ
Фото К. КАСПИЕВА и М. САВИНА.

Продолжение см. на стр. 4—5.

4



5



В зале во время открытия съезда. Телефото специального корреспондента ТАСС В. Мусаэльяна.

СЪЕЗД ПОЛЬСКИХ

В понедельник в Варшаве открылся VI съезд Польской объединенной рабочей партии. В красочно убранном зале конгрессов Дворца культуры и науки собрались 1815 делегатов и гости съезда — делегация КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым, посланцы других братских коммунистических и рабочих партий.

Съезд открыл Первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии товарищ Эдвард Герек.

Делегаты избрали президиум и другие руководящие органы съезда, единогласно утвердили повестку дня.

С программным докладом Политбюро ЦК «Задачи партии в области дальнейшего социалистического развития Польской Народной Республики» выступил Первый секретарь ЦК ПОРП товарищ Э. Герек.

«В представленном съезду проекте программы мы начертали образ Польши 70-х годов»,— сказал в своем докладе товарищ Э. Герек. Он подчеркнул, что польские коммунисты связывают будущее своей страны с укреплением дружбы, союза и сотрудничества с СССР.

Бурной овацией в честь КПСС, в честь нерушимой польско-советской дружбы встретили участники съезда выступление главы делегации Коммунистической партии Советского Союза Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева.

Речь тов. Л. И. Брежнева была выслушана с огромным вниманием и неоднократно прерывалась аплодисментами. Делегаты и гости выражали тем самым одобрение положений и оценок, содержащихся в речи, свое стремление крепить братскую дружбу между КПСС и ПОРП, Советским Союзом и Польшей, высоко нести знамя мира и социализма.

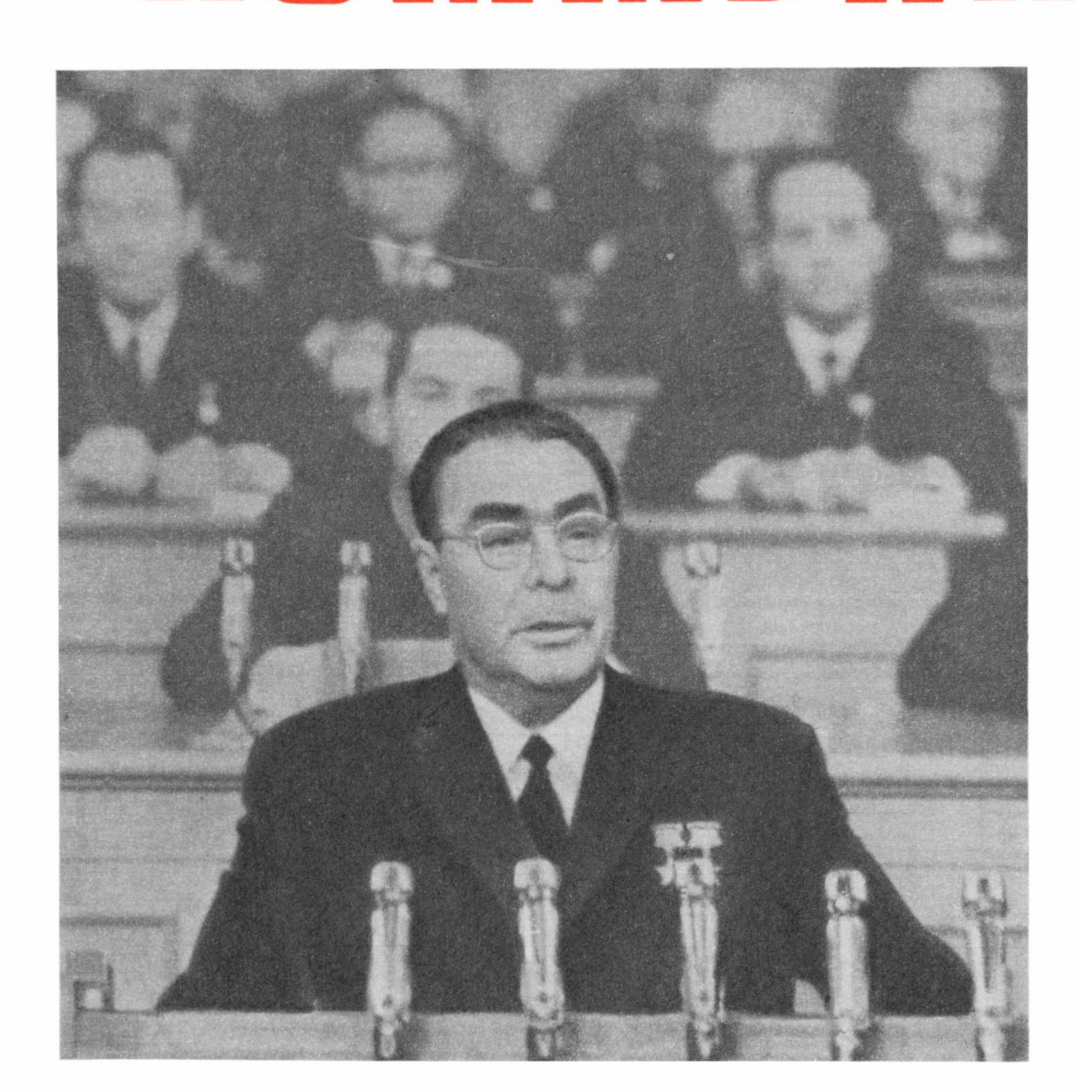
Глава делегации КПСС передал президиуму съезда приветствие Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. В нем говорится, что «советские коммунисты будут и впредь делать все для того, чтобы постоянно развивалось советско-польское сотрудничество, чтобы креп братский союз наших стран на благо советского и польского народов, на благо мира, прогресса и социализма».

●

Варшава. 7 декабря. VI съезд Польской объединенной рабочей партии. Выступает глава делегации Коммунистической партии Советского Союза Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

На снимке (справа налево): товарищи Э. Герек, Л. И. Брежнев, Г. Гусак, П. М. Машеров, член Политбюро ЦК ПОРП, секретарь ЦК ПОРП С. Ольшовский отвечают на приветствия делегатов съезда.

КОММУНИСТОВ



ПОСЕЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНЫМ СЕКРЕТАРЕМ ЦК КПСС ТОВАРИЩЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ-ГЕРОЯ

По пути из Москвы в Варшаву Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, направлявшийся во главе делегации КПСС на VI съезд Польской объединенной рабочей партии, имел кратковременную остановку в городе Бресте.

Леонид Ильич Брежнев и члены делегации П. М. Машеров, К. Ф. Катушев, В. И. Долгих, А. Ф. Ватченко, К. В. Русаков посетили Брестскую крепость-герой, осмотрели сооружения мемориального комплекса на ее территории, побывали в музее героической обороны твердыни над Бугом, возложили венки к плитам мемориала, где захоронены останки легендарных защитников цитадели.

Во время осмотра мемориального комплекса крепости Леонида Ильича Брежнева горячо приветствовали многочисленные посетители крепости.

В книге почетных посетителей Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев оставил запись: «Века будет жить в памяти народов подвиг защитников Брестской крепости,— жить и призывать людей к беззаветной преданности Советской Родине.

Величественный мемориал, созданный в 1971 году,— достойная дань мужеству героев. Спасибо тем, кто его создал.

Народы планеты, боритесь за мир!»

ВИЗИТ В ДАНИЮ И НОРВЕГИЮ

По приглашению датского правительства Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин посетил Данию с официальным визитом со 2 по 5 декабря 1971 года.

Во время пребывания в Дании Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин был принят Его Величеством королем Фредериком IX.

Между Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и Премьер-Министром Дании Е. О. Крагом состоялись переговоры в Копенгагене. А. Н. Косыгин и сопровождающие его лица посетили также Ольборг и другие города Северной Ютландии. Повсюду им был оказан теплый, радушный прием. Советская правительственная делегация имела возможность осмотреть промышленные и сельскохозяйственные предприятия, встретиться с представителями широких датских кругов, ознакомиться с различными сторонами жизни народа, а также достопримечательностями страны.

Как отмечается в советско-датском коммюнике, в ходе переговоров, проходивших в откровенной и дружественной атмосфере, стороны обсудили как ряд актуальных международных проблем, так и вопросы отношений между Советским Союзом и Данией и перспективы их дальнейшего развития.

При обмене мнениями по вопросам двусторонних отношений Председатель Совета Министров СССР и Премьер-Министр Дании подчеркнули, что широкое развитие советско-датских отношений отвечает интересам обеих стран и способствует укреплению взаимного доверия и мира в Европе.

5 декабря Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и сопровождающие его лица прибыли с официальным визитом по приглашению правительства Норвегии в Осло.

Главу Советского правительства на аэродроме Форнебю встречали Премьер-Министр Норвегии Т. Браттели, министр иностранных дел А. Каппелен, члены правительства, посол Норвегии в СССР Ф. Якобсен и другие.

Среди встречавших находились посол СССР в Норвегии С. К. Романовский, главы дипломатических представительств, аккредитованные в Осло, представители норвежской и иностранной печати.

От имени норвежского правительства был дан обед в честь Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина. Во время обеда Т. Браттели и А. Н. Косыгин обменялись речами. Глава Советского правительства в своей речи выразил готовность к дальнейшему расширению и укреплению связей между Советским Союзом и Норвегией. Эти связи, отвечающие интересам народов обеих стран, подчеркнул он, содействуют в то же время нормализации общей обстановки в Европе, в том числе и на европейском севере.

На следующий день Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и сопровождающие его лица посетили крепость Акерсхюс, на территории которой весной 1945 года гитлеровцы расстреляли норвежских патриотов — участников борьбы против оккупантов. Глава Советского правительства возложил венок к памятнику, сооруженному в честь борцов Сопротивления. Затем советские гости направились к кладбищу Вестре Гравлюнд, где установлен памятник советским воинам, павшим в борьбе за освобождение Норвегии от нацистских захватчиков. К памятнику был возложен венок от главы Советского правительства.

Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин нанес визит председателю стортинга (парламент) Норвегии Б. Ингвалдсену и имел с ним дружескую беседу.

На снимке: Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и Премьер-Министр Дании Е. О. Краг во время переговоров.

Телефото ТАСС.

ПЕНЗЕНСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Начало см. на 2-й стр. обл.

Мокрый снег падает на цветочные клумбы. Виктор Андреевич Бельденков злится на погоду, сокрушается:

— Надо же! Так рано вянут цветы...

Но, отойдя от окна, оживляется, мечтает:

— В будущем году розы привезем... Тысяч двадцать всяких кустарников высадим...

Директор совхоза, где пущена одна из самых крупных в стране свинофабрик, заботится о цветах возле животноводческих помещений. Хорошая примета!

Я не случайно употребил выражение «пущена свинофабрика». Хочется подчеркнуть индустриальный характер здешнего производства. Осуществляется то, к чему уже давно через трудности, поиски шла наша деревня.

То, что сделано и делается в Пензенской области, можно назвать активной разведкой в будущее. Первые донесения разведки подтверждают правильность и надежность выбранного пути.

Панкратовская свинофабрика, совхоз «Ардымский», выращивающий телок, птицефабрика, молочный комплекс «Терновский» и совхоз «Россия», где занимаются откормом крупного рогатого скота,— это все хозяйства современные, мощные. В «Панкратовском» одновременно ставят на откорм 25 тысяч поросят, в «России»— 11 тысяч бычков; «Ардымский» берет на воспитание сразу пять тысяч телочек. Таковы масштабы. А вот некоторые экономические характеристики. На свинофабрике в сравнении с обычной фермой в четыре раза уменьшились затраты труда на центнер привеса; в совхозе «Россия» среднегодовое число всех категорий работников фермы сократилось со 179 человек в 1967 году до 104 в 1970-м, а количество продукции (в расчете на одного среднегодового работника) увеличилось за это время на сумму в 16,8 тысячи рублей. Об экономическом эффекте, достигнутом в совхозе «Ардымский», можно судить по надоям одной из его воспитанниц, Зорьки: за первую же лактацию она дала 4 400 килограммов молока — на 1 550 килограммов больше, чем надаивают от ее матери.

Что же касается технического облика этих хозяйств, тут уж судите сами...

У пульта сидит диспетчер. Зажигается лампочка, дающая знать: «Корм готов». Диспетчер сигнализирует на фермы и включает транспортер. Начинается очередное кормление поросят. Зеленые, красные вспышки на пульте подсказывают диспетчеру, как работают транспортеры, вовремя ли включаются плужки, равномерна ли подача из бункера. У пульта Лидия Васильевна Киливник. Она следит за правильным приготовлением блюд, за точным соблюдением составленных зоотехником рационов, отвечает за всю процедуру кормления. На то она и инженер. В Панкратовском совхозе 50 человек с высшим и средним специальным образованием. Есть специалисты, которым в недавнем прошлом в сельском хозяйстве при всем желании не нашлось бы применения: инженеры по автоматике, вентиляции, теплофикации...

Старший инженер фабрики Александр Васильевич Ухоботин окончил политехнический институт. Бельденков позвал его в совхоз, мало надеясь, что он город поменяет на деревню. А Ухоботин приехал. И открыл для себя такое поле деятельности, что никакое другое его и не манит.

Не думал Бельденков, что задержится в совхозе другой инженер — Виктор Николаевич Объедков. Волгарь, он ехал по распределению в Пензу, твердо решив, что при первой возможности вернется к себе на Волгу. Возможность такая представлялась ему не раз, но Объедков не уехал. Увлекся главный энергетик фабричными проблемами, планов у него на несколько лет вперед, и по Волге скучать некогда.

Для людей творческих поисков, смелых замыслов тут большое поле деятельности.

Анатолий Дмитриевич Козлов, директор совхоза «Ардымский», не очень-то удовлетворен нынешними экономическими показателями хозяйства, хотя по сравнению с теми, что были до специализации, они как небо и земля. Но Анатолий Дмитриевич — за вариант предельно оптимальный. И вот начались поиски. Как лучше организовать труд, расставить лю-

ИНДОСТАНУ НУЖЕН МИР

На полуострове Индостан в эти дни, в районах, прилегающих к индо-пакистанской границе, идут ожесточенные бои. В боевых действиях принимают участие бомбардировочная авиация, танки, артиллерия, военно-морские силы.

«Пакистан развернул против Индии широкую войну»,— заявила премьер-министр Республики Индии Индира Ганди, выступившая по радио с обращением к народу. Ганди призвала народ к мужеству, единству и решимости. В стране введено чрезвычайное положение.

Индо-пакистанскому военному конфликту предшествовала нарастающая напряженность в отношениях между двумя странами. Причиной такого положения явились события в Восточном Пакистане. Как известно, в декабре 1970 года на выборах в законодательные органы там одержала победу партия Народная лига во главе с М. Рахманом. После этого начались переговоры между президентом Пакистана и руководителями Народной лиги о будущем государственном устройстве, предусматривающем автономию Восточного Пакистана. Прервав эти переговоры, правительство Пакистана обрушило жестокие репрессии против населения Восточного Пакистана. Лидеры Народной лиги были арестованы. Тысячи людей погибли, число тех, кто вынужден был бежать, чтобы спастись от кровавого террора, достигает сегодня десяти миллионов. Десять миллионов восточнопакистанских беженцев ныне находятся на территории Индии.

Правительство Пакистана, встретив сопротивление восточнопакистанского населения политике террора и репрессий, пыталось обвинить Индию в создавшейся ситуации и взяло курс на обострение отношений с ней.

Советский Союз всегда выступал за нормализацию отношений между Индией и Пакистаном, неоднократно высказывал Пакистанскому правительству свою озабоченность положением на Индостанском полуострове в связи с событиями в Восточном Пакистане. В опубликованном недавно Заявлении ТАСС говорится: «Советское правительство считает необходимым со всей определенностью заявить руководителям Пакистана о той тяжелой ответственности, которую они берут на себя, следуя этим опасным курсом.

Перед лицом военной угрозы, нависшей сейчас над Индостаном, к чему не может остаться безучастной ни одна миролюбивая страна, Советский Союз выступает за безотлагательное прекращение кровопролития и осуществление политического урегулирования в Восточном Пакистане на основе уважения законных прав и интересов его народа».

Индия приветствовала советское заявление по поводу положения на полуострове Индостан.

6 декабря Индира Ганди объявила в парламенте, что Индия признала «народное демократическое правительство Бангла деш» (Восточного Пакистана).

На снимке: Восточнопакистанские беженцы. Репрессии военных властей Пакистана заставили десять миллионов людей покинуть родные очаги и искать убежища в соседней Индии.

Фото ЮПИ.

дей. Составлено уже несколько схем, и в каждой из них директор находит изъян: «Давайте еще поэкспериментируем...»

Когда начинали специализацию, в кормоцехе работало шесть человек: на первом этапе иначе не получалось. Но Козлов считает, что теперь этот этап остался позади, и предложил по-иному дело повести. Теперь в кормоцехе одна работница, причем в обязанность ей оказалось возможным вменить еще и мытье кормушек. И по расчетам директора получается, что она загружена не полностью, ее непременно «догрузят».

— Будем расширять фермы, не увеличивая числа работающих.— Анатолий Дмитриевич говорит об этом уверенно. У него уже есть на сей счет свой план.— Сейчас ломаю голову над тем, чтоб организовать управление иначе, дать возможность специалистам заниматься только технологией, бригадирам и звеньевым — только организацией производства, а начальников участков обяжем заниматься и бытом рабочих: корма для личного скота, детсад, ремонт жилищ, столовые, топливо, торговля, поездка на рынок в Пензу...

Курс — на индустриализацию сельскохозяйственного производства. Крестьянин становится индустриальным рабочим. У него теперь и запросы выше и требования больше. Но и трудится поодругому. Директор это видит и с удовлетворением отмечает: рядовые работники перестают быть лишь исполнителями, они становятся искателями, творцами. Козлов помнит, как телятниц заботила реконструкция кормушек, сколько умных предложений высказали тогда Мария Леонтьева, Люба Волкова, Полина Панюшкина, Аня Тараканкина.

...В областном комитете партии ученые-аграрники из Москвы рассказывали о своих впечатлениях после осмотра индустриальных комплексов. Восторгались. Хвалили. И напоминали о еще не решенных проблемах: несовершенны отношения между хозяйствами и мясокомбинатами; необходимо наладить в промышленности выпуск узлов для комплектования различных установок и агрегатов в животноводческой промышленности. И о специальной одежде животноводов и о цветах возле ферм говорили... Таковы приметы сегодняшнего дня.

Пензенская область.

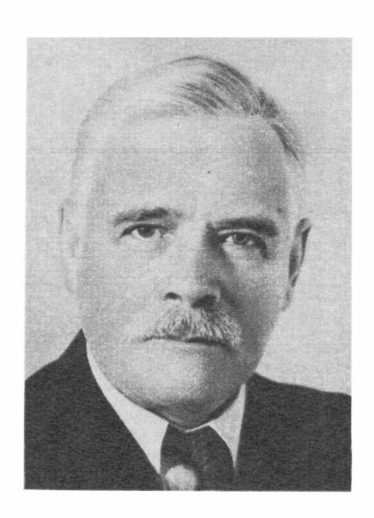
Андрей Андреевич АНДРЕЕВ

Скончался А. А. Андреев, активный участник революционного движения, один из видных партийных и государственных работников, член Коммунистической партии Советского Союза с 1914 года.

А. А. Андреев родился в 1895 году в деревне Кузнецово, Сычевского района Смоленской области, в крестьянской семье. В 1914 году А. А. Андреев приезжает в Петроград и поступает рабочим патронно-гильзовых мастерских, в этом же году он вступает в партию большевиков. Во время первой мировой войны А. А. Андреев ведет работу в подпольных большевистских организациях города Петрограда, является членом Петроградского комитета РСДРП(б). После Февральской революции в 1917 году он был одним из организаторов Петроградского союза металлистов, избирался делегатом седьмой (апрельской) Всероссийской партийной конференции. А. А. Андреев — активный участник Великой Октябрьской социалистической революции.

С 1918 года А. А. Андреев по заданию партии вел партийную и профсоюзную работу на Урале и на Украине. В 1920—1922 гг. он секретарь ВЦСПС, а затем по 1927 год работает председателем ЦК профсоюза железнодорожников. А. А. Андреев неоднократно избирался в состав Центрального Комитета партии. С 1926 года он кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), а с 1932 по 1952 год — член Политбюро ЦК ВКП(б).

В 1927—1935 годах А. А. Андреев секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), председатель ЦКК ВКП(б), нарком РКИ СССР и заместитель председателя Совнаркома СССР, нарком путей сообщения. С 1935 по 1946 год



А. А. Андреев работал секретарем ЦК ВКП(б), являлся председателем Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), народным комиссаром земледелия СССР.

С 1946 по 1953 год А. А. Андреев был заместителем председателя Совета министров СССР и председателем Совета по делам колхозов при правительстве СССР.

А. А. Андреев избирался депутатом Верховного Совета СССР первого, второго, третьего, четвертого и пятого созывов, был членом Президиума Верховного Совета СССР.

На всех постах, которые ему доверяла партия, А. А. Андреев отдавал все свои силы и знания делу строительства социализма и коммунизма, беззаветно служил нашей великой социалистической Родине.

Заслуги А. А. Андреева высоко оценены Коммунистической партией и Советским государством. Он был награжден четырьмя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, многими медалями.

Светлая память об Андрее Андреевиче Андрееве навсегда останется в наших сердцах.

Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, Д. А. Кунаев, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, П. Е. Шелест, В. В. Щербицкий, Ю. В. Андропов, П. Н. Демичев, П. М. Машеров, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, Б. Н. Пономарев, Г. Ф. Сизов, М. П. Георгадзе, Б. П. Бещев, В. В. Мацкевич, Е. Ф. Кожевников, А. И. Микоян, Ф. Н. Петров, А. Д. Блохин, Т. Ф. Людвинская, Л. А. Фотиева, Н. П. Богданов, Е. Р. Левитас, П. Н. Поспелов, М. В. Фофанова.

Фото ЮПИ

ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЬЕТНАМ

Владимир ДУНАЕВ

Английский министр иностранных дел Дуглас-Хьюм сделал сердитое представление, когда год назад в корреспонденции из Северной Ирландии я сравнил местные британские карательные операции с американскими методами ведения войны во Вьетнаме. Затем правительство консерваторов выслало из страны американского студента, посмевшего прямо назвать Ольстер английским Вьетнамом.

Тогда Лондон еще был на стадии «первоначального накопления» террора, тогда английские солдаты еще не получили приказа «патронов не жалеть» и использовали в основном слезоточивый газ и резиновые пули.

За год — сотня убитых, тысячи раненых, концлагеря, пытки... Теперь выражение «британский Вьетнам» стало обычным. Так назвал недавно Северную Ирландию американский сенатор Эдвард Кеннеди. Так пишет теперь сама английская печать.

...Красный «даблдеккер» — двухэтажный автобус, реквизированный «именем восстания», закрыл выход из узкой улицы Белфаста. Улица называется Балаклава — имперский отзвук крымской кампании. Сейчас на Балаклаве идет сражение ирландцев с английскими войсками. Из-за двухэтажной баррикады летят камни, бутылки с зажигательной смесью, самодельные бомбы, изготовленные из гвоздей... Английские солдаты со щитами медленно приближаются к баррикаде, вскидывая автоматы...

Может быть, о других странах и можно начинать очерк с «настоящего времени». В Ирландии трудно что-либо понять без прошлого.

В Северной Ирландии идет необъявленная война. Она продолжается уже 50 лет. Война за воссоединение страны, война между ирландским населением и английскими войсками, война между борцами за гражданские права и местными гориллами, между жителями католических гетто и погромщиками... Но среди всего этого калейдоскопа противостояний, среди больших и малых политических, освободительных и религиозных сражений вырисовывается главная и наиболее опасная для Лондона война — социальная, гражданская война. Война хижин против дворцов, батраков против помещиков, рабочих против бизнесменов — местных и английских.

Я видел первые зарницы нынешнего самого ожесточенного сражения три года назад в городе Дерри. Англичане упорно называют его Лондондерри, так как их король когда-то подарил этот город английской столице. В октябре шестьдесят восьмого года палач с портфелем министра — Крейг — приказал полиции зверски расправиться с демонстрантами. С тех пор были застрелены, ранены, избиты десятки тысяч ирландцев. Но те первые восемьдесят жертв полицейского террора стали символом полицейского режима, фашистских законов, символом того, что помещики не уступят без крови, без террора, без концлагерей и пыток.

Я видел переполненные тюрьмы в Дерри и Арма. Я был у биржи труда, где в очереди стоит каждый пятый житель Дерри и Страбана... Именно оттуда, от биржи труда, рабочие пареньки и отцы семейств отправились на узкие улочки пролетарского гетто — Богсайда, чтобы построить баррикады...

В августе 1969 года помещичий режим зашатался. Пролетарские районы перешли полностью в руки отрядов рабочей самообороны, глубочайший кризис до основания потряс всю классовую пирамиду Северной Ирландии. Казалось, всесилию религиозного Оранжевого ордена и помещиков пришел конец. Именно в этот момент на улицы городов Ольстера бросил Лондон английские батальоны.

После введения английских войск в действие число безработных в Северной Ирландии удвоилось, религиозная, политическая и социальная дискриминация усилилась.

У каждого народа есть свой час решений, набатный, грозный час.

И вот настал час Ирландии. Линия фронта британской армии

проходит сейчас через дома, улицы, города Северной Ирландии. Газовыми, резиновыми, свинцовыми снарядами, гранатами, пулями ведут огонь английские солдаты.

Что переживает Северная Ирландия? Леденящую кровь трагедию или освободительный взлет? И то и другое. Как Вьетнам. Когда наступает пробуждение, когда рождается свет, на страну опускают жалюзи из штыков. И тогда карательную ночь взрывает баррикадное утро. Как однажды, совсем недавно в рабочем квартале Дерри.

Всю ночь солдаты обстреливали баррикаду газовыми гранатами, резиновыми пулями. Рабочие отбили четыре атаки английской роты. Явно готовилась пятая... И в этот момент я увидел, как бегут к баррикаде мужчины и женщины, прижимая к себе сонных, плачущих детей. У ящиков и кирпичей, перегородивших улицу, было безопаснее, чем в домах рабочего предместья, по которому вели огонь с городской стены. Здесь не было страшного ощущения бессилия и обреченности. Здесь стояли рабочие люди, сжимая в руках булыжники. Люди, готовые и способные защитить детей.

У английских батальонов не ведется «подсчет тел», принятый у американских частей во Вьетнаме. Но и здесь, в Северной Ирландии, бессильная ярость карателей поражает самые легкие мишени: женщин и детей. Найти борцов сопротивления, схватить защитников баррикад неизмеримо труднее, чем затопить газом целую улицу, пустить веером автоматную очередь по пролетарскому кварталу. И в этом заключается особенность необъявленной войны, которую ведет английское правительство против населения Ольстера.

Дети, убитые в постели и раздавленные броневиками. Женщины, расстрелянные в упор; уложенный наповал священник — не слишком ли много «случайностей» в послужном списке британских рот и батальонов? Я говорю только о тех трагических случаях, о которых мне рассказывали очевидцы и члены семей погибших.

Совсем недавно, в ноябре, во время повального обыска в районе Андерстаун (это — католическое предместье Белфаста) английский солдат-десантник в упор выстрелил резиновой пулей в пожилую ирландскую женщину, мать одиннадцати детей,— Эмилию Гроувз. Английские десантники проводили в это время обыск в соседнем доме. Солдат прокричал что-то с улицы. Женщина подошла к окну, открыла его и спросила: «Что вы сказали?»

В следующее мгновение дети услышали стон и увидели, как их мать, прикрыв лицо руками, падает на пол, резиновая пуля — новейшее изобретение британской демократии — попала в лицо женщины, выбив оба глазных яблока. Вместе с ослепшей матерью в больницу отправили дочь с тяжелым нервным потрясением.

На днях в лондонском еженедельнике «Нью стейтсмен» я прочел: «С кем ни поговоришь из английских солдат или офицеров, все ссылаются на особые качества ирландцев — их горячность и вспыльчивость. Они воспламеняются даже быстрее итальянцев». Мне вспомнилось, как в баррикадном Белфасте почти теми же словами описывал «странных» ирландцев командир роты прикрытия второго парашютнодесантного батальона английской армии майор Джим Бэрк. Генерал «Вспыльчивость», атаман «Горячность» — вот кто, оказывается, выводит ирландцев семь веков подряд под английские пули.

Очень может быть, что «вспыльчивые» дети ирландки Эмилии Гроувз возьмутся за оружие после того, как на их глазах английский солдат изуродовал их мать.

В Белфасте четверо юношей вышли на поединок с английским батальоном. Они все погибли после пятичасовой осады. Это были «смертники». Они знали, что их ждет, пробираясь на чердак своей последней крепости. Мне потом рассказывали, что эти юноши знали о нестерпимых, подлых пытках, которым подвергают их товарищей в концлагерях. И они не смогли ждать. Они должны были дать выход своему гневу.

Да, вспыльчивый этот народ, если английской армии приходится держать в британском Вьетнаме 16 полных батальонов — 14 с лишним тысяч штыков.

Это было в августе — сентябре 1969 года. Второй по величине город Северной Ирландии управлялся самими рабочими, их милицией, избранными лидерами. Коммунары распределяли одежду, оказывали помощь нуждающимся.

Бессильные сломить Богсайд, власти устроили зверский погром в рабочих кварталах Белфаста. Полицейские броневики из тяжелых пулеметов прошили свинцом дома католиков. Ответом на кровавую расправу стали пролетарские коммуны в Белфасте. Английское правительство — тогда у власти были лейбористы — тотчас распорядилось вывести на улицы североирландских городов армейские броневики и мотопехоту.

Лондон обещал реформы. Но вскоре начался позорный суд над членом парламента, ирландской патриоткой Бернадеттой Девлин. Ее бросили в тюрьму за участие в защите Богсайдской коммуны.

Армейские патрули начали «обкуривать» семьи удушающим газом. Начали проводить повальные провокационные обыски. Об обещанных реформах не вспоминали ни местные правители во дворце Стормонт, ни английские во дворце Вестминстер, особенно после смены лейбористского караула консервативным.

И снова безработица, нужда и бесправие вывели людей на улицу.

Эта кампания нарастает, как снежный ком. Руководители движения за гражданские права выступают ежедневно на многочисленных митингах жителей кварталов, улиц. Собираются те люди, которые никогда до этого не участвовали в политических митингах. Повсеместно избраны комитеты самоуправления, рабочие органы власти. Это им, а не правительству вносят деньги жители для того, чтобы коллективно поддерживать семьи арестованных, чтобы наращивать кампанию протеста.

Восстание в Северной Ирландии пылает все ярче, все жарче. На баррикады выходят теперь семьями, домами, улицами.

Дерри — Белфаст — Лондон
(по телефону).

К 70-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ГЕНЕРАЛА АРМИИ
Н. Ф. ВАТУТИНА

ГЕНЕРАЛ ВАТУТИН

Александр ВОИНОВ

В эти дни талантливому советскому полководцу Николаю Федоровичу Ватутину исполнилось бы семьдесят лет. Он умер 15 апреля сорок четвертого года от тяжело его ранившей вражеской пули.

Генерал армии, Герой Советского Союза, командующий фронтом. Полководец, участвовавший в таких битвах, как Сталинградская, как сражение на Курской дуге; он руководил войсками, форсировавшими Днепр и освободившими Киев, громившими Корсунь-Шевченковскую группировку гитлеровцев. Но были еще и Воронеж, и Харьков, и Белгород, и степи правобережной Украины...

А еще раньше — бои гражданской войны, Полтавская военная школа, встреча с Михаилом Васильевичем Фрунзе — соратником Ленина. И на всю жизнь запомнившаяся клятва верности революции, которую дали курсанты-выпускники на плацу, целуя знамя, древко которого держал Фрунзе. А затем годы работы в войсках, учеба в двух военных академиях. Если же память перенесется в более давние десятилетия, то вспомнится, как в начале века, на исходе 1901 года — 16 декабря,— в маленькой деревушке, называвшейся Чепухино, в большой крестьянской семье родился Коля Ватутин. Сейчас эта деревня называется Ватутино, и находится она в Валуйском районе, Белгородской области. В этой деревне, неузнаваемо преображенной временем, есть маленькая хатка, бережно охраняемая односельчанами. Эта хатка помнит юного Николая, ушедшего отсюда в большую жизнь...

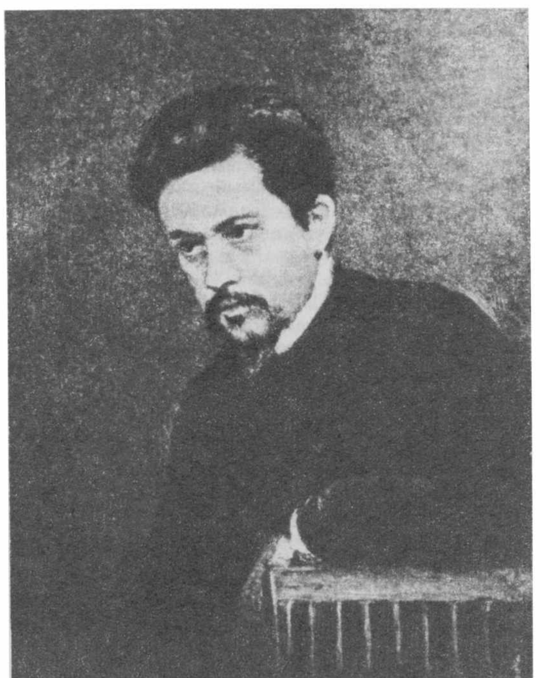
Николай Федорович Ватутин принадлежит к поколению, юность которого совпала с гражданской войной. В восемнадцать лет — красноармеец. Осенью 1920 года он уже в Полтаве — курсант Полтавской пехотной школы. Навсегда связал Ватутин свою жизнь с армией. И изучению военного дела он отдал весь свой талант. Командование обратило внимание на выдающиеся способности Н. Ф. Ватутина. Высшая аттестационная комиссия при Реввоенсовете решила: «Считать целесообразным использовать Ватутина Н. Ф. в Генеральном штабе РККА».

Годы работы в Генеральном штабе — это годы огромного труда. Н. Ф. Ватутин изучает важнейшие стратегические проблемы, глубоко вникает в экономику страны, следит за международной жизнью. С первых же дней Великой Отечественной войны Н. Ф. Ватутин в войсках. Тридцатого июня сорок первого в качестве начальника штаба фронта он прибыл на Северо-Западный фронт и сразу оказался в гуще грозных событий. Гитлеровская авиация бомбила Псков и Новгород. Требовалось сделать все, чтобы сохранить управление войсками, которые теснил враг. И вот в этих крайне сложных условиях Н. Ф. Ватутин сумел организовать жесткую оборону. Враг был остановлен.

Н. Ф. Ватутин сохранял спокойствие в самые напряженные минуты, когда, казалось бы, достигнут предел и человеческие нервы уже не могут выдержать. Он умел отказываться от собственных решений, если понимал, что обстановка подсказывает лучшие. Так было, например, под Букрином в октябре 1943 года, когда в результате стремительного и неожиданного для Манштейна маневра основная масса войск была выведена с букринского плацдарма, переброшена на север, на лютежский плацдарм. Внезапным ударом армии Первого Украинского фронта под командованием Ватутина освободили столицу Украины Киев! Это произошло на рассвете шестого ноября 1943 года...

Николай Федорович погиб сорока двух лет, в самом расцвете сил и таланта. Но славное имя Н. Ф. Ватутина продолжает жить в народной памяти.

Н. А. Ярошенко. Автопортрет. 1895 год.



Галина **ЩЕРБАКОВА**

СОВЕСТЬ ПЕРЕДВИЖНИЧЕСТВА

В самом конце 1871 года в Петербурге открылась первая Передвижная выставка, организованная созданным незадолго перед тем Товариществом передвижных художественных выставок. Лучшие художественные силы России объединило это Товарищество. Организаторами его были группа московских художников и некоторые из тех участников «бунта четырнадцати» — выпускников Петербургской императорской Академии художеств, которые в 1863 году отказались писать конкурсную программу, то есть дипломную картину на заданную официальную тему.

В своем прошении, поданном в Совет Академии, молодые художники прямо и твердо выразили желание «делать свободный выбор своих тем и сюжетов». Речь шла о том, что молодые живописцы, естественно, стремились говорить в своем искусстве о современности, о жизни народа.

Вот имена первых передвижников, подписавших в 1870 году устав Товарищества: Н. Н. Ге, Л. Л. Каменев, М. К. Клодт, М. П. Клодт, А. И. Корзухин, И. Н. Крамской, К. В. Лемох, Н. Е. Маковский, К. Е. Маковский, Г. Г. Мясоедов, В. Г. Перов, И. М. Прянишников, А. К. Саврасов, И. И. Шишкин, В. И. Якоби.

На первой Передвижной зрители встретились с такими шедеврами русской живописной школы, как «Грачи прилетели» А. Саврасова, «Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе» Н. Ге, портреты В. Перова... Но мало кто тогда предвидел, сколь славным будет путь передвижничества! Однако уже через два-три года передвижные выставки, открывавшиеся ежегодно в Петербурге и Москве, а затем «передвигаемые», как тогда говорили, откуда и пошло имя передвижники, в другие города России, стали большим и важным событием каждого года культурной жизни страны. «К передвижникам шли все за свой трудовой и нетрудовой «четвертак»,— вспоминал М. В. Нестеров.—...Все чувствовали себя тут как дома». Вслед за зачинателями Товарищества его членами последовательно в разное время становились мастера, являющиеся гордостью нашего искусства: А. Е. Архипов, А. М. Васнецов, В. М. Васнецов, Н. А. Касаткин, И. И. Левитан, В. М. Максимов, В. Д. Поленов, К. А. Савицкий, В. А. Серов, Н. А. Ярошенко. Передвижниками были также И. Е. Репин и В. И. Суриков, чье творчество знаменует вершину дореволюционного русского изобразительного искусства.

Сегодня статьей об одном из активнейших членов Товарищества передвижников — Н. А. Ярошенко — «Огонек» начинает публикацию материалов, посвященных славной дате: 100-летию со дня открытия первой Передвижной выставки, первой из сорока восьми.

В декабре 1918 года, в разгар гражданской войны на юге России, Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов города Кисловодска организовал народный праздник в честь художника Николая Александровича Ярошенко. По городу были расклеены афиши, к участию в празднике приглашались все профессиональные организации и учебные заведения, а школам, не имеющим знамен, предлагалось срочно изготовить таковые, чтобы придать народному торжеству должное величие и красоту. На могиле художника был устроен митинг, а затем огромная процессия двинулась к его дому. Вечером кинематограф и театры работали бесплатно. В доме, где провел последние годы Н. А. Ярошенко, был восстановлен музей, а улица стала называться его именем.

Торжество это было устроено по прямому указанию Владимира Ильича Ленина. Незадолго до этого художник М. В. Нестеров, большой друг семьи Ярошенко, получил телеграмму из Кисловодска, в которой говорилось, что белые разорили усадьбу Ярошенко и уничтожили музей. Нестеров обратился к Н. К. Крупской, она сообщила об этом Ленину. Владимир Ильич реагировал быстро и решительно. Он любил и высоко ценил творчество Ярошенко. Известно, что как раз в канун Октябрьского переворота в одной из частных бесед Ленин сказал о Ярошенко: «Вот замечательный художник!.. прекрасный психолог действительной жизни, какие у него чудесные вещи!»

Николай Александрович Ярошенко родился 1 декабря (по старому стилю) 1846 года в Полтаве, в семье штабс-капитана Петровского полтавского кадетского корпуса. Отец его — из бедных дворян, был по тем временам хорошо образован, знал несколько языков, слыл человеком неподкупно честным и принципиальным. Мать происходила из семьи военных. С детства Николай Александрович очень увлекался рисованием и украшал своими рисунками не только тетради, но и столы, подоконники, стены, за что ему нередко попадало. Отец считал, что сын должен стать военным, и определил его в 1855 году в Полтавский кадетский корпус, а через два года в Петербург — в Первый кадетский корпус. Военное образование завершилось блестящим окончанием Михайловской артиллерийской Академии в 1870 году. Ярошенко более 20 лет проработал на Петербургском патронном заводе и вышел в отставку в 1892 году в чине генерал-майора.

Однако настоящим его призванием было искусство. Можно сказать, что Ярошенко прожил две жизни: одну — безупречного артиллерийского офицера, другую — художника, все силы души отдавшего искусству.

Все свободное от службы время он отдавал живописи. С четырнадцати лет в Петербурге Николай Александрович начал серьезно заниматься рисованием под руководством Адриана Марковича Волкова, известного в то время художника-демократа, работавшего в сатирическом журнале «Искра». Затем поступил в вечерние рисовальные классы Общества поощрения художеств, где в то время преподавал И. Н. Крамской. Теплые, дружеские отношения, завязавшиеся между учителем и учеником, сохранились до самой смерти Крамского.

В дальнейшем Ярошенко, стремясь получить солидную профессиональную подготовку, в 1867 году поступил вольнослушателем в Академию художеств, где занимался в течение пяти лет. Совмещать занятия в Академии и службу было нелегко, не хватало времени, а чтобы иметь возможность покупать краски, кисти, холсты, он давал частные уроки по математике и физике. Только великая любовь к искусству и необыкновенная твердость характера помогли Ярошенко завершить свое художественное образование. Известно, что он усердно посещал

Н. Ярошенко. 1846—1898. КОЧЕГАР. 1878.

Государственная Третьяковская галерея.

Н. Ярошенко. СТАРОЕ И МОЛОДОЕ. 1881. Государственный Русский музей. Ленинград.

различные классы в Академии, но не участвовал в соискании наград, степеней, званий.

В то время Николай Александрович сближается с передовой художественной молодежью, дружит с писателями Г. Успенским и Гаршиным, близко сходится с Крамским, В. Васнецовым, Куинджи и другими художниками, творчество которых оказывает огромное влияние на формирование его таланта. Своим учителем Ярошенко считал Федотова.

В 1875 году он впервые принимает участие в IV Передвижной выставке, выступив с картиной «Невский проспект ночью», а с 1876 года, то есть после V Выставки, становится действительным членом Товарищества передвижников и входит в его правление.

Это период зрелости художника. Честность и принципиальность, нетерпимость ко всякого рода фальши привели его в круг людей, ставивших целью своей жизни служение народу. Квартира Ярошенко на Сергиевской стала своеобразным художественным центром Петербурга. По субботам у него собирались друзья и знакомые, устраивались рисовальные вечера. Состав гостей был весьма определенным: ученые, артисты, писатели, художники. Там можно было встретить Менделеева, Короленко, Стрепетову, Г. Успенского, И. П. Павлова, много учащейся молодежи, и всем бывал оказан радушный и теплый прием. Жена художника Мария Павловна была незаурядным человеком, окончила Бестужевские курсы, любила искусство, рисовала. Сердечность и простота чрезвычайно располагали к ней людей. С Николаем Александровичем она познакомилась в 1873 году, а через год они стали мужем и женой и жили в любви и согласии.

Передовые представители русской культуры и искусства тех лет были охвачены страстным желанием помочь людям обездоленным. Не случайно поэтому слава и широкое признание пришли к Н. А. Ярошенко, когда на выставке передвижников в 1878 году появились его картины «Кочегар» и «Заключенный». Он сразу выдвинулся в ряд крупнейших мастеров русской живописи, о нем заговорили.

Картина «Кочегар» замечательна уже потому, что в ней создан очень убедительный, жизненный образ рабочего-мастерового, крестьянина в недалеком прошлом,— типаж чрезвычайно характерный для русской жизни 80-х годов.

Картина имела большой успех у современников. Ее и «Протодьякона» Репина признали лучшими на выставке.

В картине «Заключенный» Ярошенко создает образ революционера. Его устремленность к свету, к свободе и сознание невозможности разрушить толстые каменные стены, воздвигнутые самодержавием, были хорошо понятны современникам художника. Не случайно фигура заключенного была написана с друга Ярошенко — писателя Глеба Успенского.

Эти два произведения как бы наметили пути развития творчества художника, а также явились весьма характерными для передвижничества 80-х годов.

В марте 1878 года вся Россия с волнением следила за процессом в Петербургском окружном суде над Верой Засулич, стрелявшей в градоначальника Трепова. История эта, взволновавшая все передовые умы России, произвела сильное впечатление на Н. А. Ярошенко. Вскоре на IX Передвижной выставке появилась его картина «У Литовского замка», изображавшая молодую революционерку. Хотя портретного сходства с Засулич не было, скандал вышел огромный. Картину в первый же день сняли с выставки. Это было как раз 1 марта 1881 года, в день убийства Александра II. Ярошенко был подвергнут недельному домашнему аресту и двухчасовому допросу.

Образ передовой женщины-революционерки занял особое место в творчестве художника. Обаятельный облик юной девушки создан Ярошенко в картине «Курсистка». Прообразом для нее послужила жена близкого друга Л. Н. Толстого, В. Г. Черткова,— Анна Константиновна.

Это полупортрет, полужанр. Художник показал представительницу передовой учащейся молодежи, создал обобщенный типический образ.

На фоне серой, мрачной петербургской улицы четко выделяется тоненькая фигурка девушки в пледе, с книжками в руках, спешащей на занятия.

В этой работе Ярошенко показал себя тонким портретистом-психологом. «Курсистка» воспринималась как «поэтический символ молодой России, которой принадлежит будущее».

В 1870—1880-х годах живописцем была создана серия картин, посвященных передовой русской молодежи. Большую роль в этом сыграла непосредственная близость Ярошенко с революционно настроенными студентами и курсистками, постоянными посетителями его суббот.

В 1881 году на Передвижной выставке появилась картина «Старое и молодое» («Спор старого и молодого»). В этой жанровой картине рассказывается о столкновении двух поколений: молодого студента-революционера, страстно отстаивающего свои взгляды, и отца, скептически слушающего своего сына. Поза и лицо старика проникнуты сомнением, зато девушка за его спиной, затаив дыхание, с приоткрытым ртом слушает брата, видимо, со всем, что он говорит, полностью соглашаясь.

Великолепные портреты передовых деятелей русской науки и искусства были выполнены Н. А. Ярошенко в девяностых годах. Глубина психологического проникновения в характер, индивидуальность трактовки каждого образа позволяли современникам ставить имя Ярошенко-портретиста рядом с Крамским.

Едва ли не одним из самых популярных произведений Н. А. Ярошенко можно считать картину «Всюду жизнь». Она является результатом раздумий художника о судьбе народа. Начало работы над картиной относится к 1887 году.

Современники вспоминали, что в ту пору Ярошенко находился под сильным влиянием идей Л. Н. Толстого, что «любовь есть основа жизни, жизнь всегда там, где есть любовь». Однако картина ни в коей мере не является лишь иллюстрацией мысли Толстого. Замысел художника, основанный на разработке конкретных образов, подводит нас к теме осуждения общественного строя, жертвами которого стали простые, возможно, невинно пострадавшие люди.

Заключенные столпились у окна арестантского вагона, остановившегося на полустанке, и смотрят на прилетевших сюда голубей. Здесь и непосредственная радость ребенка при виде птиц, и ласковый взгляд матери, погруженной в свою думу, и добродушно улыбающиеся лица других арестантов, бросивших голубям крошки хлеба. Созданные Ярошенко образы проникнуты глубокой верой в прекрасные душевные качества человека, в чистоту его души.

Высокая гуманность, свойственная произведению, позволяет считать его одной из вершин творчества художника. Необычайно велика сила эмоционального воздействия картины. «Всюду жизнь» — одна из последних работ художника, затрагивающих социальные устои общества.

В последующие годы Н. А. Ярошенко занимается в основном портретным жанром, а также создает ряд пейзажей, изображающих природу Кавказа. В то же время он начинает работать над картиной «Иуда». Эта тема была выбрана под влиянием серьезных переживаний, вызванных изменой принципам Товарищества со стороны ряда «коренных передвижников», давших согласие идти в Академию, что было совершенно неприемлемо для Николая Александровича. Из письма Стасова Третьякову мы узнаем: «Прежние передвижники более не существуют... Один-одинешенек непоколебим и тверд остался Ярошенко и с ним одним отвожу еще душу».

Последние годы жизни Ярошенко провел в Кисловодске, в своем имении, куда врачи заставили его поехать из-за горловой чахотки. Умер художник неожиданно в своей мастерской, работая над этюдами к большой, задуманной им картине о жизни уральских рабочих. Это произошло 25 июня 1898 года. Смерть Ярошенко потрясла многих людей. Его уважали и любили не только как художника, но и как редкого человека.

По характеру Ярошенко был стоиком. Он всегда отвергал все несовместимое с его взглядами на жизнь. Он имел мужество отказаться от звания академика живописи. В дни посещения передвижных выставок царской фамилией Николай Александрович никогда не присутствовал при этой церемонии, не боясь навлечь на себя тем немилость. Он не колебался высказывать правду, как бы она ни была горька, даже если дело доходило до разрыва давно установившихся дружеских связей, и вместе с тем простым и сердечным отношением к людям завоевывал их расположение и любовь на всю жизнь. Поэтому во всех воспоминаниях современников, в письмах и отзывах о Ярошенко самые различные люди характеризуют его как человека принципиального и честного, твердого в трудные минуты и готового протянуть руку помощи каждому, кто в этом нуждался.

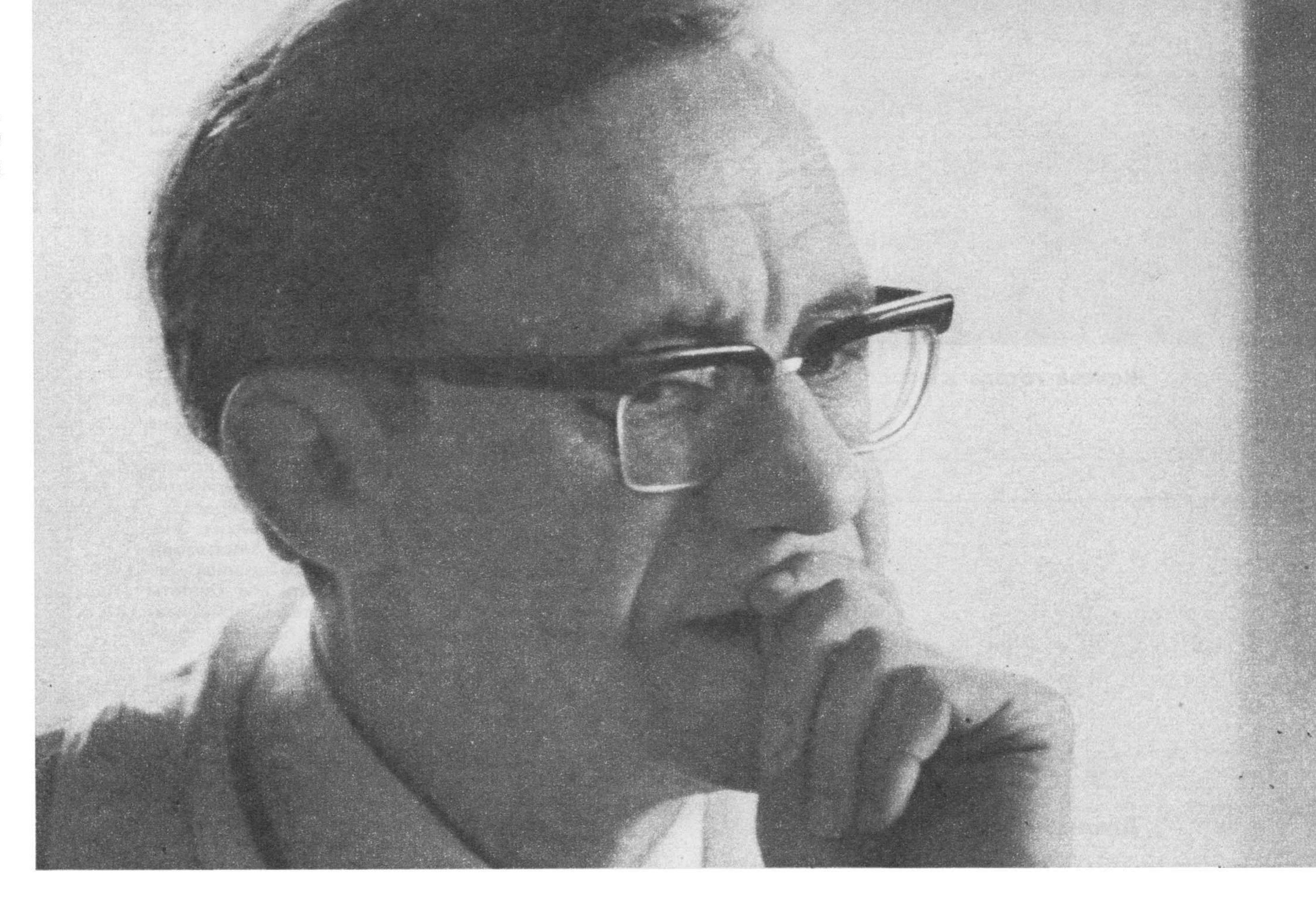
Н. А. Ярошенко по праву стоит в рядах передовых деятелей искусства своего времени. Современники, отдавая дань таланту художника, единодушно отмечали благородство, гуманность и высокую принципиальность этого замечательного человека. Судьба его сложилась необычно. С одной стороны, кадровый военный, с другой — талантливейший художник, одна из центральных фигур в русском искусстве последней трети XIX века. Говорили, что если Крамской — ум передвижничества, то Ярошенко — совесть.

* * *

Широкое и торжественное празднование советским народом славного юбилея передвижников началось в Кисловодске, в музее Н. А. Ярошенко. Именно здесь в конце октября нынешнего года проходила Выездная сессия Президиума Академии художеств СССР, посвященная столетию первой выставки Товарищества передвижных художественных выставок, и научная конференция, организованная совместно Ставропольским крайкомом КПСС, Академией художеств СССР, Министерством культуры РСФСР и Кисловодским художественным музеем имени Н. А. Ярошенко. С докладом «100 лет Товарищества передвижных художественных выставок» выступил президент Академии художеств СССР, народный художник СССР Н. В. Томский.

В музее была открыта экспозиция произведений замечательного русского живописца. На стендах перед посетителями предстали «Всюду жизнь», «Кочегар», «Заключенный», «Курсистка» и другие картины, которыми обогатил Н. А. Ярошенко русскую живопись, русскую культуру, одним из первых создав образы рабочих — тружеников и борцов за народное дело. Рядом с этими прославленными полотнами зрители увидели и многие до того неизвестные широкой публике картины мастера, собранные работниками музея, отдавшими много сил и таланта популяризации творчества Н. А. Ярошенко.

Лауреат Государственной премии СССР Юрий Михайлович Лопухин.



ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ?

Специальные корреспонденты «Огонька» К. БАРЫКИН и И. ТУНКЕЛЬ рассказывают о первых в мире операциях по пересадке вилочковой железы.

Болезнь эта жестока. Она обрушивается на новорожденного, на маленького, беззащитного человека и уже не отпускает его. «Лечение неэффективно»,— отмечают крупные медики. Да, до сих пор не удавалось остановить болезнь. И лишь сейчас на кафедре академика АМН СССР Юрия Михайловича Лопухина сделаны первые успешные шаги в борьбе с ней...

Пятилетнего Петю в клинику профессора Лопухина привезли из детского неврологического отделения Второго Московского медицинского института. Неустойчивость при ходьбе у мальчика начала быстро прогрессировать с трех с половиной лет. Он едва научился ходить, но родные так и не успели порадоваться первым шагам малыша. Казалось, еще вчера бабушка говорила: «Смотрите, смотрите — пошел!» А сегодня мальчик не встал с постели.

День ото дня все больше нарушалась координация движений, смазаннее становилась замедленная речь. Это было страшно — человечек только начинал жить, а даже веселые ребячьи игры были ему недоступны...

Петя не жаловался и лишь смотрел на мир недоумевающими грустными глазами. В ход пустили весь арсенал средств, которыми располагает сегодняшняя терапия. «Без эффекта» — словно вскрик в бесстрастной истории болезни. За этими двумя словами горе семьи, трагедия самого мальчика.

...Группу хирургов возглавлял Юрий Михайлович Лопухин. Операцию поручили Юрию Ивановичу Морозову. Да, взяв скальпель, Морозов был уверен в себе. Ему приходилось делать немало операций, не просто сложных, а зачастую и очень редких, экспериментальных. «Золотой скальпель»,— говорят о нем. Юрий Иванович не раз смело вступал в единоборство с болезнями и побеждал их. Смелость эта от опыта. Морозов помнит слова, слышанные однажды от А. А. Вишневского: «Смелость хирурга не должна превышать его умения». Сейчас Юрий Иванович мысленно продумывал всю операцию — от первого надреза до завершающего шва.

Горе, но не отчаяние — в борьбе с этой болезнью медики уже не безоружны.

...Морозов еще раз осмотрел приготовленную для пересадки вилочковую железу.

О тимусе — так чаще называют вилочковую железу — до сих пор известно далеко не все. «Железа загадок»,— сказал нам один из профессоров. Но уже доказано, что период ее наиболее активной деятельности — первые дни и месяцы жизни человека. Вилочковая железа — своеобразный стартер, включающий многие системы жизнеобеспечения. Она настраивает их, задает определенный тонус.

Человек с нормальным тимусом, как правило, подготовлен к борьбе со многими болезнями — имеет надежный иммунитет. А того, у кого тимус недоразвит, болезни в покое уж не оставляют.

...В истории этого заболевания, а она уходит в глубь веков, 1941 год отмечен важным обстоятельством: французский врач Луи Бар впервые описала болезнь. До той поры синдром Луи Бар не фиксировался медиками, оставался нераспознанным, не диагностировался. («Энцефалит»,— говорили одни; «что-то необъяснимое»,— пожимали плечами другие.) Знали, увы, очень хорошо знали, что существует болезнь, годам к пяти укладывающая ребенка в постель. Болезнь, при которой начинается прогрессирующая атаксия — расстройство координации движений. Атаксия вошла в описание болезни как второй симптом. А первым Луи Бар отметила неизбежно частые, непрекращающиеся инфекционные заболевания.

При синдроме Луи Бар силы медленно, с угрожающей последовательностью покидают маленького человека. И не только силы физические. Медики отмечают, что и умственное развитие ребенка остается заторможенным, он резко отстает от сверстников. Разрыв между возрастом и взрослением с каждым годом увеличивается.

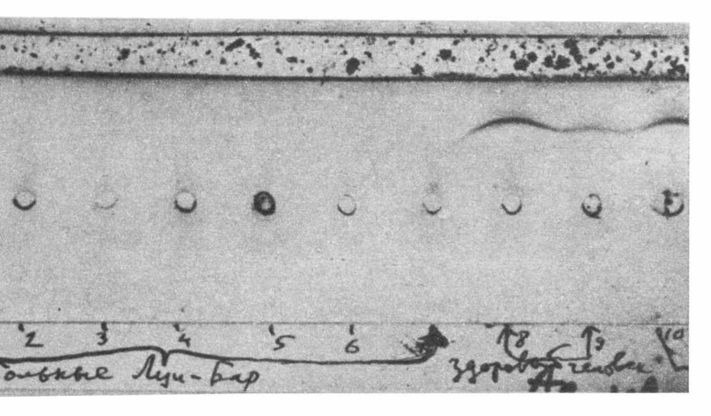
Теперь в истории этой болезни появилась еще одна веха — год 1971-й. Эта дата связана с работой советских медиков — прежде всего с именами академика АМН СССР Юрия Михайловича Лопухина и кандидата медицинских наук Юрия Ивановича Морозова.

Именно Ю. И. Морозов сделал первую в мире подобную операцию — вживил здоровый тимус с костным мозгом, заключенным в грудине, ребенку, родившемуся с недоразвитой вилочковой железой. Позже, оценивая эту и последовавшие за ней операции, отмечалось: «Ближайшие и отдаленные результаты оказались хорошими...» И особо подчеркивалась большая научная ценность работ по пересадке тимуса, работ, успешно ведущихся сейчас на кафедре клинической и экспериментальной хирургии Второго Московского медицинского института Министерства здравоохранения РСФСР.

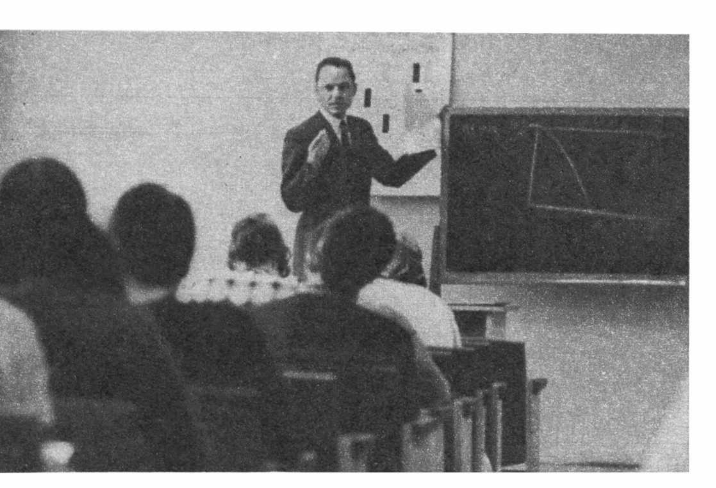
— Ныне проблема разрослась, за ее решение взялось много исследователей. Очевидно, только коллективные усилия могут принести успех,— рассказывает Ю. М. Лопухин.— Значительную по результатам работу ведут талантливые профессора — иммунолог Р. В. Петров и биофизик С. С. Василейский; немало помогают и наши молодые коллеги. Это позволяет поставить дело широко и последовательно...

Сейчас в клинике ведется обстоятельное ис-

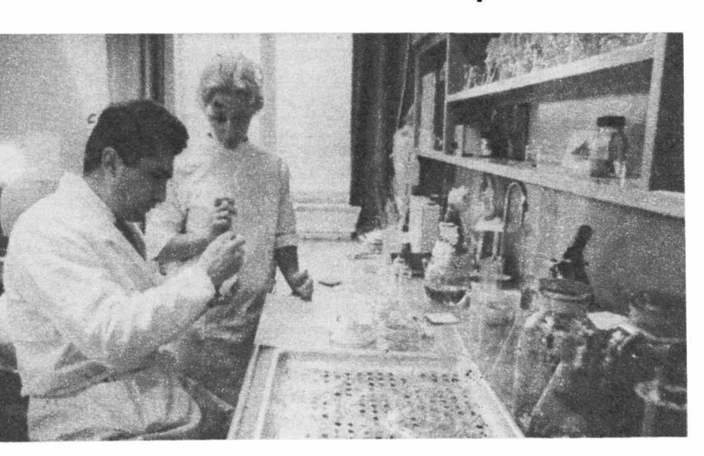
Железа готова к пересадке.



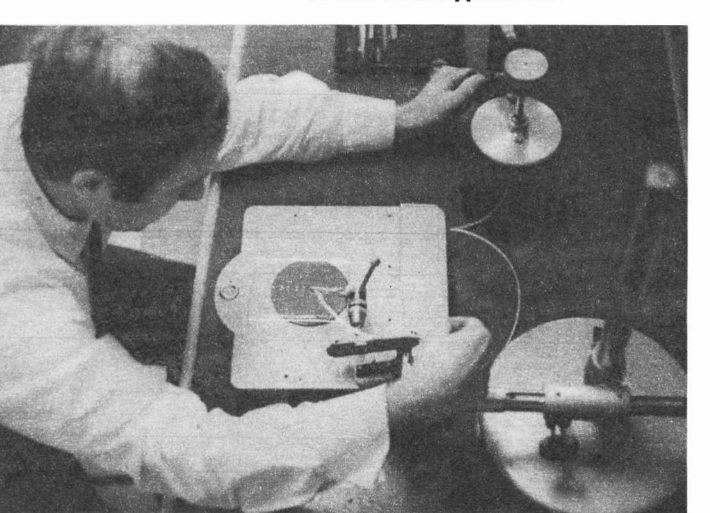
Диагноз: синдром Луи Бар.



Курс иммунологии читает студентам Р. В. Петров.



В лабораториях института продолжаются исследования.



следование вилочковой железы. Для студентов старших курсов — впервые — читаются лекции по иммунологии. «Освобождение от податей» — так буквально переводится слово иммунитет. Но в чем заключается это «освобождение»? Ведь тимус — включатель иммунных систем — действует только первые годы жизни. Одни считают, что клетки вместе с токами крови поступают в вилочковую железу, проходят здесь «курс иммунологических наук» и, завершив обучение, возвращаются на свои места, чтобы противостоять возможному наступлению микробов, освободить человека от тех тяжелых податей, которые требуют с него микробы. Второе мнение: тимус рассылает по всему организму своих «учителей», и они на месте тренируют иммунологические способности клеток. Третьи говорят: тимус — просто железа, производящая гормон, он, выработав и разослав своих «агентов», сам отмирает.

Как ни объясняй — роль тимуса велика. Знания и опыт Лопухина, Петрова, Морозова, Василейского, их коллег и помощников направлены на то, чтобы раскрыть все секреты и возможности вилочковой железы, чтобы найти методику борьбы с сонмом болезней, описанных Луи Бар.

— От возраста зависит очень многое. Если удастся поймать заболевание в ранней его стадии, когда ребенку год-два, можно с немалой долей уверенности говорить о вероятности почти полного излечения,— продолжает Ю. М. Лопухин.— Но не только в клиническом эффекте дело. Он доказан уже сегодня. Работы с пересадкой тимуса, вся гамма исследований приносит немалые научные плоды. Рэм Викторович Петров считает — и мы все с большей уверенностью начинаем разделять его точку зрения,— что тимус не только стартер. Он и выключатель. Закрепив иммунологические основы, он начинает выключать из деятельности организма белки, присущие только эмбриональному развитию человека, но вредные и даже опасные для взрослого. Значит, в организме человека с недоразвитым тимусом эти вредные белки продолжают действовать?

Но, стало быть, появляется и возможность воздействия на эмбриональный белок? Это тоже не исключено. Биофизик Сергей Серафимович Василейский уже открыл у больных синдромом Луи Бар белок, получивший мудреное на первый взгляд название — «бета-фета-протеин»,— и в этом видится возможность лечения некоторых болезней.

Открытие в медицине прежде всего гуманно. Оно может иметь не только практические, но и научные перспективы, как в данном случае. Оно — и это уже факт — дает заметные клинические результаты. Но здесь, на кафедре клинической и экспериментальной хирургии Второго Московского медицинского института, видишь и другую сторону открытия: слезы радости.

— Это огромное счастье, что мы попали в эту клинику, к этим добрым людям,— говорит сквозь слезы мать.

И в эту минуту снова проходят перед ней и бессонные ночи, и бесконечные попытки лечения самыми разными лекарствами, и просто надежды на чудо...

Петя уже ходит — первый самостоятельный шаг он сделал на десятый после операции день.

Палата, в которой находились девять прооперированных ребят, палата, куда, как на первый урок, приходили, не переставая изумляться, даже опытные медики, опустела — маленькие пациенты разъехались по домам. Во Фрунзе, в Магнитогорск, в Орел...

В историях их болезни появились записи: «После операции не было инфекционных заболеваний», «активен», «отмечено уменьшение атаксии».

Юрий Михайлович Лопухин, Юрий Иванович Морозов и их коллеги работают ради спасения сегодняшних больных. И еще больше — завтрашних.

Во имя этого первого шага у хирурга Юрия Ивановича Морозова были и бессонные ночи и напряженные часы за операционным столом.

ВСТРЕЧИ С ЗУЕВОЙ

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Анастасия Платоновна Зуева.

Вл. ПИМЕНОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Всегда бывает необычайно интересно раздумывать о специфике того или иного театра, о различии актерских манер.

Но не менее интересно, не менее плодотворно искать общность в искусстве, видеть то, что соединяет разные художнические манеры, самобытные таланты.

Создавая МХАТ, Станиславский, для которого новаторство было призванием, характером и делом, искал опору в искусстве Малого театра, черпал живые силы в гении Ермоловой, учился могучему реализму у Гликерии Федотовой...

Если сегодня мы захотели бы найти общность между театром Художественным и театром Малым, мы непременно назвали бы народную артистку СССР Анастасию Платоновну Зуеву, чье творчество соединяет глубины быта и глубины психологии.

Коренная мхатовка, Зуева могла бы быть и коренной актрисой Малого театра. Ее творческая родина — русская сцена. Сцена народной правды и боевой гражданственности.

Бывают актеры, даже самые прекрасные, которых знают лишь по конкретной театральной «прописке», по участию в данных, конкретных спектаклях. Анастасию Зуеву знают неизмеримо шире — не только как мхатовскую актрису, не только как исполнительницу роли Коробочки в спектакле «Мертвые души» или унтер-офицерской жены в спектакле «Ревизор».

...Утром, когда вы включите радио, вас вдруг остановит голос Анастасии Платоновны Зуевой, и вы уже покорены: с упоением слушаете Зуеву, неизменную участницу многих и многих передач для юношества — передач, согретых ее великим талантом.

Какой у нее голос?.. Такой, быть может, был голос у великой русской артистки Ольги Осиповны Садовской, сочный, переливчатый, теплый голос пушкинской Арины Родионовны... Когда говорит Зуева — теплеет на сердце; где бы ты ни был — ощущается твой дом.

...Уходит утро — то утро, когда ты услышал по радио голос Зуевой. Наступает вечер; ты на спектакле в Художественном театре. Идут «Мертвые души». Зуева в роли Коробочки. Да полно, ее ли слышал ты по радио! Разве это ласковый голос Зуевой?.. Нет, этот голос злой, какой-то «ржавый», несказанно раздражающий, словно царапанье ножом о тарелку. Это уже говорит Коробочка, «дубинноголовая» героиня Гоголя, самим звуком своего голоса, а не только словами приводящая в состояние умственного оцепенения всех окружающих, включая и подлеца Чичикова. Вот ведь даже этого подлеца уела злобная старушонка: сам порок с ней не может сговориться! Жадность Коробочки еще выше чичиковского накопительства!..

Но и это еще не последняя за день встреча с Зуевой.

Возле МХАТа кого-то ждет машина...

— Куда вы, Анастасия Платоновна?

— Да вот, еду с бригадой под Москву, в колхозный клуб. Там сегодня занятия университета культуры, а потом концерт. Тороплюсь: надо выступить перед нашими подшефными...

Любопытно в этом смысле одно из высказываний Анастасии Платоновны. Перечисляя свои роли на сцене МХАТа, она, как-то даже непроизвольно для себя, добавляет: «Кроме этих ролей, еще в районных клубах Москвы с коллективом МХАТа сыграны роли...»

Именно в районных клубах, в клубах подмосковных, считает своим долгом выступать народная артистка Зуева.

Бойцом, однополчанином называли Зуеву солдаты времен Великой Отечественной войны. Поездки на фронт с мхатовскими бригадами были для Зуевой и нормой жизни и проявлением личного характера, глубоко общественного, неутолимо гражданского.

— Гражданственность,— говорит Зуева,— коммунистическая идейность в решении спектакля — вот что главное для актера; вот что определяет театр как школу жизни, разумеется, при наличии таланта, без которого нет искусства.

Когда Зуева появилась на мхатовской сцене? Да, кажется, будто она всегда была тут. Прямо вот словно вошла в эти двери вместе со Станиславским и Немировичем-Данченко да так и осталась своеобразной мхатовской Чайкой, неотделимой от этих стен, от всей этой творческой атмосферы...

Мы не случайно назвали Зуеву — Чайкой МХАТа. Думается, необходимо переломить старинные эстетические категории, по которым выходит, что герои в искусстве — это лишь те, кто **ведет** действие, кто собирает в себе, как в фокусе, идейно-художественную концепцию драмы, кто имеет право на красивую любовь, жертвенную жизнь, мучительную смерть, на трагический надлом или комедийное сверкание... По такому стандарту за бортом остаются многие и многие актеры, зачисленные по ведомству «характерности», «быта» — чего угодно, только не «первых сюжетов», как принято было говорить об актерах театра в старину... Так вот же нет,— Зуева именно «первый сюжет»!.. Хоть она и не играет ролей героических в прямом смысле слова, хоть и не стоят ее персонажи в центре событий, короче — не из-за ее героинь ломаются копья и вершатся судьбы... Но все ее сценические создания — все равно **героини** по силе воздействия, по сгустку жизненных впечатлений, по мастерству обобщения...

Живой и активный темперамент актрисы всегда влечет ее к новому. Не случайно найдем мы ее имя в программах почти всех первых советских спектаклей МХАТа. Играла она и Куму в «Пугачевщине», и Марью в «Любови Яровой», и попадью в «Унтиловске», и знахарку в «Булычове», и

«Дульсинея Тобосская».

«Таланты и поклонники».

«Плоды просвещения».

«Мертвые души». Фото И. Александрова.

многие другие роли. На сцене Художественного театра сыграно Зуевой более сорока ролей, а среди них — давно ставшие классикой (так же, как царь Федор Москвина или Тузенбах Хмелева) — гоголевские Коробочка и унтер-офицерша; Домна Пантелеевна в «Талантах и поклонниках» Островского, Матрена в «Воскресении» Толстого...

Зуева и ее товарищи, пришедшие в МХАТ из второй студии, собственно, и составили современный Художественный театр, став его опорой, его ядром, его основным коллективом. Они атланты и кариатиды могучего здания МХАТа.

В начале 20-х годов пришла сюда молодая Настенька Зуева. Сегодня мы все знаем народную артистку СССР Анастасию Платоновну Зуеву, которая умеет не только волновать сердца зрителей, но еще и формулировать законы реалистической сцены.

«Волнение и взыскательность — без них не может жить актер»,— говорит Зуева, по существу, вкладывая в эти несколько слов великие заветы своих учителей Станиславского и Немировича-Данченко.

Сейчас некоторыми не принято искать черты характера человека, черты его творчества в социальной среде. И все же, рискуя навлечь на себя упреки, мы заметим, что Анастасия Платоновна вышла из крестьянской семьи... Кстати сказать, сама по себе социология, разумеется, если отбросить слово «вульгарная», занимает все более и более подобающее ей место в эстетических исследованиях... И это **крестьянское** у Зуевой необходимо заметить. Потому что, не скажи мы, и так каждому очевидно: с молоком матери надо было воспитать все эти наблюдения: и как повязать платок, и как веселиться «по-деревенски», и как запричитать вдруг «дурным голосом», и как, пригорюнившись, подперев рукой щеку, долго глядеть в окно на милый и немилый белый свет... Крестьянка Зуева и высоко интеллигентный художник Зуева — одно лицо. Но актриса никогда не прячет этого исконного первородства,— крестьянского своего изначалия...

Ко многим нашим драматургам хотели бы мы обратиться в день юбилея Зуевой со словами просьбы и упрека.

Упрека в том, что мало еще ролей пишут они для таких актрис, как Зуева,— ролей комедийных, трогательных, вбирающих и молодость сердца и опыт возраста. Просьбы же: побольше думать об актрисах типа Зуевой, Шатровой, Раневской, Фадеевой, вносящих в пьесы тепло, великолепный русский язык, истинно народную повадку.

Про какую бы роль Зуевой ни писать, надо писать о манере, повадке, звучании, перерастающих в шедевр.

Вот чеховская Мерчуткина — слабое создание, доводящее до исступления всех окружающих. Не только тупость и ординарность Мерчуткиной играет здесь Зуева, уставив оловянные глазки своей героини куда-то прямо в мозг человеку, так и сверля, так и пожирая чужой разум... Не только тупость и бездуховность играет Зуева, достигая ощущения символа, когда правда жизни преображается правдой искусства. Какой-то неуловимый миг — и вот уже кажется, будто перед вами не Мерчуткина, сводящая всех с ума, но сама тогдашняя действительность. Действительность казенного слова, казенного мундира, казенной мысли. Действительность бездуховности...

Когда-то Москвин рассказывал своим ученикам, что на спектакль «Воскресение» в МХАТ приехал Горький. Небольшую эпизодическую роль играла в этом спектакле Зуева — роль Матрены, как бы и невидимой рядом с героями... Но Горький разглядел именно Зуеву. После спектакля он сказал о ее Матрене: «Лучше, чем в жизни!» И это, заключил Москвин, высшая похвала для актера.

Заключим и мы наш разговор этими словами, пожелав Анастасии Платоновне здоровья, и таких, как ей хочется, ролей, нерасторжимо связывающих ее с родным народом.

БАЛЕТ О МЕЧТЕ

Сцена из балета С. Прокофьева «Золушка». В заглавной роли М. Дроздова, партию Принца танцует В. Петрунин.
Фото А. Степанова.

На днях театральная Москва аплодировала премьере Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко: главный балетмейстер театра, заслуженный артист РСФСР А. В. Чичинадзе поставил балет Прокофьева «Золушка».

— Мне хотелось,— сказал балетмейстер,— как можно ярче выразить тему мечты...

Осуществлена эта тема в спектакле своеобразным переплетением фантастики и действительности: образы-фантомы — сказочный златокудрый принц, свита доброй феи — сосуществуют в балете с образами достоверными, предельно жизненными. Таковы вульгарная дама полусвета, мачеха Золушки, гротесковые фигуры вертлявых мещанок-сестер и, конечно же, сама Золушка, трогательная, пленительно-наивная, партию которой исполняет молодая балерина М. Дроздова. На наших глазах страдает, плачет или радуется не героиня сказки, а живая девочка-полуребенок, так легко и естественно превращаясь силой любви, силой мечты в прекрасную незнакомку, будто это происходит в самой жизни...

Любопытно отметить и другие особенности, определяющие принципиальное отличие этого балета от его предшественника в Большом театре. Партитура премьеры идет в оркестровке самого Прокофьева. Ряд изменений в либретто позволил освободить спектакль от пантомимы, передать тончайшие психологические нюансы непосредственно в танце. Введены новые персонажи: например, впервые фигурирует в балете король-отец в превосходном исполнении Долмашева. Он представлен как кокетливый, ребячливо-смешливый, плутоватый баловень судьбы. Чуточку сентиментальный, но отнюдь не слащавый, король сказочного царства-государства, заботливый отец, добряк-симпатяга.

По-иному рассмотрен постановщиком и образ феи: он как бы выведен за рамки спектакля, а в то же время органично вплетается в действие. Получив активную роль рассказчика, фея ведет героев по предначертанному ею пути, сообщает заданность событиям. И если раньше старушка-нищенка вознаграждала девочку за доброту, буквально за «кусок хлеба», то теперь Золушка находит свое счастье за верность мечте, за умение любить и ждать, за большое, щедрое сердце.

Отказавшись от прежней мажорно-ликующей концовки, постановщик балета поместил героев в обстановку более теплую, интимную: приближенные феи выстраиваются в длинный коридор, освещая полумрак светлячками свечей. Рука об руку идут по нему Золушка и Принц. Звучит нежная, хрустальная мелодия, подчеркивая недосказанность, недоговоренность сказки, пробуждающей в человеческой душе мечту о большом счастье.

Е. ИВАНОВА

ГЕРОИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ

«Конец Хитрова рынка» — 100-й спектакль, празднованию 54-й годовщины советской милиции посвящается» — значится на афише Театра Ленинского комсомола.

Нет надобности давать оценку спектаклю, он не единожды рецензирован и полюбился московским зрителям. Пьеса ставится на подмостках многих театров страны.

«Конец Хитрова рынка» — исторический спектакль, он построен на документальной основе и повествует о ликвидации одной из банд в Москве. В центре внимания постановщиков жизнь и деятельность сотрудников Московского уголовного розыска. Небольшой отряд, руководимый опытным чекистом Медведевым, ведет смертельную схватку с сильным и изощренным противником. Поражение и гибель бандита Кошелькова предрешены историей, и тем не менее спектакль получился остросюжетным, динамичным. Впечатляют образы молодых чекистов, вставших на защиту молодой республики.

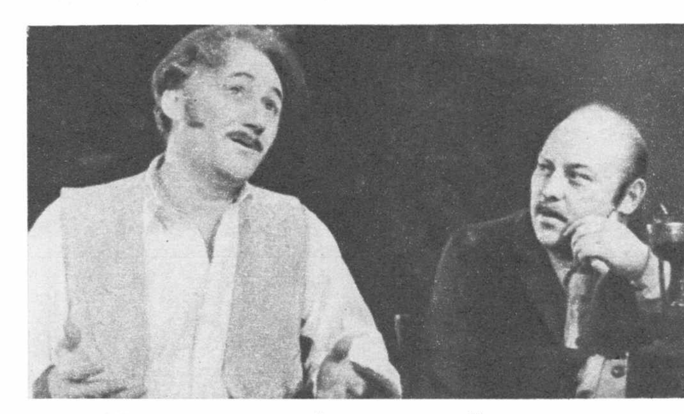
В то время, когда готовилась премьера, я наблюдал работу главного режиссера В. Б. Монахова с актерами и часто задумывался: почему те далекие, навсегда ушедшие в прошлое образы вызывают такой жгучий интерес?

Давно канули в Лету времена, освещенные спектаклем. Современная жизнь выдвинула новые проблемы, появились и с успехом идут талантливые спектакли, обращенные к современности, и тем не менее...

Сейчас, когда прошел год со дня премьеры, когда впечатления отстоялись, можно ответить на этот вопрос. Думается, привлекла современников в спектакле самоотверженность, преданность героев своему делу.

Героикой полнятся и дни советской милиции. По долгу службы мне часто приходится беседовать с молодым пополнением органов внутренних дел. Конечно, времена изменились, современный милиционер — герой многих художественных произведений — изменился, и, однако, как же напоминает он своего обаятельного предшественника — молодого чекиста!

Совсем недавно мне пришлось быть свидетелем одного запоминающегося, я бы сказал, символического события. Состоялась еще одна премьера спектакля «Конец Хитрова рынка». Студенты выпускного курса Государственного института театрального искусства избрали этот спектакль своей дипломной работой. Труппа интернациональна. Роль одного из главных героев спектакля, руководителя отряда Медведева, играет студент из Болгарии М. Стоянов, Володьку Хироманта представляет на сцене студент из Сирии Ф. Эль-Саджер, татарина по кличке «Князь» играет студент из Монголии Н. Наваан... В постановке заняты студенты из Северной Осетии, Казахстана. Работали над спектаклем с большим воодушевлением.



«Конец Хитрова рынка» в Театре имени Ленинского комсомола. Барон — В. В. Сергеев, Медведев — Д. А. Гошев.
Фото М. Демиховского.

Я присутствовал на этой премьере и был потрясен страстностью, с которой молодые люди, приехавшие из разных стран мира, разыгрывали сцены спектакля. Их тоже увлекла высокая романтика героических страниц истории.

Комиссар милиции 3-го ранга С. ШЕВЧЕНКО

СОРАТНИК, МАСТЕР

Тарас Шевченко и Иван Франко, Павло Тычина и Юрий Яновский — классики украинской литературы и современные писатели Украины — пришли к многомиллионным читателям нашей страны, знающим русский язык, в добротных, творческих (именно творческих) переводах Бориса Турганова.

Его мастерство многогранно, примечательно его умение проникать в структуру фразы, свойственную тому или иному писателю, сохранять яркость красок, воссоздающих национальный колорит.

Борис Турганов отлично знает украинский язык и, пожалуй, не только знает, но и вместе со своими побратимами, украинскими поэтами и прозаиками, активно участвует в их творческих начинаниях и поисках.

Многолетняя дружба связывала Бориса Турганова с Максимом Фаддеевичем Рыльским. Их содружество было животворным родником, в котором весомое слово, окрыленное могучим талантом М. Ф. Рыльского, с новой силой рождалось на языке русском под пером Бориса Турганова.

Переводя произведения В. Сосюры, М. Бажана, М. Нагнибеды, Б. Турганов проявил глубокое понимание индивидуального почерка каждого из них.

Не могу не вспомнить с благодарностью мою творческую дружбу с Б. А. Тургановым, встретившим недавно свое семидесятилетие в расцвете творческих сил.

Работа с ним для меня не только дорога общим пониманием принципа коллегиальности и авторизации перевода. Его пытливость в поисках нужного слова, подлинный интерес ко всему материалу, определившему характер произведения, заставляют автора книги отказаться от удобного положения «созерцателя» и органически включают его в процесс перевода.

Дело, которому более полувека служит Б. А. Турганов,— одно из решающих звеньев единства украинской и русской литературы. Это благородная и высоко почитаемая нашими народами миссия. Недаром мы на Украине называем в своей писательской среде Бориса Александровича представителем украинской литературы в Москве.

От всего сердца пожелаем мы нашему другу новых творческих побед.

Натан **РЫБАК**

г. Киев.

ПОДАРОК ДРУГУ

В № 1 «Огонька» за этот год была опубликована работа известного американского художника Антона Рефрежье — «Мир». Он прислал ее в «Огонек». Работа эта вдохновила одного из наших читателей, юриста Георгия Константиновича Цкитишвили. Взяв лист желтой меди, он отчеканил плакат Рефрежье и прислал нам с тем, чтоб мы направили его в подарок американскому художнику, как он пишет, «в знак уважения и солидарности». Редакция выполнила просьбу читателя.

Кто он, автор чеканки? Георгий Константинович рос сиротой, воспитывался в Коджорском детском доме, который посетил Максим Горький. Наверное, поэтому одной из первых работ Г. Цкитишвили был портрет великого писателя. Долгое время Г. Цкитишвили находился на комсомольской и партийной работе, получил высшее юридическое образование. В последние годы работает в Министерстве юстиции Грузинской ССР.

И. МЕСХИ

Г. МАКАРОВ

Фото автора.

19 ноября 1942 года с могучей артиллерийской подготовки началось наступление советских войск под Сталинградом.

Пытаясь взять реванш за Сталинград, Гитлер в сорок третьем году возлагал большие надежды на «тигров» и «пантер», выпущенных на курскую землю. Как известно, чаяния фюрера рухнули — «пантеры», «тигры» и «фердинанды» превращались в металлолом под ударами советской артиллерии. Недаром кто-то метко назвал новую советскую пушку «зверобоем».

Начиная с великой битвы за Москву, ни одно крупное сражение Великой Отечественной войны не обходилось без активнейшего участия артиллерии — одного из основных видов сухопутных войск. Трудно даже вообразить плотность артиллерийского огня в Висло-Одерской операции или в сражении за Берлин, когда на километр фронта приходилось более чем триста орудий. В те годы артиллерия подтвердила название «бога войны».

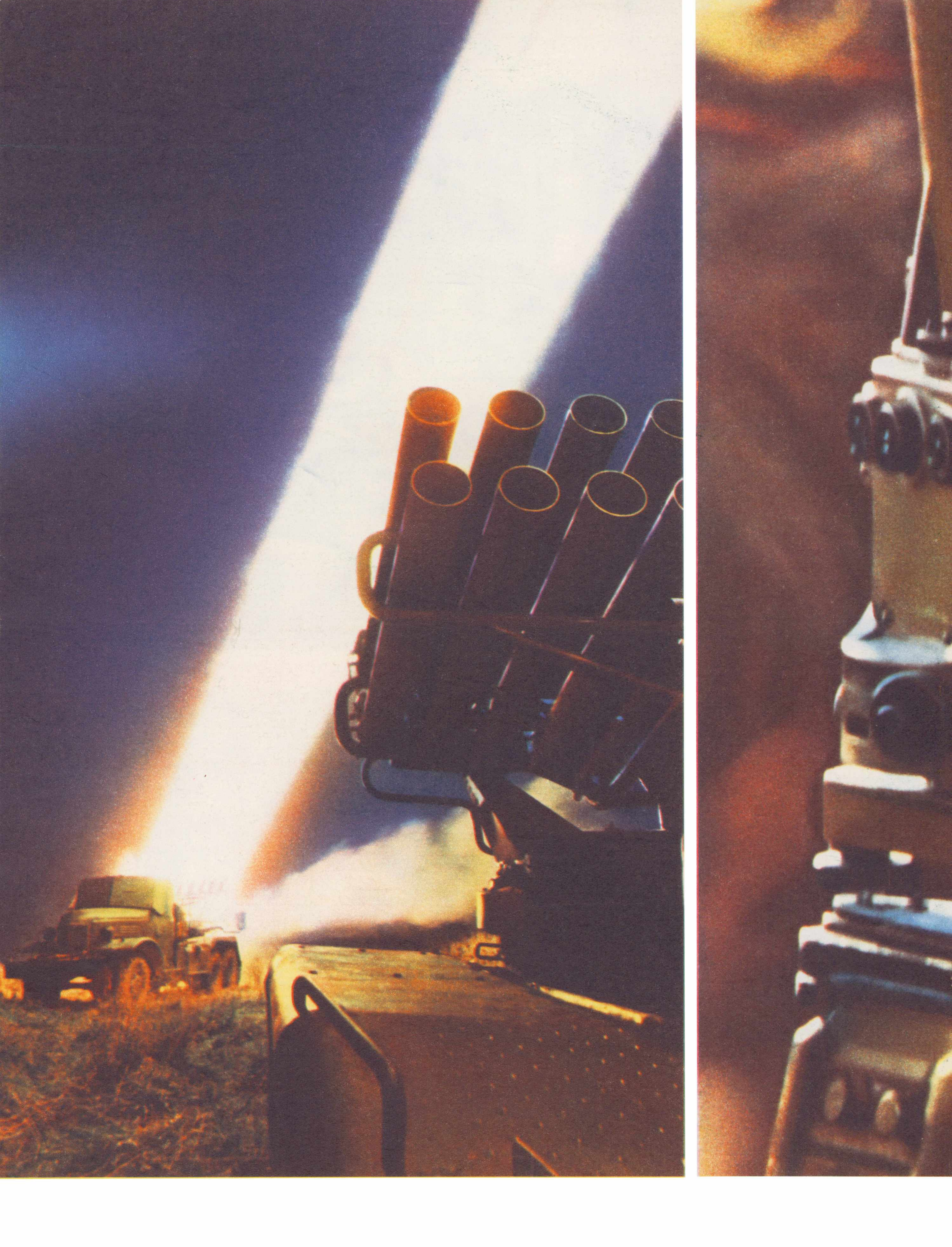
Среди памятников, прославляющих мощь русского оружия, Советской Армии, можно встретить танк и самолет, морской катер. И, конечно, обязательно пушку. В Кронштадте и Владивостоке, Севастополе и Тобольске, на Бородинском поле, в Чернигове и Смоленске символами боевой славы Родины застыли артиллерийские орудия. Главное из них — носовое орудие «Авроры»... За годы Великой Отечественной войны 1 800 артиллеристов завоевали высокую честь носить Золотую Звезду Героя Советского Союза. Недавно нам была предоставлена возможность убедиться, что наследники боевой славы, потомки петровских и кутузовских пушкарей достойно продолжают традиции отцов и дедов.

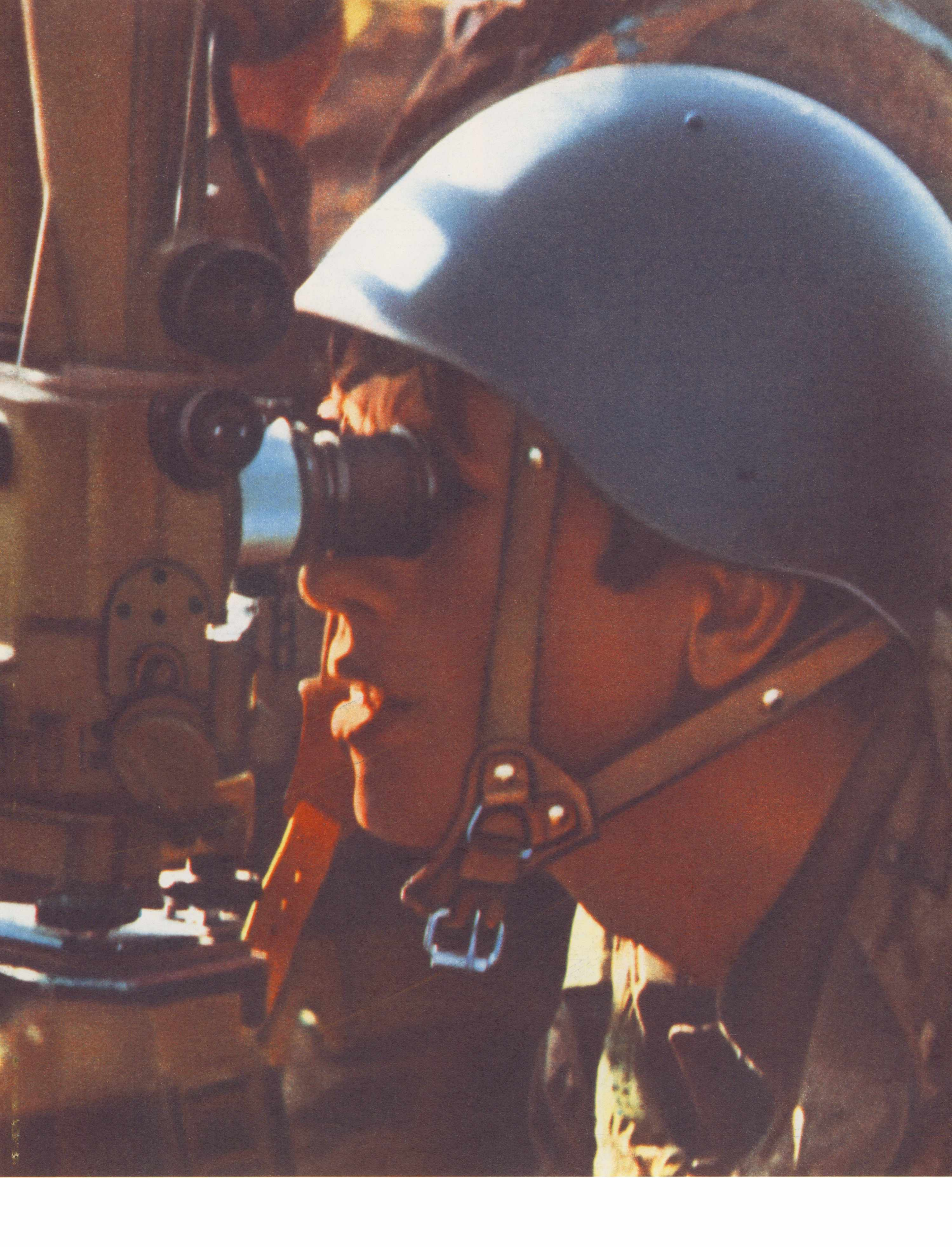
Есть связь! Неотвратимая...

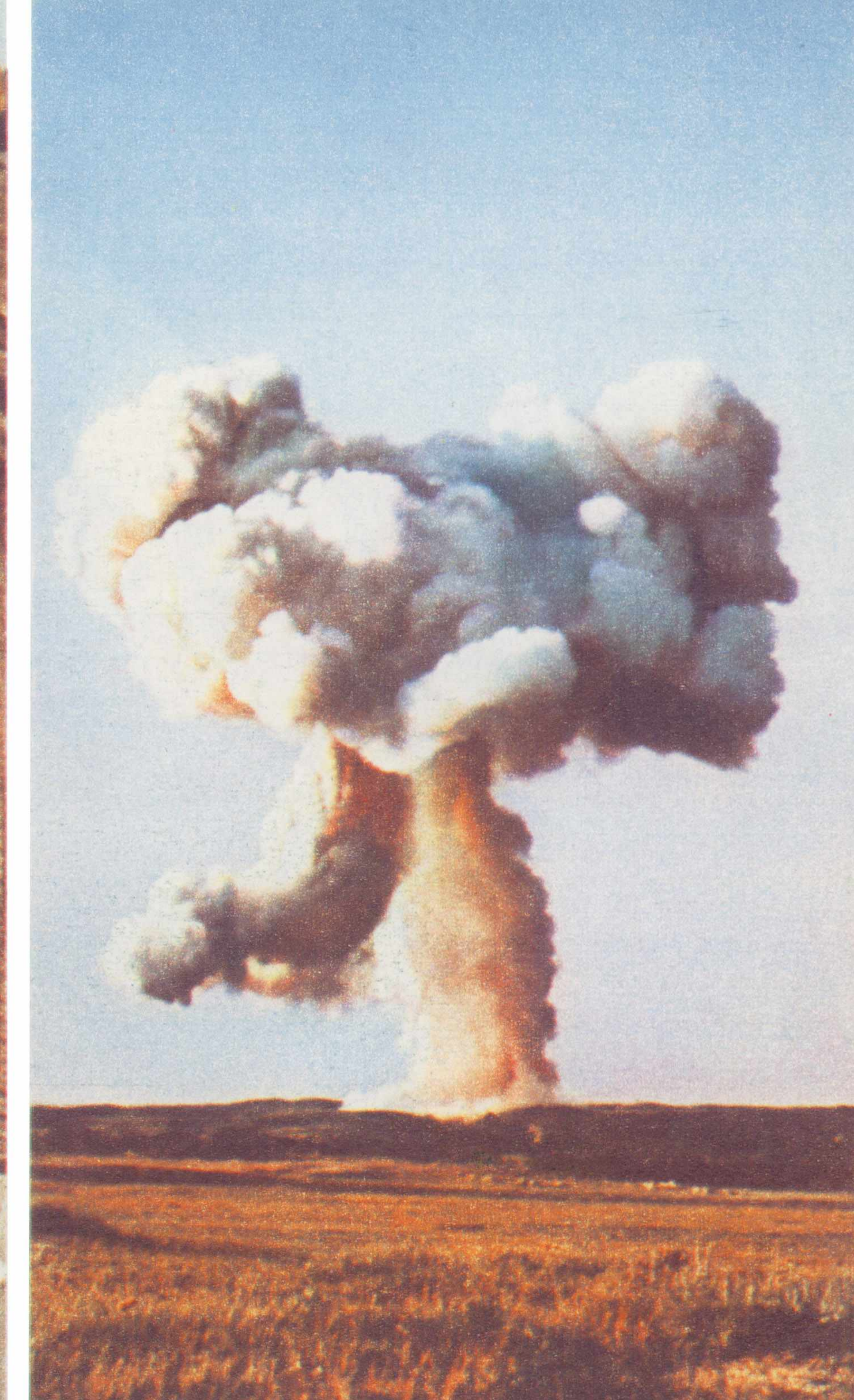
На развороте вкладки:

Гвардейский огонь. Наблюдение за огнем — дело серьезное.

I II III IV
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
1
2
3
4
5
6
7
8
9
20







В. БЕЛЯЕВ,

С. ПАСТУХОВ

Своя земля

Кондуктор объявил: «Валдгейм». Автобус остановился. Ефим спрыгнул на землю и зашагал к правлению колхоза. Председатель Владимир Израйлевич Пеллер, Герой Социалистического Труда, член Центральной ревизионной комиссии КПСС, изучал какие-то бумаги. Ефим знал, что в рабочем дне председателя редко случаются свободные минуты, а потому, поздоровавшись, сразу перешел к делу.

— Студент Благовещенского сельскохозяйственного института прибыл к вам на практику. На три месяца. Потом — госэкзамены. Если сдам, получу диплом.

— Почему «если»? Должен сдать, обязан. Зря, что ли, мы тебе колхозную стипендию платим?

— Постараюсь, конечно,— ответил Ефим.

— По специальности, значит... Ветврачом будешь... Тогда к Ходосу тебя определим.

Пеллер поднял телефонную трубку, набрал номер, и через минуту в кабинет вошел главный зоотехник колхоза «Заветы Ильича» Семен Исаакович Ходос.

— А, Фима приехал!— приветствовал он.— Погостить?

— Что значит погостить? Человек практиковаться направлен. Будущий ветврач. Куда ты его поставишь? — спросил Пеллер.

— Есть место. Во второй бригаде ветеринар заболел. Пойдешь, Фима?

— Конечно.

— А что, Ефим, ближе к Благовещенску места для практики не было? — спросил председатель.

— Было, да я попросился сюда, на свою землю.

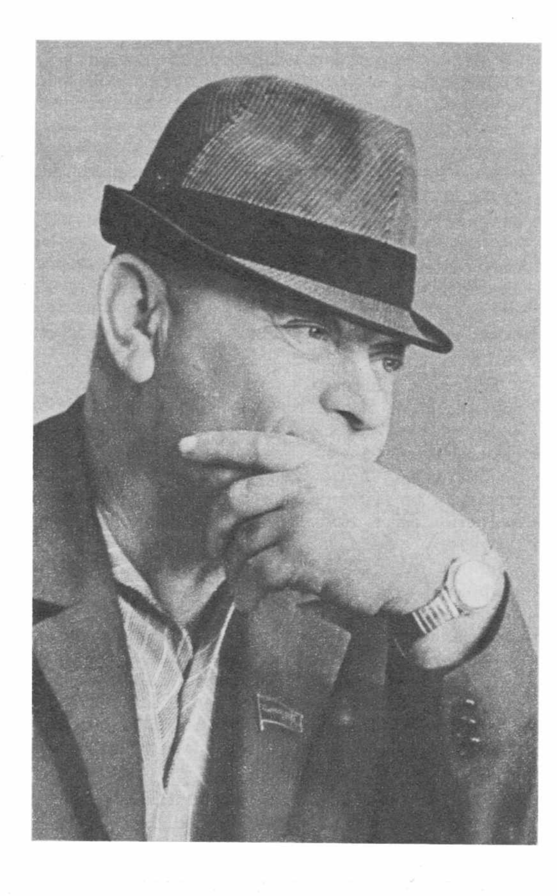
...Своя земля! Эти два многозначащих слова мы часто слышали в колхозе — и в правлении, и в бригадах, и на фермах...

— Как хозяйничаете на своей земле?

— Неплохо, кажется, — отвечает Владимир Израйлевич.— В январе наш колхоз наградили орденом Трудового Красного Знамени. Это высокая честь. За сорок лет, что наше хозяйство существует, и грамоты и знамена получали. Известность приобрели, можно сказать, всесоюзную. Что сеем? На первом месте — овощи, потому что колхоз пригородный — до Биробиджана езды минут двадцать на автобусе. Молоко тоже должны давать городу. А у земледельцев своя проблема — почва не очень-то плодородная. Однако урожаи для здешних мест получаем высокие. У животноводов иные трудности. Весной молодняк на пастбища уходит чистый, гладкий, блестит весь. Но гнус дело портит. Надо переходить на круглогодичное стойловое содержание. Такую задачу на девятую пятилетку ставим... Думаю, решим ее. Вот молодые специалисты помогут.— И обращаясь к Ефиму:— У родных был?.. У них тут вся семья в колхозе трудится... Так отец требовал...

Отец, Ихиил Рак, 35 лет работал в колхозе. Сперва механизатором, потом бригадиром. Любил свою профессию, любил землю, на которой трудился, и детей к тому приучал.

— Слушайте, дети, что я хочу вам сказать,— часто говорил он.— Вы должны, вы обязаны хорошо работать на своей земле. Что мы имели здесь, когда приехали? Ничего, кроме собственных рук. Что имеем сейчас? Не стану называть, сами знаете, многое. Что нужно, чтобы было больше? Вы нужны, ваши руки, ваши головы. Сейчас каждый из вас знает больше, чем я, когда был таким, как вы. Но учиться вам и дальше следует...



Председатель колхоза «Заветы Ильича» В. И. Пеллер.

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

И они учились. Борис, бывший механизатор, стал главным инженером колхоза, Арон — заместителем председателя, дочь Роза сельским клубом заведует. К ней и отправился будущий ветврач.

— О, студент заявился! На практику? Это хорошо. А как дела у Бети? Тоже на практику приедет?

— Кажется, нет.

— А ее муж не думает, когда кончится его служба, увезти Бетю к себе на Украину?

— Молодые решили поселиться у нас.

— Вот и правильно. А то уедет сестренка, и потеряет колхоз стипендиатку. Ты заходи вечером, племяши дядю заждались...

...Во вторую бригаду Ефима провожал Ходос. Молодой человек, разумеется, и сам отлично знал, где находится место его будущей работы,— ему все тут знакомо — но здесь был случай особый: Семен Исаакович хочет представить коллективу временного ветеринарного врача по всей форме.

— Рекомендую,— обратился он к дояркам.— Будущий «коровий» доктор. Зовут его Ефим Рак.

— Как же, слышали,— ответили девушки и, обступив практиканта, забросали вопросами: надолго ли приехал в колхоз, как дела в институте и вообще как дела? Не забыли похвастаться и тем, что их комсомольско-молодежная бригада получила недавно вымпел райкома комсомола.

Девушки разбежались по своим местам, а Ефим прошел по обоим коровникам, заглянул в телятник. Всюду чисто, сухо, тепло. Невольно сравнил он эти коровьи «хоромы» с учебным хозяйством своего института. Там фермы тоже неплохо оборудованы, но все же не так, чтобы будущие специалисты могли получить полное представление о передовом, современном животноводстве.

«Привезти бы мне сюда ребят из моей группы. Пусть посмотрят, как надо хозяйничать»,— подумал Ефим.

— Только в прошлом году собственные капиталовложения колхоза плюс кредит банка составили миллион тридцать две тысячи рублей,— рассказывал нам один из колхозных активистов, коммунист Максим Григорьевич Гольдшмид.— Это немало, но и доходы хозяйства солидные. В семидесятом году мы реализовали продукции на два миллиона пятьсот сорок одну тысячу рублей. Чистый доход — восемьсот девятнадцать тысяч, а работает у нас шестьсот сорок человек.

Разговор зашел о воспитании молодежи.

— Вы в нашу школу сходите. Ребята учатся хорошо. Но меня особенно радует, когда я вижу их на полях колхоза. Работают со старанием. А мы их поощряем. Хотим привить им любовь к своей земле. На заработанные деньги школьники организуют экскурсии... Почти всю страну объездили. В разных городах у них друзья, с которыми переписываются. Поддерживают связи и с теми, кто уже окончил школу. О каждом ученике знают,— кто он теперь во «взрослой» жизни. Даже список в школьном коридоре вывесили: рабочими стало столько-то бывших учеников, агрономами — столько-то... Есть в этом списке и врачи, и инженеры, и артисты, и архитекторы... И каждый из них знает, что это дала им их Родина, наша Родина. Смешно становится, когда зарубежные «голоса» стараются убедить советских людей еврейской национальности, будто они живут не на своей родной земле. Каких только «уток» не запускают сионисты! Недавно в одной сионистской газете была опубликована статья. Автор, Вайнройх его фамилия, пишет, будто он жил в Еврейской автономной области, но сбежал отсюда — якобы евреев здесь притесняют и всякие страшные вещи творят с ними. Когда я рассказал об этой статье нашим колхозникам, они долго и весело смеялись. Надо же придумать такое!.. Но вот что еще выяснилось: Вайнройх никогда в этих местах не жил — это мы точно установили. Словом, ложь в квадрате!

Мы беседовали со многими колхозниками, специалистами. Здесь, в Валдгейме, трудится дружная семья людей разных национальностей. Во второй бригаде нас познакомили с женщиной небольшого роста, средних лет. Мария Иосифовна Покатыло — Герой Социалистического Труда. Бывшая доярка. Сейчас она заведует фермой. Приехала в здешние края из Винницкой области. И вот уже 20 лет в колхозе. Большой мастер своего дела. И все вперед смотрит:

— Конечно, чтобы перевести скот на круглогодичное стойловое содержание, нужно намного больше кормов. Сейчас у нас две тысячи триста коров и бычков. А мы хотим значительно увеличить стадо, заводим молочные породы, будем осваивать новые площади, засеем их культурными травами.

— А практикант-то с делом справляется?— спросили мы Марию Иосифовну.

— Способный парень. Дело свое знает...

Ефим стоит тут же, слушает наш разговор и смущенно улыбается. Мы поинтересовались его планами на будущее:

— Пошлют тебя после института в Валдгейм как колхозного стипендиата, отработаешь тут сколько положено, а потом куда?

— Куда же мне со своей земли уезжать?..

Село Валдгейм, Еврейская автономная область.

На огневую.

«Атомный» удар.

После огневого налета.

Р. ОРЛОВ

Рисунки В. ЧЕРНИКОВА.

КОГДА ВЕРНЕТ

Вот и закончен очередной легкоатлетический сезон, к сожалению, так и не ставший переломным. Сборную команду страны, как и в прежние годы, лихорадило. На финише сезона неудач в ее активе оказалось больше, нежели успехов. А ведь нынешний год был для легкоатлетов особенно ответственным: это был год Спартакиады народов СССР, двух чемпионатов Европы, наконец, предолимпийской проверки. И вот этот ответственный сезон приходится отнести к числу неудачных. Наши атлеты утратили ведущие позиции не только в мировом, но и в европейском масштабе.

К концу 1971 года в 38 так называемых олимпийских видах легкой атлетики спортсменам СССР принадлежали всего три мировых рекорда. И среди них ни одного мужского.

Что же это, неудача всего нашего легкоатлетического спорта или только сборной команды страны? Статистике известно все. В том числе и то, что наша легкая атлетика заметно отстает по темпам роста высшего спортивного мастерства. Проанализируйте списки лучших легкоатлетов СССР и зарубежных стран за год, и окажется, что по результатам первых номеров мы заметно уступаем главным соперникам. Где-то на уровне 8—10-го результата мы равны, а по достижениям 15—20-го заметно уходим вперед. Иными словами, наш легкоатлетический спорт обладает резервами более многочисленными, чем у наших соперников, однако реализовать их в борьбе за лидерство в мировом спорте мы пока не умеем.

Как это ни странно, но истоки сегодняшних неудач сборной следует искать в победоносных 60-х годах. Да, это были годы расцвета, высшего взлета сборной легкоатлетической команды СССР. Что ни спортсмен, то имя, эпоха в спорте. И вот за блеском титулов и медалей руководители сборной просмотрели тогда начало важного процесса — активного внедрения в спортивную практику достижений науки и техники, и в этом был серьезный просчет, сказавшийся при подготовке новых спортивных кадров.

В последнее время много написано и сказано о значении научно-технической революции в спорте, изменившей прежние представления о технике отдельных видов спорта и методике тренировки. Мы же к этим изменениям, порой принципиальным, оказались неподготовленными, дав тем самым соперникам заметную фору.

Вот несколько примеров. Со времен Озолина, Дьячкова, Раевского советские прыгуны с шестом неизменно входили в европейскую элиту. Неоднократно устанавливали рекорды континента, имели в своем активе победы и над американцами. Но появился фиберглас, и наши спортсмены отстали сначала от заокеанских, а затем и европейских соперников. С десяток лет прошло с момента утверждения фибергласовых снарядов, но до сих пор наши прыгуны выступают с шестами зарубежного производства. Подходящих шестов не всегда хватает даже для сильнейших спортсменов, что же говорить о спортсменах молодых, начинающих! Технику прыжков им приходится осваивать с металлическими снарядами, когда же они достигают определенного уровня мастерства и получают возможность прыгать с фибергласовым шестом, оказывается, что они к этому не подготовлены, а переучиться и освоить своенравный фиберглас удается немногим.

Прыжки с шестом — это лишь один из многочисленных видов легкой атлетики, которого коснулся технический прогресс. Спринтеры и барьеристы, только-только привыкшие к резино-битумным дорожкам, стали буквально спотыкаться на тартане, рекортане и им подобных синтетических покрытиях, изменивших ритм, структуру бега. Электронно-вычислительные машины помогают ныне просчитать наиболее эффективный календарь спортивных состязаний и создать наиболее рациональные, целенаправленные тренировочные планы. Медицинские препараты помогают наращивать мышечную массу и залечивать травмы. Видеомагнитофоны и другие разнообразные приборы позволяют получать срочную информацию о состоянии спортсмена, работе его систем, дают возможность контролировать ход тренировочного процесса. Словом, современный спорт разносторонен, и без полного, многогранного использования всех компонентов, всех достижений науки и техники трудно рассчитывать на успех, не единичный, временный, а постоянный.

К сожалению, научное и техническое оснащение даже сборной страны таково, что соперники получают определенную фору еще до старта. Но только ли этим можно объяснить неудачи последних лет? Нет, причин, на наш взгляд, больше, и, как я уже писал несколько выше, одной из важнейших является проблема отбора, проблема преемственности.

Каждый год в большой легкоатлетический «свет» выводятся десятки молодых, перспективных атлетов — юношей и юниоров. Лучшие из них включаются в состав юношеской или молодежной команд страны, выступают в международных состязаниях, специалисты начинают видеть в этих ребятах преемников сегодняшним чемпионам, и вдруг их спортивный рост замедляется, и «звездочка», так много обещавшая вчера, сегодня начинает гаснуть.

С 1964 года в Европе проводятся молодежные чемпионаты континента. В разные годы они назывались по-разному, но суть этих состязаний была одинакова — это были чемпионаты Европы, в которых выступали юноши в возрасте до 19 и девушки до 18 лет. На четырех прошедших состязаниях наши легкоатлеты завоевали на этих чемпионатах 108 медалей, из которых 42 золотые. Казалось бы, взрослая сборная команда СССР должна была бы получить мощное подкрепление, но вот что произошло на деле.

На европейских играх молодежи 1964 и 1966 годов в активе советских спортсменов было 44 медали, в том числе 17 золотых. В олимпийскую же сборную СССР 1968 года вошли, включая и запасных, лишь 10 участников этих состязаний. И только пяти из них удалось в Мехико стать призерами.

А вот другой пример. Возьмем список сборной молодежной команды страны 1965 года. В нем значатся имена 61 юноши и девушки, которым тогда было 19 лет и меньше. За пять прошедших лет до уровня национальной сборной СССР из этого числа выросло всего 11 спортсменов. Большинство молодых способных легкоатлетов исчезло бесследно.

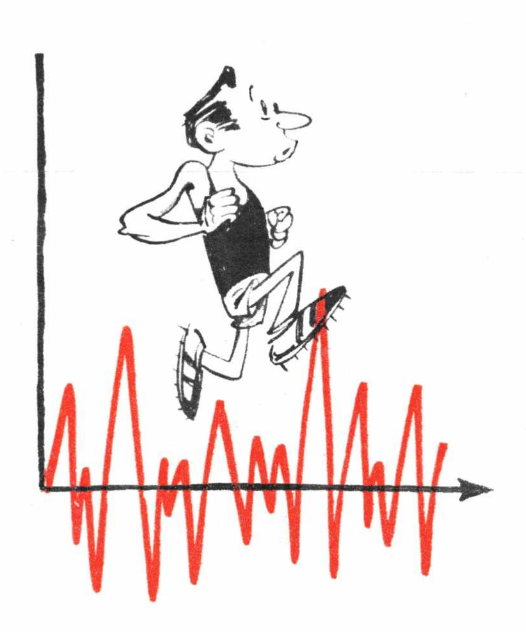
Вернемся опять к молодежным чемпионатам Европы. Вспомним несколько эпизодов из их истории. Год 1964-й. В метании копья серебряную награду завоевала В. Попова. У венгерской спортсменки А. Немет она тогда выиграла более 7 метров. Прошло четыре года. За это время Попова достигла своего лучшего результата — 57,83, потом наступил период застоя, и к следующему олимпийскому году — 1968-му ее уже не было в составе сборной страны. А Немет в 1968 году стала победительницей Олимпийских игр, год спустя — чемпионкой Европы.

В 1964 году наш бегун на 400 метров Н. Шкарников отстал от поляка С. Гредзиньского всего на 0,1 секунды. Через два года поляк стал чемпионом Европы, а его личный рекорд превысил достижение Шкарникова на целую секунду.

Как-то незаметно сошли некогда подававшие большие надежды прыгуны в высоту И. Матвеев и В. Пальцатов, а проигравший им в 1964 году И. Кирст из ГДР приблизился уже к 2,20 и стал двукратным чемпионом Европы по десятиборью.

В 1966 году прыгун из ГДР М. Клаусс опередил нашего В. Скибенко на два сантиметра. С тех пор личный рекорд В. Скибенко вырос на 20 сантиметров, а Клаусс, несмотря на травмы, прибавил более полуметра и в 1971 году стал чемпионом Европы.

На состязаниях 1968 года юная Л. Жаркова победила всех своих соперниц в спринтерском



СЯ ЗОЛОТОЙ ВЕК?

беге. Среди побежденных была Р. Мейсснер из ГДР. (Кстати, одинаковый с Мейсснер результат показала тогда и Н. Бесфамильная.) Сейчас же спортсменка из ГДР уже носит титул трехкратной чемпионки Европы и является совладелицей мирового рекорда, а нашим спортсменкам до этого далеко.

Мы привели лишь несколько примеров. При желании список таких проигранных «дуэлей» можно было бы многократно увеличить. Современный легкоатлетический спорт заметно помолодел. Посмотрите, кто побеждает на крупнейших состязаниях, кто устанавливает рекорды: возраст сегодняшних чемпионов и рекордсменов уменьшается весьма заметно, а у нас до сих пор большинство тренеров руководствуется взглядами пятнадцатилетней давности: нельзя, мол, форсировать подготовку молодых спортсменов, вот к 22 годам они выполнят норму мастера спорта, тогда и начнем готовиться к Олимпийским играм.

Нет, теперь это безнадежно поздно! Если 20 лет назад спортсмена, который в 17 лет становился олимпийским чемпионом или устанавливал мировой рекорд, называли вундеркиндом, то сейчас это в порядке вещей. Прежние возрастные границы явно устарели.

Многие же наши тренеры даже на юниоров-спортсменов 19—20 лет смотрят как на детей, у которых еще все-все впереди. А раз они еще дети, то и нагрузки у них детские и планируемые для них результаты тоже. Инфантилизм этот приводит к тому, что молодые спортсмены, когда наступает момент перехода во взрослую возрастную группу, к этому важнейшему моменту в своей спортивной жизни оказываются не готовыми ни физически, ни психологически. Вот почему первые шаги в большом спорте часто оказываются для них и последними. Вот почему молодежная сборная еще так далека от взрослой сборной.

Во многих случаях нам мешает самая элементарная организационная неразбериха. Возьмем календарь спортивных соревнований. Десять лет назад он был стабилен и традиционен. Один сезон по расположению в нем состязаний почти повторял сезон предыдущий. И спортсмены и тренеры привыкли к тому, что у каждого состязания есть свое, определенное место, и могли планировать свою подготовку на несколько лет вперед. В последние несколько лет календарь не только меняется каждый год, но его корректируют даже в ходе начавшегося сезона. Причем объяснить причины всех этих изменений не может никто. В самом деле, почему два года назад календарь всесоюзных и международных состязаний был урезан до предела (его можно было уместить на одной машинописной страничке), а на следующий год количество соревнований увеличилось более чем втрое? Почему в прошлом году традиционные матчи союзных республик, до этого проводившиеся на протяжении нескольких десятилетий, были отменены, а в нынешнем сезоне вновь заняли место во всесоюзном календаре? А Мемориал братьев Знаменских? Зачем понадобилось его задвинуть в самый конец нынешнего сезона, когда эти состязания уже никому не были нужны?

Вспоминаются слова, сказанные Владимиром Куцем. Во время полемики по поводу того, какая именно методика тренировки лучше, он сказал, что ни одна, самая малоэффективная методика не приносит столько вреда, сколько его приносят организационные неурядицы.

Поиски наилучшего варианта, эксперименты на ходу, а порой и просто шараханья из одной крайности в другую характерны для нашей сборной в последнее время. Они и создают в команде обстановку неустойчивого равновесия.

По существующей практике, основной состав сборной страны определяется весной, еще до наступления сезона. Но вот начинаются состязания, и планы тренерского совета оказываются нарушенными. Часть заранее намеченных спортсменов не оправдала надежд, и их теснят другие, лучше подготовленные. И начинается неразбериха. Кого ставить на ближайшие соревнования? Тех, на кого рассчитывали весной, или тех, кто выдвинулся в ходе сезона? Обычно в таких случаях начинается серия прикидок, отборочных стартов и т. д. и т. п. И вот нервный заряд спортсменов растрачивается в ходе этих незапланированных стартов, а на сами соревнования, там, где надо показать результат или одержать победу, спортсмен выходит уже пустым.

Призера Олимпийских игр Т. Волкову, уже после того как она успешно выступила в Мехико, упорно не замечают руководители сборной. И в команде, выступавшей на чемпионате Европы в Хельсинки, ее не оказалось. На чемпионат Европы не поехали три чемпионки страны 1971 года: Т. Коцарь, Р. Руус и Л. Кононова. Не поехала и Г. Митрохина — серебряный призер первенства СССР. Не включили в состав команды и призера чемпионата страны в метании молота И. Гамского. Кто-то из специалистов решил, что Гамский—спортсмен хоть и молодой, но малоперспективный, а он после первенства континента выиграл Мемориал братьев Знаменских и матч СССР — ФРГ, где опередил двух чемпионов Европы и установил новый рекорд Советского Союза. Вот вам и малоперспективный спортсмен!

К сожалению, подобных примеров можно привести немало. Можно было бы вспомнить и неверие в возможности теперешней мировой рекордсменки в метании диска Ф. Мельник и весьма поучительную историю толкательницы ядра А. Ивановой, включенной в состав сборной команды страны на... 21-м году занятий легкой атлетикой. Неоднократный финалист чемпионатов страны лет 7—8 назад, она попала в разряд «великовозрастных и бесперспективных»! Хорошо, что у Ивановой нашлись силы не бросить спорт. И вот «списанная» столько лет назад спортсменка стала призером чемпионата Европы и показала второй за всю историю нашей легкой атлетики результат.

История нашего легкоатлетического спорта хранит множество, я не боюсь этого слова, героических эпизодов, когда наши атлеты демонстрировали лучшие качества советских людей — патриотизм, убежденность, непреклонность воли, когда они боролись до последнего шага, в самой безнадежной ситуации. Неукротимый боец Владимир Булатов на равных сражался с сильнейшими в мире американскими шестовиками, вооруженными фибергласом. В Риме Р. Шавлакадзе и В. Брумель победили американцев, которые имели более высокие личные рекорды. Владимир Куц, Хуберт Пярнакиви, Валерий Борзов, Виктор Санеев, Евгений Аржанов, Владимир Голубничий — да разве перечислишь всех наших атлетов, совершивших подвиги на поле спортивной брани. И сейчас в нашей сборной есть бойцы, на которых можно положиться в соревнованиях любого ранга. Они сделают все, что в их силах, однако такой волевой закалкой обладают далеко не все. Значительно чаще можно встретить отношение к спорту потребительское, когда люди стремятся добиться успеха малой кровью, считают своей победой включение в сборную команду, а дальше хоть трава не расти. Недостатки в воспитании, или, вернее, в морально-волевой подготовке,— еще одна из причин неудач нашей сборной. После ухода из сборной гвардейцев 60-х годов молодежи не передали боевые традиции их славных предшественников.

Вспоминается прошлогодний финал Кубка Европы для женских команд. Это состязание наши спортсменки проиграли еще до первого старта. Удивительно ли, что команда оказалась только третьей (это после двух-то побед в аналогичных состязаниях)? А ведь в прежние годы девизом сборной было «Бороться до конца»...

Для раздумий времени у нас немного. Пора приниматься за подготовку к олимпийскому сезону. Советские легкоатлеты должны выйти на старт, отбросив все, что мешает им побеждать.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ САЛЧАКА ТОКА

ЮБИЛЕЙ БОЛЬШОГО ТАЛАНТА

Во все эпохи годы больших перемен, время революционной ломки судеб народов рождали большие таланты, формируя и цементируя их характеры, их мировоззрение.

Одним из таких людей является основоположник тувинской письменности, зачинатель национальной литературы Салчак Калбакхорекович Тока.

Сын тувинской батрачки, Салчак Тока прошел в юности все тяготы кабальной жизни вымирающего от нищеты и от гнета местных феодалов тувинского народа.

Встречи с русскими людьми, поселенцами, бежавшими от помещиков и из ссылок, дружба с ними, их душевная доброта зародили в сердце мальчика любовь к человеку, веру в справедливость и большую надежду на будущее.

Свет Великого Октября, свет идей Ленина пришел в далекую Туву с отрядом красных партизан, и Тока добровольно вступает в этот отряд.

Дальнейшая судьба будущего писателя и государственного деятеля сходна с судьбой его народа, ставшего на путь борьбы с врагами и успешного социалистического строительства.

В 1943 году в издательстве «Советский писатель» выходит первая книга трилогии «Слово арата» — «В берестяном чуме».

Сила эмоционального воздействия на читателя, обаяние образов матери, батрака Веденея Сидорова, Вани Родина — друга маленького героя — в том, что повесть автобиографична. Писатель рассказывает о своей жизни, о тех людях, которые его окружали. Здесь друзья и враги, русские переселенцы и араты-скотоводы, трудолюбивые и добрые.

«Придет время — народ прогонит теперешних господ, скажем, Степана Михайлова да вашего князя Идам-Сюрюна, которые мучают таких людей, как мы»,— говорит русский Веденей Сидоров мальчику-тувинцу, батраку, которого он неоднократно защищает от побоев приказчика и хозяина. И это время пришло.

В 1950 году выходят первая и вторая книги «Слова арата», за которые в 1951 году Салчаку Тока присуждается Государственная премия.

А в 1970 году выходит третья книга трилогии — «Здравствуй, Москва!».

В этой трилогии отображена трудная судьба мальчика-арата, судьба всего тувинского народа. Его выход из царства тьмы и бесправия в новую жизнь, его вечная дружба с русским народом. Последняя глава так и называется: «Навеки вместе». «11 октября 1944 года Манығы-оглу, Ооржак Лопсанчап и я идем по Красной площади». И вот они в Кремле.

Михаил Иванович Калинин говорит: «Слушается просьба Малого Хурала трудящихся Тувинской Народной Республики о принятии ТНР в состав Союза Советских Социалистических Республик».

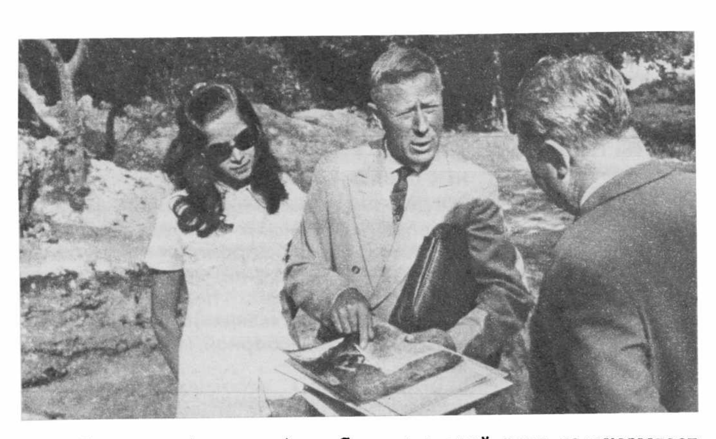
На трибуне герой повести: «Могучее Советское государство обеспечило расцвет материальных и духовных сил великих и малых народов в единой социалистической семье. Жить и трудиться в этой семье — заветное желание тувинского народа. У него нет другого пути, кроме пути Советского Союза».

Эти слова звучат как гимн древнему народу и его сыну — партизану, коммунисту, писателю.

В день семидесятилетия хочется сказать: доброго вам, крепкого здоровья и новых творческих удач на благо тувинского народа, дорогой Салчак Калбакхорекович!

Николай ШУМАКОВ

КАМНИ РАССКАЗЫВАЮТ



В. К. Гончаров (в центре) на Старокиевской горе рассказывает о раскопках.

Фото А. Кирилюка.

...Когда лопата коснулась камня и послышался краткий, приглушенный звон, человеку, который вел здесь поиск, почудилось, будто звук этот донесся из глубины столетий.

Да, мощная каменная стена, открытая археологом под двухметровым слоем земли на Старокиевской горе, была сложена свыше тысячелетия назад и являла собой основу киевского дворца княгини Ольги.

Открытие на Старокиевской горе — результат обширных и планомерных исследований, организованных Институтом археологии АН Украины. Я беседую с руководителем раскопок Владимиром Кирилловичем Гончаровым.

— В XI столетии Нестор-летописец,— рассказывает ученый,— записал пересказ о возникновении Киева: «И было три братья: единому имя Кий, а другому Щек, а третьему Хорив, и сестра их Лыбедь... сотвориша град во имя брата своего старейшего и нарекоша имя ему Киев».

По ряду древних письменных источников, в том числе византийских, деятельность князя Кия может быть отнесена к рубежу VI—VII столетий. Местонахождение городища Кия не было обозначено ни в одном из дошедших до нас документов. Тем значительнее представляются результаты исследований этого года, что нам наконец-то удалось установить, где именно находилось изначальное ядро основанного Кием города.

Археологические данные свидетельствуют, что этим ядром во времена княжения Кия, Олега, Игоря, Ольги, Святослава и Владимира было городище на Старокиевской горе, на усадьбе современного исторического музея, по Владимирской улице, дом 2, и прилегающих к ней усадеб по Десятинному переулку. Детинец, или кремль, Киева занимал в ту пору небольшую площадь в три гектара и был обнесен ограждением и искусственным рвом.

Еще в 1908 году здесь, в центральной части городища, киевский археолог В. Хвойко обнаружил каменное языческое капище, связанное с культом бога Перуна, и нашел лепную керамическую посуду VII—VIII столетия... В текущем году в ходе предпринятых мною археологических исследований на Старокиевской горе удалось открыть на усадьбе по Десятинному переулку более раннюю памятку, соответствующую первоначальному заселению горы в VI веке.

Здесь, на раскопанном участке, в нижнем культурном слое на глубине до трех метров, мы обнаружили глинобитную печь, в которой стояло пять глиняных лепных сосудов так называемого корчацкого типа, которые датируются VI столетием нашей эры. Следует полагать, что здесь и находилось первое поселение, основанное еще князем Кием.

Это небольшое городище существовало в своих границах почти до конца X столетия и лишь в годы княжения Владимира Святославовича (980—1015 годы) было значительно расширено, перестроено, увенчано кремлем, достойным столицы древнерусского государства.

Раскопками прошлых лет на территории древнего Киева были обнаружены фундаменты лишь трех каменных дворцов, некогда внушительных размеров, двухэтажных зданий. Остатки недавно найденного четвертого дворца по технике кладки фундамента и стен, по характеру и форме строительного материала (плинфа, черепица и др.) являют полную аналогию Десятинной церкви и потому датируются X столетием. Причем фундамент на глиняном растворе указывает на более ранний, еще дохристианский период. Единственным более древним зданием на Старокиевской горе и вообще на Руси в дохристианский период может быть только упомянутый летописью под 945 годом дворец княгини Ольги («...Бе бо ту терем камен»).

Этот дворец был, очевидно, двухэтажным: нижний этаж из плинфы, верхний — из бревен в сруб; его украшали фрески и декоративные детали из розового сланца; крыт он был красной и желтой черепицей.

Исследования руин дворца еще не закончены, они будут продолжены в следующем году, но размеры открытых фундаментов (ширина — 1,45 метра) свидетельствуют о грандиозности этого монументального сооружения. Как показывают материалы раскопок, дворец был разрушен и сожжен одновременно с другими строениями детинца при разгроме Киева татарами в 1240 году. Интересно, что вскоре после той страшной катастрофы люди стали возвращаться на пепелища и заново отстраивать город. Так, над руинами древнего дворца мы обнаружили остатки жилища XIII столетия.

Учитывая большое научное значение раскопок памятников на Старокиевской горе, остатки древних архитектурных сооружений вместе с памятниками корчацкого типа VI столетия будут включены в экспозицию историко-археологического парка-музея «Древний Киев», который сейчас здесь создается.

А. КОЧАРОВСКИЙ

ДЫШАТ СВЕЖЕСТЬЮ РАССВЕТЫ

ЮРИЙ МЕЛЬНИКОВ

ПРИТЯЖЕНИЕ

В молодой траве родятся звуки,
Прыгает кузнечик по плечу.
На земле лежу,
раскинув руки,
Вот возьму
и в небо улечу.

От судьбы нелегких приговоров
И от повседневной суеты
Улечу,
оставив эти горы,
Эти долы,
цепкие кусты.

Только никуда-то мне не деться
От земли,
от рек и от ракит.
К ним меня
притягивает сердце —
Временем испытанный
Магнит.

СЛЕД ЮНОСТИ

За Валдаем,
за Псковом,
За рекою Псковой
Пахнет лесом сосновым
И травой-муравой.

Пахнет солнышком лето
И туманом —
рассвет...
Здесь оставил я где-то
Своей юности след.

...Нам цветы-незабудки
Не стелила земля.
Шли мы целые сутки,
Сапогами пыля.

И железная сила
На дороге крутой
Мне на плечи давила
Минометной плитой.

За колючкою ржавой
Начинался рассвет.
Где-то за переправой
Моей юности след.

За грядой чернобыла,
От врага
за версту
Нам приказано было
Штурмовать высоту.

Брать высоты —
не шутка,
И особенно днем...
Было жарко и жутко
Под кинжальным огнем.

По сигналу ракеты
Поднимались мы в бой...
Чувство Родины — это
Нас вело за собой.

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Пахнет хлебом
в поле тишина,
В дымке даль —
холмы да перелески...
И речушка,
Что с горы видна,
Замерла
В своем последнем плеске.

От красы
захватывает дух.
Там, где птичник,
А за ним — пшеница,
Как огромный
огненный петух,
Солнце,
Солнце на насест садится.

ИЗБОРСКАЯ КРЕПОСТЬ

На исконных землях Пскова,
Давних дней — надежный щит,
Чудо времени былого,
Крепость славная стоит.

Прожила века недаром,
Торжествуя и скорбя.
Сколько раз
она удары
Принимала на себя!

Потому, видать, и гордо
Высится в жару и в дождь...
Разбивались
вражьи орды
О ее крутую мощь.

Смолкли грозные бойницы
Лет четыреста назад...
Тишина.
И в небе птицы
Над озерами парят.

И вблизи садов и пашен,
Где сражались псковичи,
Из-под мощных
белых башен
Бьют Славянские ключи.

Речка Смолка по долине
Вьется,
вьется не спеша.
Красотой зелено-синей
Переполнена душа.

Дышат свежестью рассветы,
В травах росы,
как алмаз...
Отстояли землю эту
Предки храбрые
Для нас.

НЕЙТРАЛИСТЫ

Шумят ораторы,
речисты,
И накаляется гроза...
И тут же рядом —
нейтралисты
Молчат:
ни против и ни за.

Они в сраженье не вступают.
Их поведенье таково,
Что потихоньку выжидают,
Выслушивают,
кто кого...

Они —
сторонники покоя —
В огне победу не куют,
Но после праведного боя
В строй победителей встают.

И свой покой оберегают.
Но всем известно:
в час грозы
Осколки боя долетают
И до нейтральной полосы.

УТРО

Начинается с дымки рассвета,
С птичьих песен и с первых лучей.
Вот проснулся в ольшанике где-то
И запрыгал, забулькал ручей.

Освежает лесная прохлада,
А земля еще в поле тиха...
Начинается
с выгона стада,
С беспокойных хлопков пастуха.

С первой пробы усталых моторов,
Что покрылись, как пóтом,
росой,
С первых теплых дождей,
Что над бором
Прошумели, прошли
полосой.

Все в природе
и просто и мудро,
И всему есть начало-исток...
Для меня начинается утро
С этих вот
появившихся строк.

СОРОЧИЙ К

Петр САЛЬНИКОВ

РАССКАЗ

Рисунок И. МИХАЙЛИНА.

В закованное морозом оконце конюшенной сторожки постучали в тот час, когда дежурные конюхи пили чай и плели беседу о старинушке.

— Ветер шалит,— не узнал стука Леонтий.

— В былую-то старь, говорю, сила сильная у мужика была,— сдувая парок с блюдца, сладко вспоминал Назар.— Через дугу мешки с зерном покидывали на подводу... А теперь? Возьми любого парня — жених женихом, а того мешка через тележную грядку не перевалит.

— Это так,— без всякого смысла поддакивал Леонтий.

— А места нашенские!— не понять куда, заплывал в думах Назар.— Земля-то как молодилась рощицами да лесами, ровно сударушка под расшитым кокошником малинилась... До самой Москвы превеликой наши леса да засеки тянулись, а теперь — ветру зацепиться не за что. Один Сорочий куст бог уберег...

— Было, было...

Стук повторился.

— Да кто там?— слегка озлившись, крикнул во тьму Назар.

За окном зашумел снег под шагами.

В сторожке, на краешке стола, подпевая стариковским думам, блестит бокастый самовар с царскими медалями на брюхе. Рядом бутылка простенького вина с заграничной наклейкой. Ее принес Кондрат. Получив пенсию, он заходил в лавку, набирал гостинцев, покупал вина послабее и шел на конюшню к своим старым друзьям. В лавке тратился без оглядки: пенсионные деньги Кондрат считал дармовыми и не жалел их. Зато вечерком, в стужу, сладко бывает погреться чайком, разговорами о бывальщине и небывальщине, о «силе сильной» да «размалиновой красоте» далекой старинушки...

Дверь отворилась, и ветер вкатил в сторожку морозное облако. Из него нескоро выпуталась Варя, колхозный фельдшер. Поклонилась старикам и присела на дубовый кругляк у порога. Она, как всегда, молча залюбовалась хозяйским убранством сторожки, открыто и довольно принюхивалась к чему-то. Пахло здесь особенным крестьянским духом: самоваром, хомутами, сыромятиной, конским потом и овсяным настоем. Пахло не так, как в «Вариной больничке» (так называли колхозный медпункт). Будто отдохнуть зашла — помалкивает. Но старики знают, зачем пришла.

— Тебе Вулкана аль Ухажера?— спрашивает дед Леонтий, снимая с гвоздя обороть.

Вулкан и Ухажер — выездные лошади. Вулкан — легконогий, горячий на всякий след конь, но рано вымотанный работой. Он красив и послушен, но запрягали его лишь по скорой надобности, до ближних деревень. На дальнюю дорогу его никогда не хватало. Ухажер, наоборот, упрям и страшен в оглоблях, но увезет хоть на край света, однако без кнута и овса не прибавит шагу.

— Уж и не знаю кого, дядя Леонтий,— проговорила уставшим голосом Варя.— В Говоренки ехать надо, звонили очень.

— В Говоренки?— не поверил Леонтий.

— В самые Говоренки? Через Сорочий куст? — оторопел и Назар, будто его самого запрягать собрались.

— Помилуй бог,— заполошился Леонтий,— дык там лет, почитай, двадцать, с самой войны, не болел, не помирал никто... А ежели и убирался иной — докторов не кликали, слава богу.

— А теперь позвали,— простодушно сказала Варя, поднимая с плеч на голову пуховую шальку.

Леонтий протянул уздечку Назару.

— Бабка у меня хворая, в ежечасье пить просит,— запричитал он,— далече нельзя отъезжать.

— Ко мне сын вот-вот нагрянет,— растерянно защищался Назар.— С часу на час телеграмму жду. На побывку Григорий едет. Опять же, со всей семьей едет. Ребят корогод.

— Эх, сила сильная,— вздохнул Кондрат, запахнул не спеша шубняк и пошел запрягать Ухажера.— На дорожку чайком погрейся,— посоветовал он Варе,— запрягу и позову.

Варя не послушалась. Взяла фонарь и пошла помогать деду Кондрату.

— Поспеем, дочка, поспеем,— утешал девушку старик,— мигом домчим!

Ухажер с ленцой становился в оглобли — пришлось на него покричать. Леонтий с Назаром вышли было помочь, но, заслышав

УСТ

Кондратов голос, раздумали, остались стоять у сторожки.

— Размалиновая тютя, подай тулуп! — приказал Кондрат, когда запряг коня и навалил сена в сани.

Леонтий кинулся в сторожку. Назар заботливо заметил Кондрату:

— Тяжеленько в розвальнях-то. В санки бы заложил.

— Кто ж по целику в санках ездит? — покосился Кондрат.

«Значит, через Сорочий куст вздумал», — догадался Назар и пошел в сторожку. Скоро вернулся он и подал Кондрату топор.

— Возьми хоть этот, шомполка пустая, пороху нету.

Кондрат усмехнулся и бросил топор в сани. Леонтий принес тулуп и конфузливо заговорил, оправдываясь:

— Я нешто когда супротив? Сорочий куст, так его часом и объехать можно.

Кондрат махнул рукой, смолчал. Он закутал в тулуп Варю и усадил в передке саней, где помягче и потеплее. Приладил у ее ног сундучок с докторскими причиндалами и тронул коня.

Не Кондратово это дело — возить докторов по деревням, сам он давно на пенсии, и, кроме своих болезней да собственной недалекой смерти — добирался восьмой десяток, ничто его не касалось. Однако и дня Кондрат не мог обойтись без конюшни, без лошадей, без старых друзей своих. Как мог, так и ладился он под общую жизнь, втайне радовался, когда люди не обходились и без него. Вот и сейчас знал Кондрат, что бабка Пелагея, жена Леонтия, совсем не больная. Но и заболеет, пить не запросит у Леонтия — не того характера баба. Назар не лукавил, как Леонтий, но и правда в его словах тоже подстарела: Григорий, сын его, вот уже лет пять «шлет» желанную телеграмму, а ее все нет и нет. Без зла и мудрости хитрили старички. Так, видно, попросту не хотелось вылезать в ночь, в снега, расставаться с теплым самоваром и «заграничной красавицей». Друзья Кондрата моложе его лет на двадцать, помоложе и поленивее. Но он по-отцовски прощал им и леность и другие слабости, изредка щуня для порядка. И, поругиваясь, с мужицким наслаждением он перехватывал работу — томился, уставал и радовался всякому такому случаю.

И все-таки не ему бы ехать сегодня через Сорочий куст. Февраль в здешних местах — что пьяный мужик: днем снеговыми полами слободы ометает, к вечерку об избяные углы чешется, в окна ухает, а поближе к ночке, шатущий, покряхтывая морозцем, засыпает на сугробах. Тогда любопытные звезды спускаются до самого низа и ледяными глазищами смотрят на чудака. А за селом скрипучие дороги поют с проводами степные песни, о дальних далях тоскуют. И сидеть бы в этакую пору за самоварчиком да вязать бы стариковские думы.

Кондрат смотрит на звезды, слегка покрикивает на коня.

— А что, дочка, в Говоренках-то помирает кто, аль болесть завелась? — интересуется от скуки Кондрат.

— Нет, ребеночка принять просили.

— Но-о! Качайся! — Старик откровенно вытянул кнутом Ухажера. — Тогда поспешать надобно. К упокойнику чего торопиться, а тут жисть новая. Но! Но-о!

Громче запела дорога под санями, звезды с места тронулись, по небесным сугробам покатились вослед лошади. Варе любо и страшновато: недавний человек она в деревне, но малость наслышана о Сорочьем кусте, а правда, нет ли — робеет спросить у старика Кондрата. А лес — вот скоро он, за увалом, верстах в пяти-шести, а за ним Говоренки, где крохотный человечек на свет просится. Молчит Варя, а сердце голоса хочет. Но мороз и рта открыть не дает.

— И как это раньше ямщики пели? — вдруг сорвалось с языка Вари. Сказала, и самой жутко стало: заехали уже далеко в поле, где потерялись столбы и дорога.

— С горя пели. — Кондрат загорячил коня по целику — через Сорочий куст зимних дорог не накатывали, объезжали его. — Теперь того горя нет, и в песне надобность отпала.

Рада голосу Варя. Но Кондрат больше ни слова не уронил, пока не подъехали к Сорочьему кусту. У закраинки леса старик остановил коня, обошел его кругом, поправил сбрую — тронулись дальше.

Молчалив Сорочий куст. Но не так уж нема судьба его. Нынешние деды знают от своих покойных дедов то «чудо». Не одного крестьянина-ослушника свели колдуны в барский лес. Бога ли, барина самого «ослушается» — наказание одно: возвращался провинившийся оттуда с исполосованной плетьми спиной и с кровавым кашлем, а то и вовсе привозили без капли силы и слова — живой и мертвый одинаково молчали... Уводил «нечистый» в тот же Сорочий куст и молодушек спелых. У таких обратная дорожка одна — росистой тропкой к реке. И красоте своей и позору девушки те находили последний приют на дне молчаливых омутов...

Ахти, горе великое,
Печаль-тоска несносная... —

певал бабий страх в каждой избе; тронутой бедой и не тронутой — все равно. Что будет? Кому что наколдовано в Сорочьем кусту — сороки сами и разнесут на хвостах... На какую избу сядет, что настрекочет болтливая стрекотуха? Погуливал страх во всю вольную по окрестным деревням...

О том и наслышана Варя про Сорочий куст, от старух наслышана, которых лечить доводилось.

Стоит и молчит лес. От одинокой гордости ли стоит в умолчке, а может, оттого молчит, что много знает?.. И старый Кондрат молчит.

— А волки в этом лесу водятся? — осторожно спрашивает Варя, вспомнив разговор стариков о ружье и топоре.

— Какие волки! Тут и сорок-то не осталось, — нехотя пробурчал Кондрат, сам же пощупал топор у колен.

Варя ли стронула стариковскую память, сам ли дал волю думам — чудом страшным вдруг навалились воспоминания.

«Как же схоже все?!» — изумлялся Кондрат случайному совпадению того далекого дня с нынешним.

* * *

...Молодая жена Ульяна понесла счастливому Кондрату крохотного мужичка — сына Антошку. С нечеловечьим криком на свет явилась кроха. Чудилось, сама радость кричала о праве своем. И не думалось тогда счастливым, что в том радостном крике сгорит молодая мать. Как сорвавшаяся звезда с небес, пожила и угасла, сверкнув напоследок тихой бабьей мольбой — натопить бы печь березой.

Разве ослушаешься друга в его предсмертном желании!

Кондрат запряг кобылу, бросил в сани топор и вывел лошадь на задворки. Сам огляделся пугливо и, прыгнув в розвальни, дал волю себе и лошади. Песню запел. Девичью песню затянул, чудак:

Вечор ветер мой
Мине ко-о-сы расплетал...

Запел, как запелось, как сердце ёкнуло от Ульяновых слов: «А то не ехай... Ветер воет...»

И ветер выл, и ехать надо было, и песня запелась, а думал Кондрат о другом: кто из бар помилосерднее, в чей лес завернуть, где поукромнее местечко отыскать, чтоб не скоро хватились порубанной березки.

Утречком-от заплетал...
Да эх ника-а-ак...

Брюхатенькая Муха, всегда голодная в хомуте, пьяненько перебирала лохматыми ножками и, косясь на Кондратову песню, норовила убежать от нее в снежную заметь.

Да — эх никак!..

И ветер, и Муха, и песня — все застыли у ближнего леса с диковинным названием Сорочий куст. Дальше и Кондрату не захотелось ехать: день вот-вот оборвется. Да и ответ придется держать один, без выбора, за всякую березку — полную меру, если дознаются. И все-таки с тайного следа решил свернуть. Помилует бог — укроет метелица воровскую дорожку.

Обогнув окраинный подлесок, понятливая Муха протащила сани в лохматый ельник, в затишинку — от сквозняка брюхо поберечь. Заноровилась — ни с места. Кондрат улыбнулся лошадиной сметке. Накинув петлей вожжи на пень и захватив топор, пошел оглядеться.

В лесу таинственный говорок. Стылый и покойный воздух равно всем дает сказать свое: и упавшей с дерева ветке, и заскучавшей по лету птице, и обиженному зверю... Хрустнет снег под лапой проголодавшегося волка, прокряхтит мороз под ветром, скрипнет поясница застарелого дуба — все слышно на лесной свободе.

Кондрат вышел на сугробную опушку. С ее окраины неровным рядком, а то и малыми толпами сходили березки. Они тянулись куда-то вглубь, смешиваясь там без выбора со всеми другими обитателями леса. В том березовом рядку — молодицы и старухи, стать к стати и калеки тут же, сухие мощи и здоровухи, налитые соком. Каждой березке своя доля, своя дорожка и в лес и в небо. Стоят без обид и зависти друг к другу. Стоят, словно монашки в белом храме, и берестяным шепотком нагадывают себе божью судьбу.

Сколько тут свободы! Сердце зашлось от редкого чувства. Забыл, зачем пришел сюда, — так хорошо стало Кондрату. Чего-то своего захотелось прибавить к общему лесному голосу. Добежал до крайней березки и, оминая лаптями снег возле нее, вдруг запел. Снова девичью песню тронул, что пелась в поле. То мятежно, то несносно грустно стлалась та песня по лесным сугробам, наделяя радостью и печалью каждую березку.

На исходе дня вдруг ожило солнце. От какой радости зацвело оно?.. И так это было некстати: словно алую кровь оно выплеснуло на березы. Минуту спустя они уже пылали в закатном огне. Вспомнил Кондрат: рубить надо!..

Какую рубить? Сначала выбирал ту, которая поубоже, за которую нестрого спросится. Выбирал, выбирал да и плюнул: бог-то его Ульяну-красну без выбора — под косу смертную!

Разметывая снег лаптями и полами армяка, Кондрат кидался от дерева к дереву, отыскивая самую стройную белую красавицу.

...Вот она! Бледная, в жарком закатном наряде из сугробов вышла. Сама к смерти вышла! И слова не шепнула — отдалась. Кондрат, весело заломив шапку, с мужицким «ахом» влепил топор по самый обух в белую мякоть березки. Еще и еще раз! Топорный звон повис в воздухе. В падении теряя румянец, она без стона рухнула в сугробину. Никакому солнцу теперь не достать до нее, не обласкать, не жаром зажечь сошедшую с корня березку. Но Кондрат знает, каким еще целительным огнем она пропылает в печке на усладу умирающей Ульяне. В страхе и безнадежной радости подумалось молодому мужику: ужели в этой смерти — Ульянина жизнь? «В смерти — жизнь?!» — ужаснулся вдруг Кондрат безумной догадке и еще отчаяннее принялся рубить упавшее дерево на неравные доли.

Лес, давно не слыхавший топора, чутко ловил звон точеного металла и плеск березового крошева. Ловил, и тогда подолгу держался в стылом воздухе каждый удар Кондрата. Не слышал себя Кондрат — будто не его, а чью-то чужую порубку доносило эхо...

С тем эхом и принесло смертный крик Мухи.

«Волки!» — зазвенел над ухом топор. Обалдел Кондрат. Распахнул полы армяка, будто на крыло лег, и нелюдимой птицей метнулся через опушку на дикий зов лошади. Обогнув зеленые островки ельника, Кондрат нырнул в затишинку, где оставил Муху. Обрывок вожжей на пне да куски окровенелого снега на санном следу — ничего другого не застал. Грозясь топором, Кондрат побежал по следу в чащу, куда угнала кобылу бешеная волчья свадьба. Саженях в двадцати на обмороженных кустах орешника висели сани. Какой силой их затащила жеребая Муха, не сообразишь сразу. Та же сила, видно, сорвала и самую лошадь с оглобель. Куда загнал ее материнский страх?!

Муха уже не звала хозяина. Где-то шла безголосая голодная битва. И на жизнь и на смерть шла! В отяжелевшем брюхе лошадь несла свою новую жизнь, в свадебной гонке нагуливалась будущая волчья жизнь. И та и другая в лесной свободе искали чужой смерти.

След той смертной битвы кидался из стороны в сторону, забегал в заросли и выбрасывался на опушки, нырял в провалы сугробин и пустоту леса. По кровавым ошметкам снега и шерсти Кондрат видел, что теряла жизнь Муха, а не волки.

Возле обожженного летней грозой клена, на краю просеки, куда вывел след погони, сунув лапы в снег, стоял мертвый переярок. Видно, по молодости подставил свою морду под удар копыта — так и зачумел насмерть, выкатив прожорливые бельма на лоб. Кондрат — дальше. Все гуще и гуще кровь в развороошенном снегу. Кровавым духом ударило, когда подоспел Кондрат. Лежа на боку, в последних силах Муха отбрыкивалась от волчьей своры.

Березу не рубил так ради жизни Ульяны, как теперь он ухал топором по черепам и голодным ребрам хищников. По-звериному рубился он за кормилицу Муху. Оставив замертво лежать трех матерых возле кобылы, Кондрат рванулся в погоню еще за двумя. Но обессилел и остановился. Сухопарая сука скрылась с молодым кобельком в посинелом осиннике. Ни Кондрату, ни собратьям-соперникам теперь не помешать их сладостной любви ради продолжения звериной жизни.

Кондрат повернул к издыхающей Мухе. Шагах в пятнадцати от нее дрожал в ознобной истоме лобастый волк. Он словно любовался дерзким налетом своих сородичей, в сатанинской ухмылке скалил зубы. Кондрат, широко размахнувшись, запустил в него окровавленный топор. Волк и мордой не повел — видно, в первый раз глядел на человека. Топор, не долетев, утонул в снегу у самых лап зверя. Кондрат и волк поглядели в упор. Глаза у обоих грозные и заморенные. Ловок и умен тот и другой. Разошлись, не тронув друг друга.

Муха издыхала молча. Разметав гриву на снегу, вытянула морду, успокоилась. В животном испуге замерли глаза, не успевшие напоследок глянуть на хозяина...

При погоне, где-то на следу, потерялась Кондратова шапка. Лохмы потных волос лезли в глаза, хороня кошмар и слезы ненасытного мужицкого лиха. Кондрат смотрел на молочные копытца жеребенка, высунувшиеся из распоротого брюха матери, и качал головой: «Была жизнь, и нет ее!..»

Беду бедуй, а жизнь живи! — словно леший забредил над душой. Забредил по-хозяйски откровенно и повелительно, выгоняя человека из своего царства. Кондрат послушно заторопился. Срезал лезвием топора сбрую с Мухи, притащил два березовых кола в сажень длиной — всю березку было не увезти, смастерил упряжь из обрывков вожжей и тронулся в обратную дорогу. Выбрался из леса, когда на него навалилась тьма и погасила березовые свечи. Безжалостно вываливая силу-моченьку, с лошадиным норовом он волочил за собой сани. По заснеженной беспутице во всю вольную гулял ветер, то сбивая, то снова выгоняя Кондрата на дорогу. Совсем рядом, в подлесных логах, закипала метель.

* * *

Больная память терзала старика Кондрата, как хотела, не милуя годы его и осиротелую душу. Как давно это было, и вдруг так жестоко все обернулось сеючасной явью. Кондрат промокнул рукавицей глаза, огляделся. Лес кончался. Сквозь редколесье, за овражком, помаргивая заспанными огоньками, ждала кого-то глухонькая деревенька Говоренки. По овражьему бережку кучками, без всякого порядка стояли добротно срубленные избы и, казалось, переговаривались о новой судьбе древних Говоренок. Выправляя коня на окраинную дорогу, что накатана обочь леса, Кондрат увидел человека. Тот махал фонарем и хлипко накрикивал дорогу. Кондрат слегка подстегнул Ухажера.

— Больница? — только и осилил спросить человек, а сам шустро засеменил впереди лошади, указывая путь к дому, где ждали помощь.

Подъезжая к осанистому пятистенку с вековою сосной у окон, Кондрат узнал и дом и старичка с фонарем. Но обезумевший Елисей не отозвался на голос Кондрата. Не по-стариковски бесцеремонно, с какой-то бесовской суетой он тащил зазябшую Варю в дом с притихшими огнями...

Кондрат отпустил подпругу, развязал чересседельник и бросил охапку сена к ногам лошади. Потоптался у саней — ноги затекли, накрыл коня тулупом и пошел в другую половину дома, куда позвал его парень, видно, внук Елисея.

— Ты, што ль, виновник-то? — раздеваясь, незлобливо кольнул парня Кондрат.

— Да ну их... Лучше бы... — Молодой отец не мог говорить, он растерянно махнул рукой, повернулся к окну.

Кондрат понимал парня и замолчал. Сел на лавку, задремал в думах. Прошел час, второй и третий прошел, пока ожила вторая половина дома. По голосу Елисея можно было понять: беда миновала.

Говоренковский старожил, дед Елисей, наживший восемнадцать внуков, дождался первого правнука и был на седьмом небе. Он петухом носился из половины в половину своей огромной избы с бутылкой самодельной «дурочки» и не знал, как и кого лучше угостить.

— На моем роду половина колхоза держится, — похвалялся он перед Кондратом. — Они у меня, почитай, все по тракторной части — и сыны и внуки. И этот малыш на свет явился — любота! Парень, он годнее девки: и на работу, и на ученье, и на войну, ежели надобность выйдет. Чиво говорить — мужик нужнее.

Кондрат слушал, а радость не шла на душу. И не потому, что чужая эта радость, а так, не к часу его тяжких дум она.

— А молодайка, слышь, понесла, дурешка, да помирать надумала. Да всамделе — криком смертушку требовала. — Елисей егозился, как на празднике. — Я с кулаками на свою бабку, может, не так что содеяла — она у меня мастерица по эфтой части, и первеньких и последненьких принимала. Бабка, дура, в сундук за иконой. Божится-крестится: мол, по опыту и чистоплотию справила все... А молодайка тем часом силушку потеряла, умолкла. Как перед кончиной, последнее желание испросила: «Позовите доктора!»

Елисей хватался за бороду, громыхал печной заслонкой, выбегал в сени, ища закуски получше...

— От сердца скажу, Кондрат Тимофеич, чудо привез ты, а не доктора! Старуха сейчас шепнула в сенцах: улыбочка на губках заиграла у виновницы-то. Дитятку запросила поглядеть — к оздоровью, значит... Ты выпей, выпей! С устатку и за правнука мово выпей, Тимофеич.

Кондрат не хотел обидеть счастливого старика Елисея, но и глотка отпить не осилил, рука затряслась... Снова завозилась память: ведь и он когда-то ехал за «чудом», да не добыл того чуда.

* * *

...Не соврала память, все выдала, как на духу. Кондрат тогда вернулся в деревню далеко за полночь.

Метель не совладала с ним, отстала и скрылась в черноте леса. Чуть полегче пошли сани за Кондратом, вожжи мягче давили на плечи. На посветлевшем небе над деревней, словно на опрокинутую гору, карабкался поджарый месяц. Не входя в избу, Кондрат наколол при небесном свете березовых дров, по силе наложил их на левую руку и понес горку в дом. Клубы белесого холода ворвались в распах двери прежде, чем вошел сам, и застлали все, даже огневое семечко лампадки. А когда морозный дым лег на пол и вновь засветился божий угол, Кондрат увидел Ульяну. Уже обмытая, в чистой исподней рубахе, с недоплетенной косой на груди, она лежала на голом столе. Старухи легонько взвыли, завидев Кондрата, и, словно виноватые, отступили от покойницы. С ледяным звоном посыпались с рук поленья. Топча их разбухшими лаптями, Кондрат прошел к жене. Ни глаз открыть, ни косы тронуть. Только и нашел силы Кондрат — подложить рукавицы под голову: повыше легла Ульяна, прямее и мягче закапал лампадный свет на примиренное лицо. Смешливый узелок почернелых губ вот-вот развяжется, и скажет она: «Дурачок ты, Кондратка, не плачь, мне так хорошо, что и не думалось...»

— В смертной радости истекла, — прошептала одна из старух, крестясь и всхлипывая. — Безгрешна и чиста, как синь-слеза в благости...

— Нет в смерти блага! — вскинулся Кондрат на старушечий голос, а сам горько подумал: «Как же это меня угораздило такой подарок тому свету сделать?»

Какая была красота! И все вдруг досталось одной смерти. Все выклевала по кровинке эта несуразная сила. Стон избяной тьмы мутил душу Кондрата. Вспомнилась просьба умирающей Ульяны — березой бы печь натопить. Кроме навозного тлена да соломенного дыма, ничего и не видела молодая еще хозяйка. Чем представился бы ей березовый огонь? Что она гадала увидеть в том чистом огне?..

Кондрат, как при живой хозяйке, засуетился у загнетки, вздул тот желанный огонь. Стал смотреть и ждать загаданного чуда. А чудо никак не приходило. Видно, не могло и быть его в этом доме. С морозца запели-заплакали лесной слезой поленья, ласково лизался о кирпичи белый огонь, румяным дымом исходила береста...

Румяный дым! Может, его, а может, огнясвета хотела милая Ульяна — не дознаться теперь Кондрату. Сухо и жарко бился пламень о глухие кирпичи. Стонала легонько старая печь. Не дождался чуда Кондрат. Сунул ручищу в пекло и выхватил играющую огнем головешку. Осветил избу, поднес к Ульяне. Озарилась та румяным дымком — ожила, только глаз не открыла, а сказать, почудилось, сказала: «Дурачок мой, посвети-погрей, Кондратка!..»

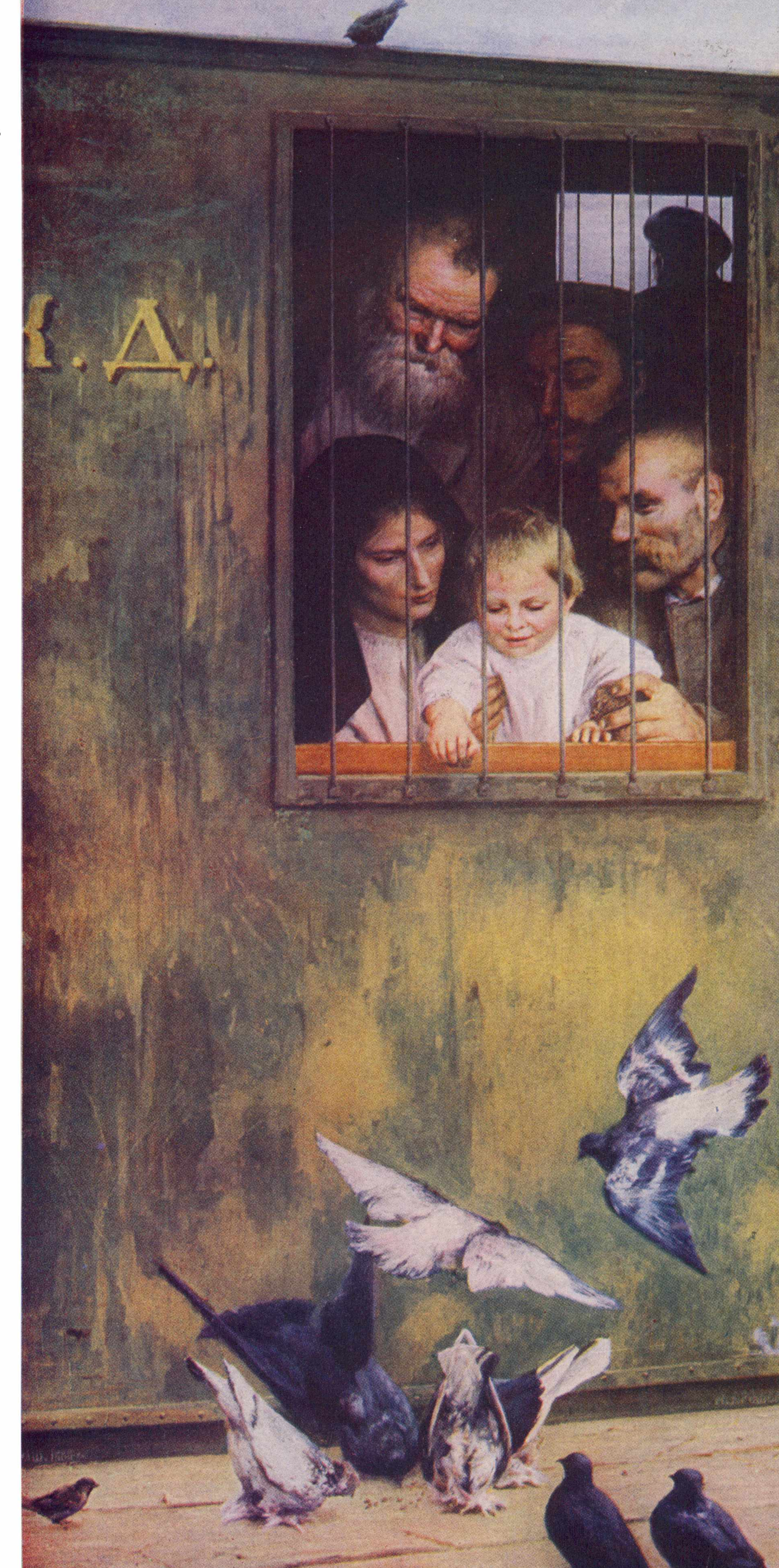
Кондрат не вынес чуда: сграбастал в корявую лапу огонь с тяжким дымом и растер в черный прах. Тоскливее прежнего заныла обманутая избяная тьма...

* * *

Кондрат выпил, надел шубняк, шапку, нашел рукавицы под лавкой и вышел к лошади. Ночь ушла, приспело утро. Побелело, помягчело кругом. Вытаяли звезды в небе. Говоренковские крыши и сады под утречко осыпались голубым снежком. На дорогу лучше погоды и не надо. Кондрат перепряг Ухажера, прибрался в санях и позвал Варю. Та, уставшая и светлая от трудов, отбивалась от Елисея со старухой, от их узелков с нехитрыми деревенскими дарами. Кондрат ждал и смотрел на лес. Сорочий куст, прохваченный ночным морозцем, по-древнему досыпал на сугробах...

Тула.

Н. Ярошенко. ВСЮДУ ЖИЗНЬ. 1888.



Государственная Третьяковская галерея.

Н. Ярошенко. КУРСИСТКА.
1883.

Киевский Государственный музей русского искусства.

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КЕМИНЕ

СЛОВО, КОТОРОМУ ВЕЧНО ЖИТЬ

Вряд ли можно найти туркмена, чье лицо не осветилось бы улыбкой уже при одном упоминании имени Кемине. Дело здесь, пожалуй, не столько в неисчерпаемой россыпи искрометного юмора, оставленного потомкам этим великим поэтом. Сам псевдоним Кемине — что означает «ваш покорный слуга» — говорит об острой сатирической направленности творчества этого выдающегося мастера слова. Десятки стихотворений его, любовно положенные на музыку не одним поколением бахши, стали звонкими и крылатыми песнями.

Жизнь поэта Мамед-Вели Кемине, двухсотлетие со дня рождения которого в этом году широко отмечается в Туркменистане и во всей нашей стране,— это страница из фолианта жизни народной. Серахский бедняк, с детства тянувшийся к знаниям, он занимался всевозможной черной работой ради того, чтобы сначала оплачивать уроки у местного моллы, а затем получить образование в бухарской медресе. Перед ним открывалась удобная карьера священнослужителя, однако, бунтарь и вольнодумец, он предпочел другой путь:

У меня сто болезней и тысяча бед,
Тяжелей всех на свете забот — нищета.
Скорбь искала меня и напала на след.
Без конца караваном идет нищета...

Народ, задавленный феодалами, изнуренный голодом и бесправием, сразу услышал этот голос, в интонациях которого не было и следа привычной пряной напыщенности. Строфы Кемине говорили о том же, о чем говорилось под рваною черных войлочных юрт и во тьме глинобитных мазанок. И была у этих строф огромная притягательная сила: они призывали не мириться с мрачной судьбой, а бороться с нею. Демократические мотивы, начатые в туркменской литературе великим Махтумкули, обретают в творчестве Кемине еще более мощное звучание.

Всю свою жизнь поэт отбивался от бесчисленных нападок судьбы. Но он никогда не проявлял слабости духа. В борьбе с реакционными силами того времени незатупляющимся оружием его были личное бесстрашие, жизнелюбие и перо. Острие сатиры Кемине, вышедшего из народных глубин, было обращено против баев и священнослужителей:

Вы лжесвидетель,— так трубит молва.
О мой радетель! Ведь она права!
Вы продаете ложные слова
Кому продать случится, мой кази!

Какое огромное гражданское мужество требовалось от поэта, чтобы с поднятым забралом выступить против духовного судьи, считавшегося непререкаемым авторитетом в толковании шариата! Естественно, власть имущие стремились заставить поэта замолчать. Святоши называли Кемине «кяфиром» — неверным, что по тем временам практически было объявлением вне закона. Но при всем невежестве и религиозности масс мракобесам не удавалось натравить на поэта фанатиков. Каждое новое стихотворение Кемине било по четко определенной цели:

Баям — только богатство мило,
Край отцовский мил беднякам...

В силу исторических обстоятельств поэт не мог, разумеется, подняться до высот подлинно научного осмысления явлений действительности. Бунтарство его стихийно. Тем не менее нельзя не видеть ясно подчеркнутой классовости его творчества, конкретности объектов его любви и ненависти.

Кемине дорог народу и своей любовной лирикой, которая очень выгодно отличается от канонизированных образцов этого жанра. Женщина, воспеваемая поэтом, не имеет ничего общего с райскими гуриями. Это работящая и добрая подруга жизни, поровну делящая с лирическим героем все его радости и невзгоды. Уже само по себе уважительное отношение к женщине в условиях патриархально-родового строя требовало от поэта немалой смелости.

В прежней Туркмении иногда надо было целый день скакать от аула к аулу на коне, чтобы найти грамотного человека. И уж, конечно, ни о каком книгопечатании не могло быть и речи. Стихи Кемине, как и произведения его выдающихся современников Сеиди, Зелили, Молла-Непеса, распространялись устно, едва появившись из-под пера, они включались в репертуар народных певцов — бахши. При таком положении, разумеется, нельзя было рассчитывать на сколько-нибудь серьезное изучение творчества поэта.

Мамед-Вели КЕМИНЕ

НАПУТСТВИЕ

Спешите, юноши, на этот мир взглянуть:
Воспоминание блаженных лет
останется.
Играйте, милые, любите дольный путь,
И капля радости в пучине бед
останется.
Жизнь, точно девушка, приятная на вид,
Для неудачников готовит сто обид.
Кочевники уйдут, и песня отзвучит,
Но все же от колес в пустыне след
останется.
И скажет Кемине: сомненья нет, умрешь,
Измученную плоть сухой земле вернешь,
Твою казну возьмут и взвесят каждый грош,
Но сыновьям твоим весь этот свет
останется.

Перевод А. Тарковского.

●

Первая публикация стихотворения Кемине состоялась в 1842 году, два года спустя после его смерти. Польский поэт и ученый Александр Леонардович Ходзько-Борейко перевел и опубликовал на английском языке стихотворение «Не пристало». В работах дореволюционного периода, посвященных туркменской литературе, обращают на себя внимание труды выдающихся русских ученых А. Самойловича и А. Крымского, останавливавшихся в некоторой степени на творчестве Кемине.

Только после Великой Октябрьской революции благодаря стараниям исследователей произведения поэта были записаны со слов бахши и сказителей. Особенно ценные материалы о жизни и творчестве Кемине были получены в 1938—1940 годах. Накануне войны на туркменском и русском языках было издано собрание его сочинений. Можно без преувеличения сказать, что с этого времени начинается его триумфальное шествие к широкой читательской аудитории. Многие произведения Кемине переведены на ряд языков народов СССР, изданы отдельными книгами или включены в различные сборники.

А. МЕРЕДОВ,
Ш. ХАЛМУХАМЕДОВ

СЕГОДНЯ — МАРС!

В. ЛЕВСКИЙ

РЕПОРТАЖ ИЗ ЦЕНТРА ДАЛЬНЕЙ КОСМИЧЕСКОЙ СВЯЗИ

Я вспоминаю один из теплых летних вечеров этого года здесь же, в Центре дальней космической связи. Над антеннами висела полная луна, по которой продолжал бодро вышагивать неугомонный трудяга — Луноход, и, казалось, все внимание было отдано ему, хотя шел уже восьмой или девятый лунный день. Но две огромные, восьмизеркальные, видные за десятки километров антенны отрешенно глядели в черную бездну неба. Причем туда, где, как мне казалось, в это время ничего не должно было происходить. Антенны держали связь со станциями «Марс-2» и «Марс-3». Сама же красноватая планета Марс, к которой держали путь автоматические станции, была где-то в стороне, во всяком случае, антенны смотрели явно в другом направлении.

И вот пролетели долгие месяцы полета. Все встало на свои места. Орбита Марс и траектории обеих станций встретились. Если начертить на доске мелом, как это происходило, все на первый взгляд покажется довольно несложным. По своей орбите вокруг Солнца летит Земля. По внешней от нее орбите движется Марс. 10 августа по отношению к Солнцу две эти планеты выстраиваются в одну линию — наступает Великое противостояние. При этом расстояние между планетами минимально возможное — 56 миллионов километров. За четыре последующих месяца это расстояние увеличилось почти в три раза. Но для того, чтобы прибыть в расчетный район, каждой из станций пришлось преодолеть путь еще в три раза больший. Нынешний полет, вероятнее всего, самый сложный из всех, которые когда-либо выполнялись космическими автоматами. Вспомним, что путь до Луны занимает трое-четверо суток. До Венеры наши станции добирались три месяца. До Марса — полгода.

С каждым днем расстояние между двумя планетами увеличивается ни много, ни мало на миллион километров. Восемь минут идет команда на борт станции, столько же — обратно. Это слишком много, слишком долго, чтобы оперативно вмешиваться в работу систем станций, чтобы срочно вносить необходимые коррективы. Но такое положение обусловлено уже законами природы, законами Вселенной. Более высокая скорость распространения любого сигнала, любой материи невозможна. И чем дальше от Земли будут находиться ее автоматические посланцы, тем больше самостоятельности будет предоставляться им самим. Тем в большей степени их самостоятельность и мастерство будут преломлять в себе силу разума человека, их создавшего.

Сеансы радиосвязи со станциями следуют буквально один за другим. Сложная схема полетов, сложность управления космическими аппаратами, резко возросший объем принимаемой с борта телеметрической информации, необходимость постоянного проведения траекторных и орбитальных радиоизмерений — все это заставило в корне пересмотреть работу по организации и взаимодействию средств наземного командно-измерительного комплекса. Однако внешняя жизнь в Центре дальней космической связи выглядит в эти дни, пожалуй, более спокойной, менее динамичной, чем при работе с другими космическими объектами. Вспомнить хотя бы пилотируемые полеты. Примерно через каждые полтора часа — сеанс связи с бортом. Мы видим на экранах лица космонавтов, слышим их голоса. Мы сразу же узнаем обо всем, что выполнил экипаж на предыдущем витке. Мы как будто сами находимся там, в кабине, на орбите.

Или Луноход. Пульт управления. Водитель нажимает рычаг, подает команду на начало движения. Дрогнули стрелки приборов — указателей углов наклона самоходного аппарата к поверхности, сменилась на телевизионном экране картинка лунного ландшафта, Луноход идет, работает, живет. Это видишь, ощущаешь, причем в реальном масштабе времени.

Здесь же все выглядит иначе. Человек, непричастный к происходящим событиям, вряд ли смог бы воспринять всю напряженность сюжета, разворачивающегося в этот момент за полтораста миллионов километров отсюда. О многих важных событиях на пути к красной планете мы узнаем далеко не сразу. Вот одно из них.

Станция подлетала к Марсу. На борт была послана команда — начало проведения последней коррекции траектории. На этом роль Земли в выполнении этой операции была исчерпана. Дальше станции предстояло все выполнить самой. Главной в этот момент была задача подправить траекторию полета таким образом, чтобы в предстоящем вскоре после этого отделении капсулы был обеспечен ее вход в марсианскую атмосферу под строго заданным углом.

Операция началась. Оптический прибор системы автономной навигации «поймал» планету, затем «ощупал» ее, определил координаты центра, радиодиска, расстояние до Марса. Измеренные величины были направлены в бортовую электронно-вычислительную машину, которая рассчитывала все необходимые параметры работы корректирующего двигателя и сама управляла проведением этой операции. Двигатель отработал положенное время, траектория была изменена, как и полагалось. Вскоре произошло отделение капсулы. Капсула направилась к планете. Вскоре она окунется в бушующий океан ее атмосферы и наконец коснется поверхности.

НЕЛЬЗЯ ЛИ ПОТИШЕ

ФЕЛЬЕТОН

С Виталием, моим старым другом, мы не виделись, наверное, лет пять, хотя живем оба в Москве. И вдруг неожиданная встреча на улице. Вот радость! Ходим с ним час, ходим два и все говорим, говорим... Вспоминаем прошлое, друзей юности. Чертовски устали, а наговориться никак не можем. Можно было, конечно, зайти к кому-нибудь из нас домой. Но опытным мужьям не надо объяснять, что значит пригласить гостя, не предупредив жену за неделю...

И мы продолжаем шагать по городу, пока случайно не оказываемся рядом с рестораном, славящимся своей кухней.

— Может, зайдем, отдохнем? — предложил Виталий.

Заходим. Ресторанчик маленький, уютный. Народу много, но свободный столик нашелся. Официанта, как положено, ждем минут сорок, но нас это ничуть не раздражает: мы наслаждаемся беседой.

Наконец подошел официант и стал принимать заказ. А в это время на ресторанную эстраду поднялись музыканты. Их было немного — человек шесть-семь. Уселись, проверили инструменты. И неожиданно заиграли. Но как! Нам показалось, что мы находимся в эпицентре сильнейшего землетрясения: стены заходили ходуном, посуда на столах задребезжала, занавески на окнах закачались, а табачный дым, густо висевший в зале, с ураганной скоростью понесся в противоположную от оркестра сторону. Но кульминация наступила несколько позже, когда на эстраде появился певец и, прильнув к микрофону, стал состязаться с оркестром: кто кого перекричит. Громоподобные, воющие, рыдающие звуки камнями падали на наши бедные головы, рвали на части барабанные перепонки. Я посмотрел на Виталия. Он сидел бледный, руки его тряслись, в глазах застыли растерянность и страх. Только официант оставался невозмутимым. С каменным лицом стоял у столика, держа в руках открытый блокнот.

— Все! Больше нам ничего не нужно! — кричали мы ему, но он ничего не слышал. Потом он что-то кричал, но мы тоже не слышали.

Неожиданно оркестр замолк. Звук сразу оборвался на высокой ноте. И тогда в наступившей мертвой тишине раздался крик официанта, явно не рассчитывавшего на музыкальную паузу:

— А водочки, водочки-то почему не заказываете?

Это он кричал нам. И все, кто был в ресторане, повернули головы в нашу сторону. Они смотрели на нас с явным осуждением: вот какие, дескать, скряги, пришли в ресторан и не заказывают водку.

Оркестр между тем заиграл какую-то опять очень громкую мелодию, а певец тут же вступил с ним в соревнование. И всем стало не до нас. Какие-то люди подходили к музыкантам, совали им деньги, и те с еще большим остервенением выполняли заказы ресторанных меломанов.

«А не дать ли и нам оркестрантам пятерку, чтобы помолчали пять минут?» — написал мне на бумажной салфетке Виталий.

Эврика! Молодец, Виталька! Зачем кричать, надрываться, если можно переписываться! И мы взяли на вооружение этот способ беседы,

А самой станции тем временем предстоял выход на орбиту. По результатам измерений автономной системы навигации уточнено время включения тормозного двигателя. Есть включение! Скорость станции снижается, и она под действием поля тяготения планеты становится спутником Марса.

Однако полная картина описанных здесь событий была воссоздана значительно позже, когда были опрошены запоминающие устройства станции и переданные с ее борта миллионы импульсов обработаны уже земными большими вычислительными машинами. Хотя, впрочем, и здесь были свои тревожные моменты.

Вспоминаю один из первых сеансов связи со станцией после ее выхода на орбиту. Предстояло списать с запоминающего устройства телеметрию с «отчетом о проделанной работе» в околопланетном пространстве. Такая передача требует, чтобы остронаправленная антенна станции была ориентирована строго на Землю, при таких огромных расстояниях необходима очень точная направленность радиосигнала. Но антенна укреплена на корпусе станции жестко, поэтому требуется сориентировать в пространстве саму станцию.

На главном пульте управления загорелся номер и время выдачи команды на выполнение ориентации. Сигнал помчался к Марсу. Ждем. Сейчас оптические датчики системы ориентации, настроенные на определенную яркость, должны поймать Солнце и нужную навигационную звезду. Затем по измеренным положениям этих светил станция включением микродвигателей развернется на необходимые углы, антенна «увидит» Землю, после чего начнется передача записанной информации.

Проходят долгие минуты ожидания, и вдруг по службам Центра доносятся сообщения о том, что ориентация не была выполнена. В чем дело? Ученые и разработчики выкладывают на дискуссионный стол целую обойму предположений. Одна из гипотез, например, сводится к тому, что, возможно, звездный датчик вместо нужной ему звезды остановил выбор на другом небесном теле, о существовании которого пока неизвестно из-за его малых размеров. Таковым мог оказаться, например, один из астероидов. Кстати, подобный случай произошел на днях с американским аппаратом «Маринер-9»...

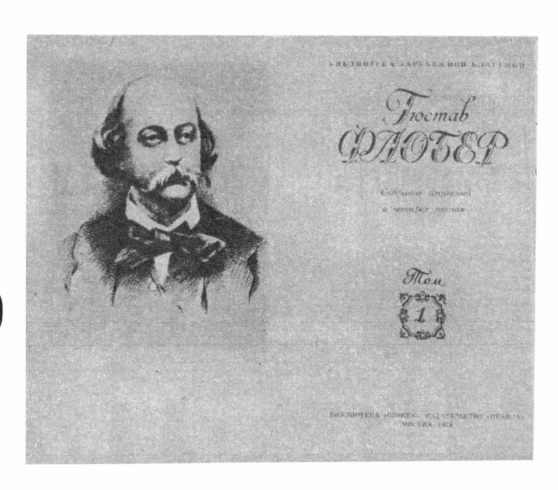
Но подождем следующего сеанса связи. Снова подается на борт команда. Наконец, приходит ответный сигнал: «Есть ориентация». Начался прием телеметрии. Подобной ситуации больше не повторялось, и причина ее так и осталась пока невыясненной. Но можно не сомневаться, что Марс даже в нынешнем эксперименте задаст еще не одну загадку.

День проходит за днем. Меняются рабочие смены. Работа не затихает и в те часы, когда Марс уходит от «взоров» антенн. Полученные результаты требуют дальнейшей обработки, тщательного анализа, осмысливания. А впереди — новые сеансы связи, бесчисленные потоки. Но главное уже ясно сейчас. Марс достигнут. Главное, что полностью подтверждены принципы, положенные в основу создания наших автоматических станций «Марс-2» и «Марс-3» и управления их полетом. Главное, что можно еще смелее смотреть в будущее межпланетных полетов.

На существующей на сегодняшний день карте планеты Марс большие площади помечены знаком «не обследовано». Да и об остальных районах известно пока немного. До недавнего времени почти всю информацию, по которой составлялись карты поверхности планеты, приносили радиолокационные и спектрометрические измерения, выполнявшиеся с помощью аппаратуры, установленной на Земле. Затем несколько участков в северном полушарии Марса были сфотографированы американскими аппаратами «Маринер» с пролетных траекторий. Однако белых пятен на красной планете осталось достаточно.

Изучение Марса продолжается...

К ЮБИЛЕЮ ГЮСТАВА ФЛОБЕРА



«Появление Флобера во французской литературе было удивительно закономерно. И если бы по какой-то случайности современники не заметили автора «Госпожи Бовари», то впоследствии его можно было бы отыскать почти с такой же определенностью и точностью, как это делают ученые-химики, открывая недостающие элементы в периодической таблице Менделеева».

Так начинается статья А. И. Пузикова, открывающая первый том собрания сочинений Гюстава Флобера. Немного далее автор поясняет свою мысль: «Творчество Флобера было знамением времени, в нем нашли свое выражение очень существенные моменты истории французского общества».

Исполняется 150 лет со дня рождения великого писателя-реалиста, и к этой дате «Библиотека «Огонек» выпускает четырехтомное собрание его произведений.

Всемирно известная «Госпожа Бовари» и «Искушение святого Антония», в котором звучит воинственное отрицание религии, составили первый том. Во втором томе — исторический роман «Саламбо» и комедия «Кандидат» — сатирическое изображение нравов Третьей республики. Роман «Воспитание чувств» напечатан в третьем томе, а четвертый включает в себя «Иродиаду» и «Легенду о св. Юлиане Милостивом» в переводе И. С. Тургенева, «Лексикон прописных истин», а также заново переведенные для этого издания повесть «Простая душа» и неоконченный роман «Бувар и Пекюше».

Каждое произведение сопровождается подробным комментарием, где изложена история его создания. Автором комментариев, С. А. Ошеровым, широко использованы не только многие письма Флобера, не печатавшиеся на русском языке, но и архивные материалы, записные книжки, черновики и исследования рукописей писателя, опубликованные во Франции за последние двадцать лет.

Тексты произведений в ряде случаев уточнялись по последнему французскому академическому изданию, осуществленному Дюменилем.

Собрание сочинений выходит под общей редакцией Н. М. Любимова и иллюстрировано художником С. Г. Бродским.

Уже увидели свет три тома этого издания, в ближайшее время оно будет полностью завершено.

Н. ЦВЕТКОВА

пока на столе не кончились салфетки. Пришлось снова перейти на крик.

Накричавшись до хрипоты, мы вышли из ресторана и сели в такси. Виталий назвал шоферу свой адрес. Тот вздрогнул и резко повернулся к нам.

— Зачем кричишь, дорогой! Глухих водителей в таксопарках не держат...

Мы густо покраснели: действительно Виталий не просто назвал адрес, а по инерции прокричал его.

Явившись домой, я радостно сообщил жене:

— Знаешь, с кем я виделся сегодня? Ни за что не угадаешь... С Виталькой!..

— А нельзя ли потише?— прошипела жена.— Ты так орешь, будто выиграл сто тысяч по трамвайному билету... Твой истошный крик может напугать детей!

Моя жена всегда права. «И в самом деле, нельзя ли потише?— не сказал, а подумал я. (У нас в семье говорит только жена, остальным никогда не удается вставить слово в ее длинные монологи.) — Ведь в ресторан люди приходят не только выпить и закусить, но и встретиться с друзьями, поговорить с ними по душам без надрывного крика. Почему бы оркестру не играть тихо, чтобы музыка не раздражала, а успокаивала, создавала хорошее настроение? Откуда только пришла к нам эта глупая мода играть в ресторанах на всю катушку?!»

Теперь, когда возникает идея зайти в ресторан, мы непременно справляемся: есть ли там оркестр или нет? Если есть, то мы проходим мимо. Голосовые связки надо беречь.

Григорий ОШЕВЕРОВ

ВСЕМ, КТО ЛЮБИТ ХОККЕЙ

В этой книге все на хорошем профессиональном уровне: литературное слово, богатство содержания, обильный иллюстративный материал — документальные фото и веселые шаржи.

«Это — хоккей». Так назван сборник рассказов, хроникальных заметок, забавных выдуманных и невыдуманных историй и случаев. Выпустило книгу в свет издательство «Молодая гвардия». Составил сборник большой знаток спорта Н. Л. Елинсон (редактор М. Катаева).

О популярности хоккея говорить не надо. Поистине этот стремительный, мужественный и красивый спорт владеет сердцами. Составителю удалось привлечь на страницы сборника известных писателей, поэтов, очеркистов и знатоков хоккея, выдающихся тренеров и спортсменов. Фрагмент панно «Хоккеисты» Александра Дейнеки служит обложкой сборника.

В книге выступают писатели Л. Кассиль, Юрий Трифонов, Константин Симонов, Александр Кикнадзе, поэт Евгений Евтушенко. С интересом будут прочтены короткие рассказы о наиболее ярких и памятных событиях в мире большого хоккея заслуженных мастеров спорта Аркадия Чернышева, Василия Трофимова, Бориса Майорова, Анатолия Фирсова, Анатолия Тарасова, шведа Свена Тумбы — Юханссона.

В сборнике много юмора, остроумных шаржей. Интересные сведения почерпнет читатель в своеобразных статистических миниатюрах, заключающих книгу.

Хороший подарок всем, кто любит хоккей, сделало издательство «Молодая гвардия».

М. АЛЕКСАНДРОВ

ГЛАВА 11

На задней обложке папки последнего тома дела был приклеен конверт, в который вкладывались документы осужденных. Я сложил в него все эти полуистлевшие бумажки и закрыл досье. Вот и все. Замолкли вновь голоса людей, умерших почти четверть века назад и оживших для меня ненадолго, чтобы рассказать о том, что происходило с ними за последние полвека. Лежали на столе молчаливые папки, коричневые толстые тома с пугающей надписью «ХРАНИТЬ ВЕЧНО!».

Вечно... Разве что-то вечно на земле? Господи, как все это давно было! Когда судейский секретарь поставил на обложке папки штамп с красным коротким грифом «В. М. Н.» — «высшая мера наказания», я пошел во второй класс, мать вышла замуж за учителя немецкого, Батон совершил первую кражу, Шарапов поступил на работу в МУР, стали поговаривать об отмене карточек, Савельева не приняли в детский сад «по недостижению установленного возраста», Черчилль просматривал перед выступлением фултонскую речь о «холодной войне», в кинотеатрах повторно стали показывать «Остров сокровищ», а килограмм масла стоил несколько сотен рублей.

Много злого совершили семеновцы, пока злодейство не получило протокольной записи, прежде чем хрустнули позвонки в пеньковой удавке и в стремительно уходящем сознании мелькнула последняя мысль: зачем же это надо было все?

Долго, долго — в один миг — промчалась четверть века, не так уж много осталось в живых и людей, которые судили злодеев, изжелтели бумаги, протерлись на сгибах, обтрепались на краях, поблекли чернила, выцвел машинописный текст. А вечность хранения? Что же вечно? Может быть, установленный десятилетиями протокол правосудия не это имел в виду? Может быть, он взывал к вечности нашей памяти, которой человеку отпущено на один короткий век, а всем вместе — на всю человеческую историю? Может быть, вечной-то должна быть наша память, а не стареющие, выцветшие бумаги?

«Иначе права будет мать, и вся моя работа никому не нужна»,— сказал я неожиданно для себя вслух и вздрогнул, потому что в то же мгновение раздался телефонный звонок. Я снял трубку — звонил Сашка.

— У вас там Тихонова из МУРа нигде поблизости не видать?

— Видать,— сказал я и посмотрел в окно. Через дорогу к подъезду Гнесинского училища степенно вышагивали хорошо одетые дети со скрипками в руках. Это были правильно воспитанные дети: переходя дорогу, они не вырывались у родителей из рук, а на середине мостовой аккуратно смотрели направо. Скрипка здорово дисциплинирует людей.

— А-а, это ты...— протянул Сашка.— Ну и закопался ты в своих катакомбах — еле разыскал. Работаешь?

— Помаленьку.

— Молодец! Не препятствовать!

— Слушай, Сашок, а ты никогда не хотел жениться?

Сашка подумал недолго, отрапортовал:

— Хотел. Девушка о-очень красивая была. Но со мной разговаривала только так: «ты растоптал большое и чистое, ты осквернил святое...» Так ничего и не вышло...

Я засмеялся и спросил:

— И все?

— Почему все? — серьезно сказал Сашка.— Еще один раз хотел. Но невеста отказала мне, объяснив, что не может выйти замуж за человека, у которого никогда не будет отчества: «Сашка да Сашка — что такое?..» Так и бросила.

— Ты бы ей сказал, что зато у тебя есть имя. Доброе имя.

— Я ее уже к этому времени разлюбил.

Я вновь посмотрел за окно на детей, спешащих к началу занятий в училище, и спросил:

— Слушай, Сашк, а ты своих детей станешь учить музыке?

— Никогда,— твердо ответил Сашка,— сейчас патефоны дешевые.

— Это ты отстал — патефоны за редкостью вновь стали дорогими. Радиолы дешевые.

— Мне все равно. У меня слуха нет. Вот как у тебя.

— А почерк? С почерком как у тебя?

— С почерком? А-а, это ты насчет справки по делу! Почерк плохой, я на машинке печатаю.

— Между прочим, ты на машинке тоже не ай-яй-ай как печатаешь...

— А я медленно. Знаешь ведь — дальше едешь, тише будешь. Завтра справку закончу.

— Слушай, Сашок, запиши — дашь запрос в справочную картотеку: Сытников Аристарх Евграфович, 1894 года рождения, осужден в 1946-м по делу атамана Семенова.

— Записал. Слушай, Стас, а как его в детстве ребята во дворе называли — Арик? Или Ристик? А может быть, Стархуня?

— Вы босяк, Александр. Аристарх Сытников во дворе с ребятами не играл: он воспитывался в пажеском корпусе.

— Два мира — две судьбы,— обрадовался Сашка.— Я тоже воспитывался в ремесленном училище № 163. Ребята из зависти называли меня малопривлекательной кличкой «Ржавый». Кстати, а почему тебя заинтересовал этот ископаемый паж?

— Он не паж, он штабс-капитан. И единственный оставшийся живой человек из всей этой компании. Ну, все? Вопросов больше нет? Тогда я пойду домой.

— А сюда не придешь?

— Тогда купи мне раскладушку, я и ночевать буду на Петровке. Пока, до завтра...

— Подожди, подожди! Тебе тут девушка звонила.

— Какая? Лера?!

— Подожди, посмотрю, у меня записано. Вот, нашел — Рознина...

— Рознина?

— Людмила Михайловна Рознина. И телефон свой на всякий случай оставила.

Люда-Людочка-Мила. Зачем я ей? Может быть, нашла еще чего-нибудь?

— Не нужно. У меня есть ее телефон.

— Тогда привет. Я сказал, что ты позвонишь попозже.

— Большой привет...

Я взглянул на часы. Стрелки замерли на четырех часах — механизм давно остановился. За окном темнело. Сколько сейчас времени? Наверняка она уже давно ушла с работы, промчалась по бульварам пятнадцатым маршрутом, встретилась со своим молодым человеком, и сейчас они сидят где-нибудь в кино или в кафе, а может быть, отправились к нему домой... Вот балбес этот Сашка, не мог меня разыскать раньше! Правда, я сам обещал ему звонить, да позабыл. Опаздываю, всегда опаздываю. Ах, черт, досада какая! Ведь у нее могли быть какие-то интересные сведения!

И вдруг поймал себя на том, что я стараюсь обмануть себя, и мне совершенно наплевать на все сведения, которые она мне может сообщить, что все вместе они не интересуют меня совершенно, да и ничего нового узнать она для меня не может, и единственное, что меня интересует,— услышать ее голос, веселый и в то же время чуть грустный, задумчиво-грустный, озабоченный необходимостью дожить до времени, когда люди будут называть друг друга «ваша человечность», и, размышляя в растерянности обо всем об этом, я набирал номер телефона, наверняка зная, что ее не может быть на работе. Тягуче пронудил гудок в трубке, и я очнулся, поняв бессмысленность этих звонков в пустой комнате архива, откуда она ушла навстречу мальчику, собирающемуся стать «самым-самым». И все это вместилось в несколько коротких секунд, которые отделяют один гудок от другого, потому что когда я уже почти положил трубку на рычаг — после первого гудка,— мне послышался в ней какой-то звук.

И от неожиданности вместо того, чтобы снова поднести трубку к уху и проверить, показалось мне, или в ней действительно был звук, я вскочил и согнулся над столом, прижимая ухо к уже почти положенной на рычаг трубке.

— Алло, алло!— заорал я истошно в микрофон и услышал голос Люды-Людочки-Милы:

— Да-да, я слушаю...

Я опустился на стул и неуверенно сказал:

— Мила, это я вас беспокою, Тихонов. Который приходил к вам насчет креста генерала Дитца.

— Я вам звонила сегодня...

— Людмила Михайловна, мне товарищ поздно передал об этом. А почему вы так засиделись на работе?

— Он сказал, что вы позвоните попозже. Вот я и ждала...

Я вдруг представил себе, что Сашка не разыскал меня, и я бы даже и не вспомнил о ней и, конечно, не позвонил, а она бы сидела одна в пустой белой комнате архива, все, все уже ушли по домам, а она одна дожидается моего звонка, потому что точно знает: если было обещано, значит, будет выполнено, ведь по-другому не бывает у людей, называющих друг друга «ваша милосердность», и погас бы вечер, тосковал бы на остановке знакомого маршрута «самый-самый» мальчик, наступила бы ночь, залив пустую белую комнату дымным лунным светом, а она бы сидела и ждала, когда я позвоню, ждала долго, не зная, что Сашка меня не нашел и не сказал, что я обещал позвонить ей позже, и от этого она еще долго будет одна, наедине с законсервированным в папках временем и твердой уверенностью — память и обещания надо хранить вечно.

Мне захотелось сказать ей: «Спасибо, спасибо за то, что вы долго ждали меня, одна, в пустой комнате...» — но постеснялся и не знал, что же мне ей сказать, и долго молчал, а она меня не торопила, и это длинное наше молчание было легким, как дружеское объятие.

Потом она сказала:

— Меня все называют Людой. Только мама меня зовет Милой...

— А я бы вас называл «ваша доброта»...

Она мгновение подумала.

— Я бы хотела, чтобы меня так называли в старости. С годами это труднее. А вы меня называйте Милой.

— Мила, а вас никто сегодня не ждал на Трубной? На остановке троллейбуса?

— На Трубной? — удивилась она.— Нет. Я вообще там редко бываю. Я к себе в Измайлово на метро езжу...

— Милочка, это же прекрасно! Это так замечательно, что вы там редко бываете!

— Почему? — засмеялась она.

— Почему? — задумался я.— Почему — так сразу мне трудно объяснить. Я просто подумал, что, может быть, я не всегда и всюду опаздываю. Мила, давайте увидимся сегодня.

И она сразу, без раздумий и колебаний, сказала:

— Давайте. Где?

— Вам нетрудно будет приехать на Трубную? Я буду ждать сколько вам только понадобится...

— Но ведь вы были рады, что я там редко бываю?

— Э, нет, Милочка, это совсем другое дело. Я очень люблю материализовать миражи.

— Да-а? — уважительно сказала она, и «да-а» получилось у нее точно, как у Шарапова.— Пожалуйста, как хотите. А вам что — так ближе?

— Нет, нет, дальше. Но приятнее. Значит, я пошел?

— Хорошо.

Я сложил стопу томов уголовного дела, перевязал их веревочкой, взглянул в последний раз на надпись «Хранить вечно!» и вызвал дежурного.

Люда-Людочка-Мила сошла с подножки троллейбуса и спросила:

— Как обстоит с материализацией миражей?

— Изумительно,— пробормотал я.— Мне очень нравится.

— И часто это вам удается?

Я пожал плечами.

— Как когда. Но иногда получается.

— У вас это, как говорят французы, профессион манке — пренебреженное призвание. Надо больше тренироваться.

— Я этим на службе регулярно занимаюсь. Время от времени возникают кошмарные миражи...

Она засмеялась и взяла меня под руку. И это было приятно, будто мне не тридцать лет, а по крайней мере вдвое меньше.

— Куда пойдем? — спросила Люда-Людочка-Мила.

— Куда? — задумался я, перебирая в уме, куда бы можно было направиться нам вдвоем.— А вы есть не хотите?

— Хочу,— сказала она.— И вы, по-моему, тоже хотите есть.

Я вспомнил дядьку, с которым мы пировали сегодня ночью, как он рассмотрел голодное выражение у меня на лице, и удивился, что это было меньше суток назад.

В ресторане «Арагви» было на удивление малолюдно, прохладно и пахло шашлыком и зеленью. В мраморном овальном зале на хорах гремел оркестр, играли музыканты что-то малоразумительное. Мила, усаживаясь за стол, сказала:

— Один мой приятель говорил, что ему очень нравится здесь оркестр, потому что он никак не может определить момент, когда они кончают настраивать инструменты и начинают играть...

Я принужденно засмеялся, подумав ревниво, что так, наверное, говорил «самый-самый» мальчик.

— А мне здесь нравится,— сказал я.

Мила удивленно взглянула на меня.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 43, 44, 46—49.

— И мне здесь нравится. В этом ресторане очень вкусно готовят. Это не общепитовское учреждение, а гастрономический оазис...

Она огляделась, долго с улыбкой рассматривала стенную роспись Тоидзе.

— Мне даже картинки эти нравятся...

— Картинки серьезные. Даже улыбнуться совестно.

— Только не вздумайте сказать, что вам нравится Шагал,— погрозила пальцем Мила.

— Я его вещей не видел,— сказал я неуверенно.

Она посмотрела мне внимательно в лицо и улыбнулась.

— Слава богу. А то нынешние кавалеры считают обязательным беседовать с девушками о Камю, Шагале и Антониони. Малый искусствоведческий набор.

— А вам не нравится то, что они делают?

— Я не люблю, когда об этом пространно рассуждают. И вообще я больше всего люблю сказки...

Тут я посмотрел на нее во все глаза. Она серьезно сказала:

— В сказках добро всегда сильнее мудрости.

— А разве это соперничающие силы?

Мила задумчиво провела ладонью по лицу.

— Не знаю. Человеческая мудрость сильно выросла. А добро?

— Я думаю, рост культуры смягчает и нравы.

— Возможно,— кивнула Мила и спросила неожиданно: — Как вы думаете, сколько людей было замучено в застенках инквизиции? Учтите, что длилась она четыре века...

— Миллион? — спросил я наугад.— Или два?

Мила покачала головой.

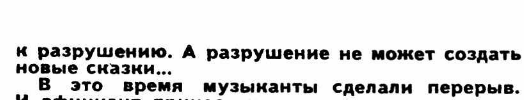
— Более тридцати тысяч. А в Освенциме за четыре года фашисты уничтожили более четырех миллионов человек. А потом атомная бомба в одно мгновение испепелила двести сорок тысяч человек в Хиросиме.

— Люда-Людочка-Мила! Это же не то совсем! Ведь люди не могут и не должны забыть свою накопленную в муках мудрость.

— Так и я не об этом. С развитием мудрости все обстоит прекрасно. Вот с добром сильные перебои. А мудрость без добра обязательно вырастает в злодейство.

— Но ведь любому искусству противно злодейство? — сказал я негромко, возвращая разговор к не понятому мной началу.

— Конечно,— легко согласилась Мила.— Только новое искусство острее чувствует неравновесие добра и мудрости. Поэтому оно тяготеет


к разрушению. А разрушение не может создать новые сказки...

В это время музыканты сделали перерыв. И официант принес вино и закуски, и я очень обрадовался этому — я плохо понимал, о чем говорит Мила, что-то меня не устраивало в ее рассуждениях, но возражения не приходили в голову, и от этого я чувствовал себя совершенным дураком.

Я разлил в бокалы вино и сказал:

— Милочка, давайте выпьем за «самых-самых» архивистов.

— Таких не бывает,— усмехнулась Мила.

— Да, не бывает. Потому что они все «самые-самые». Пройдут годы, много-много лет, придут на земле в равновесие добро и мудрость, и тогда обязательно найдутся люди, и будет их много, этих людей, которые захотят узнать, как же все это происходило. И тогда выяснится, что вы сохранили для них время, уберегли память о всех событиях и о всех людях, живших в трудные времена соревнования добра с мудростью, потому что и на ваших папках, наверное, стоят печати «Хранить вечно!», а вечность — это, видимо, очень долго...

Люда-Людочка-Мила посмотрела ласково на меня, и провела своей ладонью по моей руке, и у меня защемило сердце, потому что совсем недавно точно так же гладила мою руку Лера, и я пожалел, что постеснялся сейчас заказать себе борщ — ведь в сказках он много уместнее, чем кофе с коньяком, даже если ты его заказываешь в кавказском ресторане.

— Давайте выпьем за них,— кивнула Мила.— И еще давайте выпьем за Калинина, Бурденюка и Скоробогатого. Благодаря им я не бросила свою работу.

— А кто они? Ваши учителя?

Мила покачала головой.

Они умерли задолго до того, как я родилась. А узнала я о них, когда уже пришла работать в архив. Честно говоря, работу я свою ненавидела, казалась она мне кротовой, унылой, никому не нужной. Но однажды я услышала радиопередачу о подвиге Николая Гастелло: «...и тогда командир бомбардировщика направил свою машину в середину вражеской колонны...». Я слышала и читала об этом много раз, но в тот день что-то остановило мое внимание, хотя я и не могла никак сообразить, что именно. И вдруг поняла: бомбардировщик! Ведь бомбардировщик — многоместная машина, ее экипаж состоит из нескольких человек. Но я всегда слышала только про Гастелло. Я строила всевозможные догадки и предположения: может быть, экипаж выпрыгнул на парашютах, или, возможно, они уже погибли к тому времени, когда Гастелло принял свое решение? Или они тоже приняли решение погибнуть вместе с командиром? Тогда почему о них нигде и ничего я никогда не слышала? И эти мысли не давали мне покоя, мучили, как наваждение. Я стала наводить справки и вскоре получила ответ: решение пикировать на танковую колонну было принято всем экипажем: Гастелло, Калининым, Бурденюком и Скоробогатым. И вместе погибли. Люди должны помнить и о них тоже...

Мы чокнулись, и я подумал, что слава — порождение мудрости и пути ее прихотливы, а скорбь и память — от добра и потому вечны.

ГЛАВА 12

Савельев сидел, склонив набок рыжую голову, а короткие толстые пальчики переплел на животе. Он дождался, пока я дочитал справку до конца, кротко спросил:

— Прекрасно написано?

— Сойдет,— махнул я рукой и добавил: — Хорошо, что мы не получаем за свои справки гонорары, а то бы ты меня обвинил в соавторские домогательства.

— Ничего, ничего, ответственность за неправильно составленный документ раскладывается пропорционально количеству подписавшихся...

В кабинет вошел Шарапов. Очки он держал в руке. Лицо у него было хмурое, бледное. Неважно он выглядел.

— Как дела, орлы?

— У нас разве дела, Владимир Иваныч? — оживился Савельев.— Так, делишки...

— Ну и плохо. С молоду большие дела надо делать.

— Да, конечно...— развел Сашка руками.— Каждый человек — кузен своему счастью.

Я засмеялся. Шарапов хотел что-то сказать Савельеву, но передумал, пояснив мне:

— Это он, наверное, на меня намекает. Смотри, Савельев, маленькие начальники никогда не прощают, если им предрекают, что они уже не станут большими.

Сашка вскочил, прижал руки к груди:

— Владимир Иваныч! Так я разве что говорю? Вы для меня единственный и самый главный начальник. Больше вас начальство я только на парадном смотре и видел...

Шарапов покачал головой:

— Эх, Савельев, Савельев! Опасные и вздорные иллюзии у тебя, а избавлять сейчас от них будут Тихонова.

Я поднял голову:

— Это почему?

Шарапов положил мне руку на плечо:

— К начальнику МУРа сейчас идем оправдываться. Батон на тебя жалобу написал...

Шарапов был раздосадован. Сашка замер. Я сидел молча и бессознательно перебирал на столе бумажки, раскладывал их в папки одна к другой. И от этого мне стало досадно: я просто испугался... Тихо было в комнате.

— Хороша жалобка? — спросил я.

— Хороша. Толково написано. Адресована в МК партии, копии — прокурору города и начальнику управления. А ты чего скис? Боишься?

— Что значит «боюсь»...

Я никак не мог понять, чего испугался. Наказывать меня не за что — действовал правильно и, если бы довелось, то же самое сделал снова. Тогда почему же все-таки?.. Или можно бояться и без вины? Чего?

Сашка крикнул:

— Ну, это уж просто хулиганство!..

— Не кричи, Саша.— Шарапов поморщился.— Тебе надо будет, Стас, обдумать ответы. Батон утверждает, что ты применял к нему незаконные методы допроса — грозился, запугивал, уговаривал признаться — тогда, мол, ты бы его отпустил до суда...

— Батя, а ты считаешь, что это все серьезно? — спросил я.

— Не считаю. Но существует порядок...

— Порядок! — вмешался Савельев.— Владимир Иваныч, но я действительно в толк не могу взять, почему Тихонов должен оправдываться перед этим...

Шарапов повернулся к нему всем корпусом:

— Тихонову надо объяснить прокурорскому надзору и высшему начальству истинное положение вещей. Они спросить имеют право, ты как думаешь?

— Имеют. Но ведь это же безразлично, как называть — оправдываться или объяснять, важен смысл. А смысл в том, что Тихонову надо будет доказывать, что он не применял запрещенных методов допроса. Вот я и спрашиваю: почему Тихонов должен доказывать, что он не верблюд, если это утверждает Батон? Вор, гадина, рецидивист!

Шарапов сел на стул, водрузил на нос очки, провел рукой по своим белесым волосам, потом спросил:

— Саша, у тебя сигарета есть?

— Не дам я вам сигарету — вы уже год как не курите!

Шарапов усмехнулся и сказал совершенно спокойно:

— То, что ты заботишься о моем здоровье,— это хорошо. Но младшие по званию должны не только уважать свое начальство, но и подчиняться ему. С этим у тебя как раз похуже. А теперь давай сигарету и слушай меня внимательно...

Сашка нехотя протянул пачку. Шарапов не спеша размял сигарету, прикурил, глубоко, со вкусом затянулся.

— Лет двадцать тому назад был у нас один работник — Третьяков. Следователь был он незаурядный и результаты получал фантастические. У него не бывало «нерасколовшихся» преступников — гремел! И довольно долго. Пока однажды мы с Ильей Ляндресом не взяли на одной малине Фомку-Крысу. Был такой бандит — осторожный, злой, как настоящая крыса. Стали мы с ним работать, а допрашивал, надо сказать, Илья отлично, ну, короче говоря, рассказал Фомка об убийстве в Банковском переулке. Подняли мы материалы — преступление было совершено три года назад — и обомлели. Преступление раскрыто, убийца найден, осужден и отбывает двадцатилетнее наказание. Мы вызываем дело к себе, читаем. Сначала обвиняемый категорически отказывался, довольно долго, а потом признался — сам Третьяков расследовал. Возобновляем дело по вновь открывшимся обстоятельствам и начинаем над ним сидеть дни и ночи. И доказываем, что убийство совершил Фомка-Крыса, а осужденный никакого отношения к нему не имеет...

— А зачем же он признавался? — спросил Савельев.

— А его Третьяков уговорил: улики, мол, неопровержимые, человек ты с подмоченной репутацией, единственный шанс не получить «вышку» — чистосердечное признание, хоть жить будешь. Тот согласился. После этого произвели ревизию всех дел Третьякова, и выяснилось, что такие вот приемы он не один раз применял...

— А какое это отношение имеет к Стасу?

— А такое, что у человека на лбу не написано — честный он работник или негодяй. Поэтому Батону, коли мы не доказали, что он вор, предоставлены все гражданские права для защиты. Да и если бы доказали, все одно. Это, знаешь ли, гарантия того, чтобы с людьми не вытворяли третьяковских штучек.

Я сказал Шарапову:

— Если вдуматься, то выходит, что у Батона сейчас этих прав даже больше, чем у меня...

— Конечно, а почему бы нет? Вы не доказали, что Батон — вор. Это мы, можно сказать, для себя знаем. Но пока не оформили установленным законом способом, он обычный советский гражданин. А у всякого гражданина прав не меньше, чем у тебя. Это ведь ты служишь обществу, а не оно тебе.

— Ой, батя, не говори казенными словами!

— Ну, казенными или домашними, суть не меняется. Ты знаешь, что я говорю правду. А вообще-то все правильно...

— Что правильно?

— Наша работа жесткая, и ни одного промаха не прощается.

Секретарша в приемной сказала:

— Одну минуточку, комиссар говорит по телефону.

Я шепнул Шарапову на ухо:

— Надеюсь, что это еще не обо мне...

Шарапов усмехнулся:

— Пока что невелика ты птица в перьях. А со временем еще сам будешь начальником. Ты ведь хочешь быть комиссаром?

Я подумал и сказал:

— Хочу.

На секретарском пульте вспыхнула зеленая лампочка. Секретарша сняла трубку:

— Да, да, товарищ комиссар. Сейчас всех вызову. Павел Антонович, к вам Шарапов...

Она положила трубку и сказала:

— Товарищ подполковник, вас просят...

Меня рассмешило, что эта миловидная девчонка, всегда строящая мне глазки, когда мы с

ней встречаемся в коридорах, сейчас была важная и меня просто не замечала.

— Садитесь,— сказал комиссар, набирая номер телефона.

Мы с Шараповым уселись сбоку от длинного стола для совещаний. Комиссару, видимо, ответили, потому что он быстро сказал:

— Это Лебедев докладывает. К сожалению, новых данных не поступило. Но ведь это же не от нас зависит, Александр Васильевич. Мы бросили на реализацию и так лучшие силы. Что?! Да, у меня там люди в засаде сидят неделю без смены. Вот возьмем, и успокоится общественность... Есть, есть, слушаюсь. В семнадцать часов снова буду докладывать.

Он положил трубку и усталым движением провел ладонью по шее. Я понял, о чем он говорил: на прошлой неделе наши ребята наконец вышли на след человека, убившего в Энергетическом институте двух девушек, но взять его пока не могли.

Комиссар рассеянно и сердито посмотрел на нас и сказал:

— Что у вас?

Шарапов, привыкший к начальству больше меня, спокойно ответил:

— Вызывали, товарищ комиссар. Насчет жалобы.

Комиссар внимательно смотрел на меня, наверное, вспоминал, о какой жалобе идет речь, постукивал пальцем по столу.

— Жалоба на тебя, Тихонов, поступила... Удивляюсь...

Тут я понял, что до этого мгновения он нас вообще не замечал, а продолжал разговор со своим телефонным собеседником.

— Я думаю, что если бы от вора-рецидивиста Дедушкина на меня поступила благодарность, вы бы еще больше удивились,— выпалил я обиженно, и мне показалось странным, что молчит Шарапов, он же ведь все знает...

Комиссар перестал стучать пальцем, прищурился:

— Всякое бывает. И благодарности приходят.

— От Дедушкина я не дождусь,— пробормотал я, а Шарапов все молчал.

— А ты что, действительно грозился?

Я почувствовал, как раздражение охватывает меня.

— Можно и так сказать. В тюрьму обещал посадить.

Шарапов молчал.

— Ну-у! — удивился комиссар.— А чего это ты так расходился?

Я посмотрел на него, комиссар вроде повеселел, взял карандаш и стал быстро делать пометки на кипе лежащих перед ним листов. Стало досадно, что такой важный для меня разговор — всего лишь пустячный эпизод в заполненном событиями и разговорами рабочем дне моего шефа. Что объяснить ему? И Шарапов помалкивает. Я встал и, уже начав говорить, понял, что голос у меня предательски дрожит:

— Товарищ комиссар, разрешите быть свободным? Все обстоятельства дела изложу в рапорте на ваше имя...

Комиссар, не отвечая, дописал что-то на листочке, сказал Шарапову:

— Владимир Иваныч, у тебя в отделе с дисциплиной плоховато. Если капитан со мной так разговаривает, что же он себе с Дедушкиным позволял?

— У Тихонова другое: деликатничает с обвиняемыми, а потом дерзит начальству...

— Так ты, Тихонов, на меня обиделся, что ли? — спросил комиссар.

Я пожал плечами: чего, мол, мне обижаться?

— Ты сядь, сядь, не стой, а то не дай бог войдет кто, прямо живую картину увидит: начальник-самодур терзает беззащитного, но гордого подчиненного. А ведь я же тебя не терзаю, спрашиваю только...

Комиссар помолчал, побарабанил пальцами, потом сказал:

— Мне тут Владимир Иваныч уже поведал все или почти все. Должен сказать, ругать тебя надо не за то, что ты обещал Батона в тюрьму посадить, а за то, что своего слова не выполнил. Если не можешь — не обещай, а то срам один получается. Жулик моих оперативников помоями поливает, я должен прокурору объяснения писать про ваши с Дедушкиным счеты, а ты помолол языком — и в кусты...

— Да почему в кусты?..

— Помолчи! Не перебивай меня! Я бы тебе показал, где раки зимуют, если бы не одно обстоятельство...

Комиссар закурил.

— Ты когда с Батоном имел дело последний раз?

— Восемь лет назад. Приговорили к пяти годам.

— Так,— сказал комиссар и снова стал листать бумаги. Мы молчали. Потом комиссар поднял голову и спросил: — Ты как думаешь, он зачем на тебя жалобу прислал?

— Не знаю. Мстит, наверное. Я ведь с ним действительно пристрастно работал...

Комиссар сломал в пепельнице сигарету и сказал:

— Ты, Стас, хороший оперативник. Но до Шарапова тебе еще далеко.

Я усмехнулся:

— Кто бы спорить стал...

Комиссар, не слушая меня, спросил:

— Кто с Батоном работал?

— Я и Савельев, руководил Шарапов. Задержание произвел Савельев.

— А ты не подумал, почему задержанный именно на тебя жалобу написал?

— Трудно сказать. Счеты-то у нас с ним старые...

— Эх, ты! Между прочим у Шарапова тоже с ним счеты не новые. Но вот он сразу понял. Батон тебя боится. Именно тебя и потому в жалобе пережал, настаивая на отстранении Тихонова от расследования. Тем более, что ты предоставил такую возможность, не доказав его вины. Вот за то, что вор тебя боится, я и не наказываю тебя. Но смотри, Стас, если выяснится в конце концов, что боялся он зря... Справку по делу подготовили?

— Так точно.

— Оставь мне. Она еще для прокурора понадобится. Все понял?

— Все.

— Ты свободен, а ты, Владимир Иваныч, задержись на минутку.

Затрещал звонок, и из селектора раздался голос:

— Товарищ комиссар, в Бескудникове совершено разбойное нападение на магазин...

Я вышел и неслышно притворил за собой дверь.

В приемной беседовал с секретаршей Савельев. Когда я появился, он говорил: «И тогда я закричал: руки вверх!»

— А вот и Тихонов! — сказал он тем же тоном, будто поднимать руки должен был я.— Томочка, я вам все это потом дорасскажу...

Мы вышли в коридор.

— Ну как, отбился? — спросил Сашка.

— Порядок.

ГЛАВА 13

Я закончил перепечатывать выписки из дела атамана Семенова, снял закладку с каретки, разложил листы по экземплярам — один в дело, второй — в «наблюдательное производство», третий — для сведения начальству и сказал Савельеву:

— Слушай, а чем я буду заниматься, если меня из МУРа выставят? Я ведь и делать-то ничего не умею. Вот разве на машинке стучать. Но такой мужской специальности не существует, даже названия нет.

— Есть. Ремингтонист называется.

— Ну, слава богу, пойду в ремингтонисты.

Наконец пришел от комиссара Шарапов. Он добродушно ухмылялся, и было заметно, что настроение его явно улучшилось.

— Ну, что, готовы к смерти или к бессмертной славе?

— Владимир Иваныч, пора подумать о спасении души,— тут же вставил Сашка.

— Что, Стас, как чувствуешь себя?

— Противно. Я вот сколько раз допрашивал людей и не догадывался, что это очень неприятно — оправдываться.

Шарапов засмеялся:

— Собаки от удовольствия крутят хвостами. Это, правда, не значит, что если им крутить хвосты, они получат удовольствие. Ну, ладно, что собираетесь делать теперь?

— Из адресного бюро сообщили, что Сытников проживает в Зареченске, это маленький городок в Тульской области. Савельев отправил телеграфный запрос в горотдел милиции — пусть сообщат, что он за человек, чем занимается. А сейчас мы поедем в гостиницу «Украина», попробуем что-нибудь разузнать про Фаусто Кастелли. Мало ли что бывает — может быть, он персоналу чем-то запомнился.

Шарапов подумал.

— Больше никаких выходов на Кастелли мы не имеем. Конечно, надежда на гостиничную информацию невелика — там люди, как на вокзале, снуют. Вот что, Стас, мне помнится, горничные убирают ежедневно, но у каждой из них есть «свои» номера, за которые они отвечают персонально. Поговорите с горничной, за которой закреплен номер Кастелли...

— Не может быть, чтобы не запомнили чего-нибудь интересного,— категорически заявил Савельев.

— Почему ты уверен? — спросил я.

— Ну, этого просто быть не может!

В гостинице «Украина» царила предпраздничная суета. В вестибюле стоял разноязыкий гул. Индусы с бесценными перстнями на пальцах, чрезвычайно авантажные шведские клерки, сухоногие негритянки с лилейно-белыми переводчицами, юркие французские коммерсанты, солидные, весьма респектабельные голландские докеры из профсоюзной делегации, длинноволосые американские студентки, беседующие с маленьким вьетнамцем в военной форме...

Горничная Клавдия Васильевна Анохина сказала, что Кастелли ей не понравился.

— Ну, как же, у нас работает комиссия общественная — по чистоте номеров, соревнуемся за звание лучшего этажа,— а он целый день из номера не выходит. А когда генеральную уборку делать? Хоть после работы оставайся, да он ведь и вечером никуда. Еду из ресторана заказывал в номер, ему даже спуститься лень было. А так плохого ничего не скажу, вежливый он был, конечно. Или чтобы это... в номер кого водить — ни-ни. Бутылок только много вытащила после него, красивые такие бутылки, здоровые, дай бог память, как называется... А-а, вспомнила — «Синцано»!

— «Чинзано»,— подсказал Сашка.

— Может, и так,— равнодушно сказала горничная.— Да нет, помнится, там написано было русскими буквами «Синцано». А там бог его знает, может быть, не приглядывалась я. По мне хоть век его не будет — винища-то. И еще — самогонку пил, мно-ого...

— Чего, чего? — удивился Сашка.— Какую еще самогонку?

— Ну, эту, американскую, что ли, бутылки треугольные, а на картинке мужик в юбке пляшет. Забыла, как называется. Но денег бо-ольших стоит!..

— Клавдия Васильевна, а бутылочки вы куда дели? — спросил с надеждой Савельев.

Она удивленно взглянула на него:

— Как куда? Выкинула! А на что они? Ведь все одно пустые, а обратно их не принимают...

— Да нам-то они не для того, чтобы допивать. Нам сами бутылки посмотреть охота...

Она заинтересованно протянула:

— Во-она! Чудно.— И от души засмеялась.— Мужчины всегда полными бутылками интересуются, а вам подавай пустые. Нет, выкинула.

Савельев быстро спросил:

— А что, Клавдия Васильевна, вы бутылки из номера по мере осушения выносили или после отъезда — все разом?

— После отъезда, конечно, а то как можно? Вдруг они ему понадобятся?

— Так что же, вынесли вы, значит, все бутылки и — куда их?..

— В мусоропровод. Ой, батюшки мои, напомнили вы мне! Я же ведь Зине с двенадцатого этажа обещала для каустика две бутылки оставить!

— Так, так, так! И где они?

— Да если не выкинули, в дежурке стоять должны. За шкафом. Они ведь удобные — пробка с винтом, вот Зина у меня и попросила. А сама заболела, до сих пор на больничном...

Бутылки стояли за шкафом, припудренные пылью, две литровые бутылки из-под аперитива «Чинзано-Бьянки» и шотландского виски «Маккинли», две бутылки с винтовыми пробками, оставленные Фаусто Кастелли.

— Я их вам сейчас в момент оботру,— сказала Клавдия Васильевна.— Тряпочкой мокрой.

Мы засмеялись, а Савельев сказал:

— Спасибо, Клавдия Васильевна. Нет ли у вас резиновых перчаток?

Удивленная горничная протянула перчатку. Савельев ловко натянул ее и осторожно выудил из-за шкафа обе бутылки.

— Клавдия Васильевна, кроме вас, никто эти бутылки не трогал? — спросил я.

Женщина недоуменно пожала плечами:

— А бес их знает. Я, помню, все бутылки вытащила на лестничную клетку к мусоропроводу, а эти принесла сюда. Вроде на том же месте и стоят...

— Мы вас попросим после работы заехать к нам на Петровку, 38. Буквально на десять минут — мы должны снять у вас отпечатки пальцев.

— Не было печали,— с досадой сказала горничная.— Перед праздником в дому хлопот полон рот, а тут на тебе!

— Клавдия Васильевна, голубушка вы моя нежная,— проникновенно сказал Сашка,— а вы думаете, у меня это развлечение такое — перед праздником по гостиницам ходить и собирать бутылки?

— Ну, раз надо...— вздохнула женщина.— Раз дело...

— В том-то и дело, что дело,— сказал серьезно Савельев.— А что, Клавдия Васильевна, не замечали вы, часто напивался этот ваш жилец?

— Так как вам сказать — по нему не поймешь. Когда к нему в номер ни зайду, лежит на кровати одемшись и курит. Сигарету за сигаретой, я ведь за ним выносила каждый день чуть не полную урну окурков да пустых пачек. А на столике рядом с кроватью бутылки и стакан. Лежит и цедит, лежит и цедит. А сам вроде ни в одном глазу. Раз только напился: утром рано куда-то умотал, явился к ночи, а часа через два из соседнего номера — тридцать шестого — звонят и просят унять его, а то, мол, покоя нет — песни во всю глотку горланит...

— К нему приходил кто-нибудь? — спросил я.

— Ни разу не видела. Да и сам он вот только в тот раз отлучался, а то все время сидел в номере.

— Вообще-то он по-русски говорил? — спросил я.

— Так себе — с пятого на десятое. Но понять можно.

— Для всякого толкового расследования необходима какая-то единая линия, канва, тема,— сказал я Шарапову.— А здесь — ничего. Клочья, обрывки. Все смешалось: времена, события, люди, вещи. Из-за этого я не могу отработать никакой системы, отобрать нужные факты, принять, наконец, какие-то решения...

Шарапов, не моргая, смотрел на лампу, затененную зеленым плафоном, покусывал кончик карандаша, а из открытого окна доносился сюда тихий вечерний шум.

— Не в этом дело,— сказал наконец Шарапов.— Решения и так принять можно. Для выбора решений всегда есть правила. Вот жалко, нет правил для выбора этих правил...

Долго сидели молча, потом я сказал:

— Ну, есть у нас теперь отпечатки пальцев этого Кастелли. А дальше что?

— Завтра комиссар будет в министерстве докладывать справку по делу. Я предложил направить ее в Болгарию...

— Слушай, Владимир Иваныч, а зачем он в сервис-бюро узнавал про Ясную Поляну?

— Не знаю. Правда, Ясная Поляна находится в двадцати двух километрах от Зареченска. А там проживает твой единственный живой семеновец — Сытников. Это тоже только предположение...

В дверь постучали.

— Войдите! — сказал Шарапов.

Вошел Савельев.

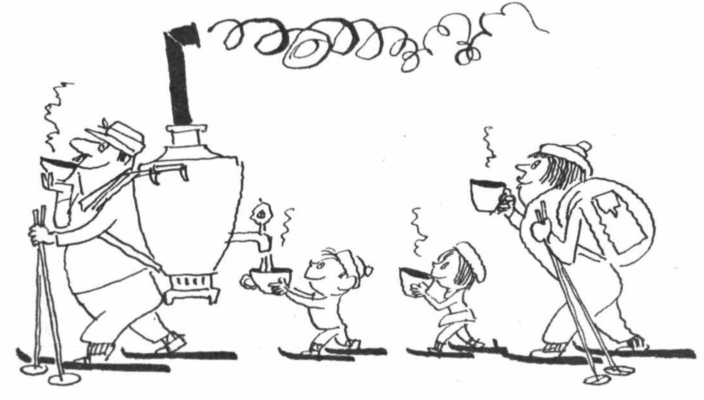
— Телеграмма пришла из Зареченска насчет Сытникова. Он тоже умер...

— Когда? — одновременно спросили мы с Шараповым и переглянулись.

— Семь недель назад — шестнадцатого марта,— сказал Сашка и покачал головой.— Кастелли прибыл в Москву третьего апреля...

Продолжение следует.

На зимнюю программу...

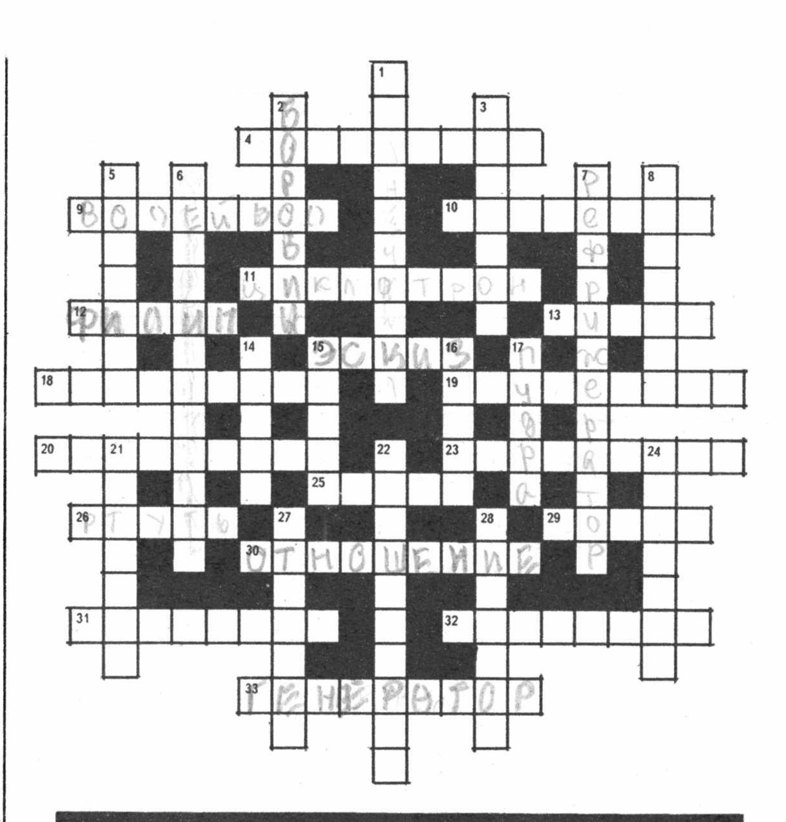


Заправка на ходу.
Рисунки Ю. Черепанова.

— К свадьбе готовитесь!
— Нет, ремонт затеяли, мастера ждем.

— Купил вот галоши какой-то новой моды.

Рисунки В. Воеводина.



КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Цветок. 9. Спортивная игра. 10. Кондитерское изделие. 11. Ускоритель заряженных частиц. 12. Птица отряда сов. 13. Слесарное приспособление. 15. Набросок чертежа, рисунка. 18. Действующее лицо комедии А. Н. Островского «Горячее сердце». 19. Балет А. Крейна. 20. Прибор для измерения углов между гранями кристаллов. 23. Туркменский писатель. 25. Часть оси, опирающаяся на подшипник. 26. Химический элемент. 29. Порт во Франции. 30. Математическое равенство. 31. Разновидность линолеума. 32. Звезда в созвездии Льва. 33. Машина для преобразования механической энергии в электрическую.

По вертикали: 1. Город в Московской области. 2. Съедобный гриб. 3. Советский офтальмолог. 5. Полуфабрикат прядильного производства. 6. Наука о словарном составе языка. 7. Транспортное средство с холодильными установками. 8. Столица Венесуэлы. 14. Древнегреческий поэт. 15. Минерал, двуокись кремния. 16. Пушной зверек. 17. Предмет косметики. 21. Часть речи. 22. Автор оперы «Алмаст». 24. Поэма А. С. Пушкина. 27. Украшение. 28. Советский живописец.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 49

По горизонтали: 7. «Гитарист». 8. Трафарет. 9. Глаголица. 10. Симпозиум. 12. Камбала. 15. Ортопед. 17. Вольт. 18. Квакша. 19. Арахис. 21. «Идиот». 23. Венеция. 25. Область. 27. Целлулоид. 29. Килограмм. 31. «Антигона». 32. Кинескоп.

По вертикали: 1. Огайо. 2. Плато. 3. Гималаи. 4. Филиал. 5. Ратмир. 6. Перигей. 11. Шелковица. 13. Беранже. 14. Авиация. 15. Отранто. 16. Обухова. 20. Шезлонг. 22. Атласов. 24. Изотоп. 26. Былина. 28. Улита. 30. Гусли.

На первой странице обложки: Славный, морозный выдался денек в Москве. Школьница Ира Ключникова рада: можно покататься на коньках.

Фото А. Бочинина.

На последней странице обложки: В Горной Шории.

Фото Ю. Лушина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 23/XI-71 г. А 00663. Подп. к печ. 7/XII-71 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2429. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 2167.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

МАЛЫШАМ

* * *

Жил да был... Правда-правда, этот медвежонок еще недавно жил в лесу, и не в простом лесу, а в далекой-далекой настоящей тайге в Саянских горах. А теперь он в Москве. Но сначала медвежонок много-много километров ехал на автомобиле-вездеходе, потом на поезде, а потом он летел на быстром турбореактивном самолете. Он очень торопился, маленький Торопыжка. А по Москве он проехал в «Волге». Сначала покатался по улицам, потом побывал у художника в гостях, пил у него чай с лесной ягодой, а вечером поехал в «Уголок Дурова». Там медвежонку очень понравилось, там он и жить остался.

Н. БЫКОВ

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Жил-был в чаще медвежонок.
Не игрушечный — живой.
Он любил играть спросонок
С недотрогою-пчелой.

Этот мишка
Торопыжка
И сейчас в лесу живет,
Бродит день-деньской
Вприпрыжку
Или задом наперед.

И когда у нас в деревне
Псы поднимут громкий лай,
А в лесу трещат деревья,
Это мишка — так и знай!

Торопыжка толстопятый
Мчит по шишкам напрямик.
Наломает дров
И прятки
Затевает, озорник.

Отсчитает сам считалку,
Сам торопится за пень.
И дубинку-выручалку
Выручать ему не лень.

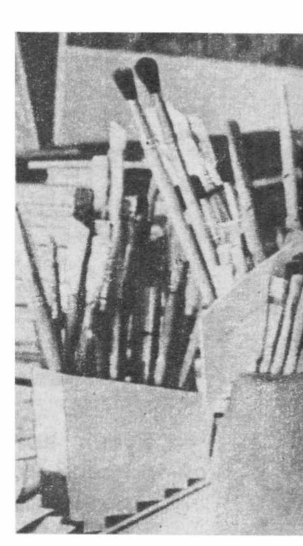
Торопыжка смел и весел,
Он придумщик-грамотей.
Мало ли на свете песен,
Мало ли вокруг затей!

Замечательные мысли:
Это лодка — не овраг;
Это парус, а не листья;
Солнце — самый яркий флаг!

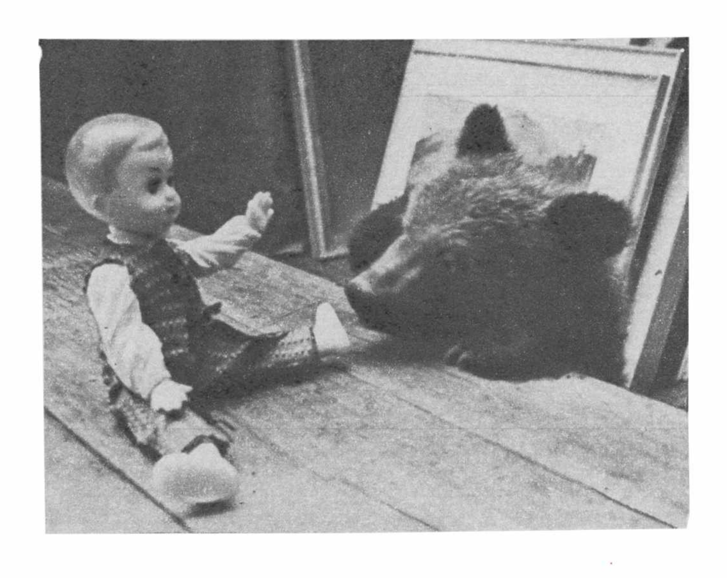
Торопыжка капитаном
На сосне.
Серьезный вид!
А внизу плывет поляна,
Ветер волны шевелит.
Цвет лесной волны зеленый,
Не глубокий голубой.
И ныряет медвежонок
В теплых травах с головой.

...Яркий флаг спускает вечер,
Солнце прячется за лес.
И летят земле навстречу
Пчелы синие с небес.

Спать улегся Торопыжка.
А земля спешит вперед.
Но, конечно, не вприпрыжку
И не задом наперед.



ОРОПЫЖКА



Цена номера 30 коп.

Индекс 70663.